7 сф
Р-89

Библіотека „СВѢТОЧА“
подъ редакціей *С. А. Венгерова.*
№№ 40—43.
Серія „Избранныя произведенія политической литературы“ № 3.

Ж.-Ж. РУССО.

О ПРИЧИНАХЪ НЕРАВЕНСТВА

(De l'inegalité parmi les hommes)

Переводъ съ французскаго
Н. С. Южакова.
подъ редакціей и съ предисловіемъ
С. Н. ЮЖАКОВА.

138271

Цѣна 75 к.

Проверено 1936 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Э. Винеке, Екатерингофскій пр., № 15.
1907.

Фундаментальная
Библиотека
И. Ф. Л. И.

10 Ee 324

7сф

р-89

ИКП Мир. Хоз. и Мир. Пол.
№ 13959
БИБЛИОТЕКА

48327 ир04

им. Горького
БИБЛИОТЕКА
М. Г. У.

44!538

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Предлагаемая книга Жанъ-Жака Руссо принадлежитъ къ числу тѣхъ семи его произведеній, которыя сдѣлали его имя на-вѣки великимъ и знаменитымъ. Составляя собою одно изъ необходимыхъ звеньевъ въ общественной философіи Руссо, эта книга представляетъ, и отдѣльно взятая, вполнѣ законченное произведеніе, хотя и старое, но полное живого интереса и въ настоящее время.

Не много именъ найдется во всемірной исторіи, которыя вызывали бы нетерпимо страстное отношеніе къ себѣ одинаково среди современниковъ и среди потомковъ и вокругъ которыхъ въ теченіе жизни многихъ поколѣній скоплялись бы цѣлыя тучи любви и ненависти, поклоненія и злобной, непримиримой вражды. Такія рѣдкія имена носили особые избранники человѣчества, отмѣтившіе своими дѣлами цѣлыя историческія эпохи, давшіе толчокъ и направленіе цѣлымъ могучимъ историческимъ теченіямъ, положившіе основанія для могущественныхъ общественныхъ переворотовъ, глубоко повліявшіе на положеніе, интересы, самосознаніе и самочувствіе обширныхъ населеній и многихъ поколѣній... И такими могучими личностями являются обыкновенно не *дѣятели* въ тѣсномъ смыслѣ слова, не тѣ, которые производятъ политическіе и соціальные перевороты, какъ бы ни были велики ихъ силы, какъ бы

ни были громадны событія, воплотившіяся въ ихъ дѣятельности. Современники ихъ любятъ и ненавидятъ, поклоняются и проклинаютъ. Но съ ихъ кончиною, съ завершеніемъ ихъ исторической эпохи наступаетъ болѣе спокойный судъ потомства. Для него дѣятельность такихъ великихъ людей является любопытной страницей исторіи,—страницей поучительной или возмутительной, отрадной или печальной, достойной подражанія или порицанія. Но она уже, эта дѣятельность, не вызываетъ страстей, не возбуждаетъ ни непримиримой вражды, ни пылкаго поклоненія. Исторіей этихъ личностей общественныя партіи, конечно, пользуются въ своихъ интересахъ, каждая по своему, но онѣ пользуются для этого и законами природы, и открытіями науки, и изобрѣтеніями техники... Странно было бы, если бы, напримѣръ, теперь, въ настоящее время, возбуждали страсти вокругъ себя и своего имени герцогъ Альба, Вильгельмъ Оранскій, Оливеръ Кромвель, Вашингтонъ, даже Робеспьеръ и Наполеонъ, даже Гарибальди. Для потомства — это изжитые моменты, фигуры прошлаго, очень значительнаго, конечно, но тѣмъ не менѣе—прошлаго. Несомнѣнно, событія, въ которыхъ участвовали эти большіе люди, еще такъ или иначе вліяютъ на жизнь потомковъ, но не сами личности, которыя умолкли и которыя уже не возьмутъ судьбы міра въ свои сильныя руки... Міру нечего отъ нихъ ждать и нечего опасаться. Ихъ можно порицать, но для ненависти нѣтъ мѣста. Ихъ можно осыпать похвалами и благодарностью, но послѣдователей они имѣть уже не могутъ. Ни за ними, ни противъ нихъ никто уже не пойдетъ, никому они не помогутъ, никому не повредятъ. Дѣянія такихъ людей переживаютъ ихъ короткую жизнь, но не ихъ личность, которая, переставая жить, перестаетъ быть и активнымъ элементомъ исторической жизни, перестаетъ принимать въ ней непосредственное участіе...

Великіе люди другого типа, великіе *мыслители*, имѣютъ иную судьбу. Затребованные ими идеалы остаются многія поколѣнія послѣ ихъ смерти дѣятельнымъ элементомъ исторіи, увлекая за собою однихъ, возбуждая противъ себя другихъ. Сила ихъ доводовъ, ихъ краснорѣчивое слово звучитъ многіе вѣка послѣ ихъ

смерти, созывая сонмы новыхъ поклонниковъ и послѣдователей, вызывая на бой и борьбу новые полки враговъ и непримиримыхъ противниковъ. Поколѣнія смѣняются... Великіе дѣятели этихъ поколѣній смѣняются вмѣстѣ съ ними... Великіе *мыслители* переживаютъ свои поколѣнія. Ихъ идеалы принимаются новыми поколѣніями, воплощаются въ жизни новыми дѣятелями... Эта жизненность идеаловъ и идей великаго мыслителя озаряетъ свѣтомъ своей мысли многія поколѣнія, за нимъ слѣдующія, и является причиной, почему вокругъ его имени кипитъ борьба, и потомство такъ же страстно ему поклоняется или ненавидитъ, какъ и современники. Къ такимъ личностямъ въ исторіи принадлежитъ и *Жанъ-Жакъ Руссо*.

За два года до смерти Руссо американцы прислали въ Европу свою знаменитую декларацію правъ человѣка. Это была первая попытка молодого поколѣнія, поклонявшагося своему великому учителю, приступить къ проведенію въ жизнь его идей. Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ его смерти французы издали свою декларацію, точно также представлявшую краснорѣчивый параграфъ изъ политической философіи Руссо. Франклинъ, Вашингтонъ и Джефферсонъ, Мирабо, Лафайетъ и Робеспьеръ соединились въ этомъ провозглашеніи своего дѣла дѣломъ великаго Жанъ-Жака. Идеи, съ которыми дѣятели американской и французской революціи приступили къ дѣлу освобожденія и возрожденія своего отечества, были идеями Руссо, хотя ни американская, ни французская демократія не исчерпала всего цикла этихъ идей. Поэтому-то воплощенію ихъ была дана каждымъ изъ дѣятелей форма, зависимая именно отъ такого частичнаго, въ каждомъ случаѣ различнаго заимствованія... Наполеонъ I какъ-то выразился, что не было бы французской революціи, если бы не было Руссо. Это несправедливо въ той же мѣрѣ, какъ и подобное же утвержденіе относительно американской революціи. И та, и другая вытекли изъ столкновенія глубокихъ интересовъ и крупныхъ силъ, оказавшихся къ концу XVIII вѣка въ жестокомъ и непримиримомъ антагонизмѣ. Привилегіи аристократической метрополіи, ея жадность и деспотизмъ вынудили американскую буржуа-

зію поднять оружіе. Привилегіи французской аристократіи, нетерпимость французской церкви, союзъ короны съ феодалами и клерикалами, нарушеніе господствующими классами интересовъ уже сильной и богатой французской буржуазіи дѣлали неизбѣжнымъ столкновеніе и во Франціи. И въ Новомъ, и Старомъ Свѣтѣ нежеланіе господствующихъ классовъ подѣлиться значеніемъ и силою съ буржуазіей, выросшей въ крупную общественную силу, — и было главной и неустранимой причиной обѣихъ революцій и великаго историческаго переворота, отразившагося на всемъ цивилизованномъ мірѣ. Но въ обѣихъ революціяхъ и во всѣхъ историческихъ событіяхъ, съ ними связанныхъ, могучей волной прокатился призывъ демократіи къ свободѣ, равенству и братству! Но въ обѣихъ революціяхъ сами интересы буржуазіи приняли демократическую окраску и выступили подъ знаменемъ не своихъ интересовъ, правъ или хартій, даже не блага государства или интересовъ націи, а *естественныхъ правъ человѣка*! Эти идеалы демократизма, эти идеалы естественнаго права личности были идеалами и идеями Руссо, и въ этомъ отношеніи невозможно указать другого мыслителя, который, давно успокоившись въ могилѣ, принималъ бы такое непосредственное прямое участіе въ общественной борьбѣ и великихъ историческихъ событіяхъ, наполняющихъ собою весь XIX вѣкъ. Фихте, Песталоцци, Фурье и Луи-Бланъ, Гарибальди и Линкольнъ, всѣ вожди демократическаго движенія, всѣ защитники естественнаго права противъ права историческаго, всѣ исходили и исходятъ изъ цикла тѣхъ идей, которыя частью высказывались и до Руссо, но которымъ этотъ мыслитель придалъ форму и вложилъ содержаніе, соотвѣтствующія злобамъ дня двухъ столѣтій, уже прошедшихъ, и, вѣроятно, еще и третьяго, наступившаго. Понятна отсюда и страстная борьба, все еще окружающая имя знаменитаго мыслителя.

Среди современниковъ, впечатлѣніе, произведенное замѣчательными твореніями Руссо, было громадное. Бокль, изучившій подробно эту эпоху, называетъ Руссо, „могущественнымъ“, а его вліяніе — изумительнымъ. Знаменитый англійскій мыслитель Юмъ, современникъ

Руссо и находившійся во Франціи въ періодъ наибольшаго творчества Руссо, замѣчаетъ, что трудно выразить и даже вообразить народный энтузіазмъ къ нему... Никто никогда не обращалъ на себя въ такой мѣрѣ народнаго вниманія. Вольтеръ и всѣ другіе совершенно затемнены имъ. Гриммъ, извѣстный нѣмецкій писатель и ученый, тоже проживавшій въ это время въ Парижѣ, подтверждаетъ этотъ необычайный успѣхъ. Книги Руссо расхватываются мгновенно. За чтеніе ихъ назначается плата по часамъ. Мирабо, Сенъ-Жюстъ, Робеспьеръ—тогда еще молодежь—поклоняются ему, ищутъ счастья его видѣть. Этотъ энтузіазмъ и это поклоненіе однихъ уравновѣшиваются или даже перевѣшиваются ненавистью и гоненіями другихъ. Его сочиненія сожигаются рукою палача. Его личность подвергается преслѣдованіямъ и оскорбленіямъ. Послѣ изданія „*Эмиля*“ и „*Общественнаго договора*“ онъ долженъ бѣжать изъ Франціи. Та же судьба постигаетъ его и въ Женевѣ... Онъ ищетъ убѣжища въ Бернскомъ кантонѣ, но декретъ республиканскаго правительства его изгоняетъ и оттуда. Та же судьба повторяется и въ Невшателѣ, гдѣ господствующіе классы возбуждаютъ противъ него чернь за его будто бы безбожіе, тогда какъ, единственный изъ крупныхъ мыслителей XVIII вѣка, Руссо оставался вѣрующимъ и религіознымъ! Совершенно естественны и понятны эти гоненія со стороны классовъ, противъ господства и насилія которыхъ направлялась его тонкая и глубокая критика, а пламенное краснорѣчіе его высокохудожественныхъ твореній взывало къ справедливости и возмездію. На первый взглядъ могутъ показаться менѣе понятными преслѣдованія и непримиримая вражда со стороны враговъ его враговъ, со стороны Вольтера, Дидро, Гримма, энциклопедистовъ... Однако и тому было достаточно причинъ...

Цивилизація является намъ въ исторіи двуликимъ Янусомъ, поворачивающимся къ человѣчеству то одной, то другой стороной. И человѣчество то преклоняется передъ благодѣяніями цивилизаціи, славословитъ ея успѣхи и завоеванія, ожидаетъ отъ нея спасенія и избавленія, то, напротивъ, съ ужасомъ и отвращеніемъ видитъ, какъ страшная мощь цивилизаціи вооружаетъ

насиліе и неправду, топчетъ справедливость, унижаетъ униженнаго, оскорбляетъ оскорбленнаго, поддерживаетъ тиранію, плодитъ деморализацію, вырожденіе, одичаніе!... Въ XVIII вѣкѣ во Франціи цивилизація обращена была къ человѣчеству своей благодѣтельной стороной. Враги цивилизаціи во Франціи, феодальные и клерикальные классы, были вмѣстѣ съ тѣмъ врагами народа. Ихъ привилегіи, порабощеніе ими народа, неправыя монополіи, произволъ и необузданныя насилія вопіяли къ человѣческой совѣсти, но тѣ же классы цѣпко держались за невѣжество и суевѣрія, находя въ нихъ опору для своего владычества. Просвѣщеніе и даже національное обогащеніе ихъ смущали и возбуждали противъ себя. Немилосердные поборы, драконовскія стѣсненія національнаго труда шли во Франціи XVIII вѣка рука объ руку съ гоненіями на просвѣщеніе, съ такими же драконовскими стѣсненіями мысли и слова. Народъ, средніе классы, просвѣщеніе одинаково терпѣли отъ одного и того же неправаго господства, отъ насилія и владычества тѣхъ же феодально-клерикальныхъ классовъ. И дѣятели просвѣщенія первые самоотверженно выступили на борьбу съ несокрушимой, казалось, силой. Вольтеръ, Монтескье, Дидро, Даламберъ, Кене, Тюрго, Гельвецій, Кондильякъ, Бюффонъ, Лавуазье, Кювье, Биша и многіе другіе—вотъ длинный рядъ знаменитыхъ дѣятелей, поднявшихъ эту тяжелую и опасную борьбу во Франціи и создавшихъ великую „Литературу Просвѣщенія“ вмѣстѣ съ ея славнѣйшимъ памятникомъ—колоссальной энциклопедіей—трудомъ, до того безпримѣрнымъ.

Проповѣдуя просвѣщеніе, создавая его, расчищая путь для свободнаго развитія цивилизаціи, подавленной своекорыстіемъ и деспотизмомъ господствующихъ классовъ, энциклопедисты искренно вѣрили, что тѣмъ самымъ они расчищаютъ путь и для общаго счастія, для народнаго блага и свободы. Просвѣщеніе и цивилизація были для нихъ синонимами прогресса, непремѣнной причиной народнаго блага. Цивилизація тогда скрывала отъ міра свою другую сторону. Литература просвѣщенія ея не разглядѣла... Руссо замѣтилъ эту обратную сторону, указалъ ее и со свойственной ему страст-

ностью возсталъ противъ цивилизаціи. Дѣятели литературы просвѣщенія сначала изумились и повидимому полагали, что краснорѣчивое нападеніе Жанъ-Жака на цивилизацію есть лишь приступъ, искусный маневръ. Они ждали затѣмъ иныхъ рѣчей, которыя тѣмъ выше вознесутъ благодѣянія культуры. Чувствуя въ Руссо врага враговъ своихъ, врага всякаго неправаго господства, они не могли и представить себѣ въ немъ возможность искренняго порицанія цивилизаціи. Или маневръ искуснаго полемиста, или бредъ сумасшедшаго, или корыстное лицемѣріе: ничего другого они не могли видѣть въ идеяхъ Руссо. И, когда убѣдились, что это отнюдь не маневръ со стороны Руссо, что Руссо является самымъ опаснымъ и талантливымъ врагомъ ихъ идей, они тѣмъ съ большей энергіей, можно сказать, съ яростью негодованія, возстали противъ неожиданной и непредвидѣнной ереси. А убѣдиться въ истинномъ значеніи и направленіи литературной дѣятельности Руссо имъ пришлось очень скоро. Разъ начавъ борьбу, Руссо быстро развертывалъ силы, быстро и неудержимо завоевывалъ умы и выбивалъ изъ позицій всѣ недавніе непререкаемые авторитеты прогрессивнаго общества.

Послѣ поразившей и смутившей диссертаціи *о вліяніи наукъ на нравы* Руссо выступаетъ съ разсужденіемъ *о причинахъ неравенства въ человѣческомъ обществѣ*. Страстная критика неравенства здѣсь идетъ рука объ руку съ не менѣе страстными обвиненіями цивилизаціи, являющейся ея главной причиной. Серьезные умы среди энциклопедистовъ уже задумались надъ направленіемъ этой новой силы, и Дидро уже попробовалъ остроумно и мягко отпарировать удары, стараясь направить ихъ на общихъ враговъ. Второстепенные умы просвѣтительнаго направленія не соблюдали такой осторожности и своими слабыми, хотя и рѣзкими нападками вызывали лишь побѣдоносный отпоръ со стороны Руссо. Эта полемика все яснѣе вырисовывала точку зрѣнія Руссо, все ярче отдѣляла его отъ литературы просвѣщенія, все шире покоряла мыслящую публику, особенно молодежь. „*Новая Элоиза*“ явилась новымъ необычайно могущественнымъ нападеніемъ. Эта трогательная исторія любви молодыхъ людей, одинаково достойныхъ и оди-

наково стремящихся другъ къ другу, фатально кончается несчастіемъ для нихъ и для всѣхъ окружающихъ. Причина несчастія—въ условіяхъ, созданныхъ цивилизаціей. Природа дала все для счастья героевъ и для того, чтобы они могли и вокругъ себя лить счастье и радость. Цивилизація же съ ея противуестественными учрежденіями, съ ея искусственными чувствами, съ ея условными правилами и обязанностями кассировала всѣ эти дары природы и изъ ихъ блага породила зло, изъ счастья создала несчастье, безъ вины осудила, унизила, обездолила людей, достойныхъ всего лучшаго! Эта потрясающая драма произвела несравнимое ни съ чѣмъ впечатлѣніе. Пламенныя страницы высокаго краснорѣчія, всюду разлитая гуманная сердечность, тонкая обрисовка дѣйствующихъ лицъ, влагаемый въ ихъ уста языкъ глубокой и высокой страсти, рѣдкія художественныя достоинства романа—все соединилось, чтобы доставить ему неслыханный успѣхъ, а его автору — невиданное дотолѣ могущество (и могущество одною силою убѣжденнаго слова). Вожди литературы просвѣщенія поняли необходимость взять борьбу въ свои руки изъ неумѣлыхъ рукъ второстепенныхъ писателей. Самъ Вольтеръ вмѣшался въ полемику, но Руссо, какъ-бы не давая опомниться своимъ противникамъ обоихъ фронтовъ, выпустилъ одно за другимъ почти одновременно два сочиненія.

Это были—„*Общественный договоръ*“ (Contrat Social) и „*Эмиль*“. Въ первомъ доктрины Руссо получили свою окончательную догматическую форму. Верховное право народа (souveraineté du peuple) и демократическое равенство были основными принципами этой доктрины. *Естественное*, для всѣхъ одинаковое и равное, *право личности* являлось санкціей доктрины, устранявшей всѣ прежнія санкціи, и божественное благословеніе, и давность, и пыльные пергаменты, и даже интересы націи, блага просвѣщенія. Все это стушевалось передъ естественными правами человѣка и суверенитетомъ народа, т. е. собранія личностей, добровольно вступившихъ въ общественный договоръ. Простота принципа, его прямолинейная логика и его независимость отъ какихъ бы то ни было завѣтовъ старины, такъ же какъ и отъ ра-

мокъ цивилизаціи, изумили міръ — очаровали однихъ, озлобили другихъ. „*Эмиль*“ былъ какъ будто для того написанъ, чтобъ довести это очарованіе до энтузіазма, а это озлобленіе—до бѣлаго каленія. Человѣчество не видало книги, которая съ чарами художественнаго творчества и тонкаго ума соединяла бы столько безпощадной и обаятельной критики самыхъ основъ того, что почиталось краеугольнымъ камнемъ просвѣщенія и цивилизаціи. Тотъ же „*Эмиль*“, съ другой стороны, не оставлялъ камня на камнѣ отъ той школы, отъ той семьи, отъ той системы общественнаго и домашняго воспитанія, которыя были освящены авторитетомъ католической церкви и поставлены подъ охрану законовъ французскаго государства. Выходъ „*Общественнаго договора*“ и „*Эмиля*“ явился сигналомъ для начала гоненій на Руссо со стороны правящихъ классовъ и страстной полемики со стороны вождей литературы просвѣщенія. Вольтеръ сталъ во главѣ этого похода.

Большой историческій интересъ представляетъ это единоборство двухъ величайшихъ писателей XVIII вѣка. Если Вольтеръ развернулъ въ этой полемикѣ всю силу своего ѣдкаго, язвительнаго, безподобнаго остроумія, то, съ другой стороны, Руссо оказался на высотѣ своего противника и волновалъ сердца своимъ высокимъ краснорѣчіемъ и широкой гуманностью. Переходя съ мѣста на мѣсто, отовсюду гонимый, всюду преслѣдуемый, Руссо то тамъ, то здѣсь разбивалъ свой временный лагерь и продолжалъ борьбу. Изъ Невшателя онъ написалъ свои „Lettres de la Montagne“, эту страстную филиппику противъ своихъ противниковъ обоихъ лагерей. Въ Англіи началъ свои „Confessions“, это безпощадное самообличеніе и такое же безпощадное бичеваніе своихъ противниковъ. Борьба эта занимала историковъ литературы и съ точки зрѣнія художественной красоты этого знаменитаго турнира, и по существу спора. Съ обычной ловкостью споръ этотъ Вольтеръ разсыпалъ на рядъ отдѣльныхъ эпизодовъ, среди которыхъ въ отдѣльности фернейскій философъ былъ зачастую болѣе правъ, нежели его странствующій, гонимый, больной физически и душевно противникъ. Но за этими деревьями отдѣльныхъ эпизодовъ немногіе разглядѣли лѣсъ основ-

ного вопроса, точно ли въ развитіи культуры и заключается вся задача и весь интересъ человѣчества? Точно ли культура всегда благодѣтельна и ведетъ человѣчество къ добру и правдѣ? Точно ли программа, провозглашенная литературой просвѣщенія, есть программа народнаго блага и справедливости? Не просмотрѣли ли ея славные авторы существенной стороны культурнаго развитія? И не указалъ ли Руссо на этотъ просмотръ своей страстной проповѣдью противъ неправдъ цивилизаціи? Потому-то вокругъ Руссо и теперь кипятъ страсти, волнуются сердца, раздаются благословенія и проклятія... Его идеалы, его идеи еще и теперь—факторы современной исторіи, и задумчивый, меланхолическій Жанъ-Жакъ еще участвуетъ въ развитіи современныхъ событій. Вольтеръ, Монтескье, Дидро, Кене, возставъ противъ феодальнаго господства и клерикальной опеки, полагали служить интересамъ народа, который былъ угнетаемъ этимъ господствомъ и деморализуемъ этой опекой. Они успѣли подготовить ниспроверженіе этого строя, но вмѣстѣ съ тѣмъ подготовили для народа новыхъ господъ и новыхъ опекуновъ, подготовили торжество плутократіи. Вся политическая философія Руссо есть протестъ противъ этой эволюціи. Болѣе всякаго другого, оказавъ содѣйствіе ниспроверженію стараго порядка, Руссо, одинъ изъ немногихъ, не только не положилъ ни одного камня для возведенія буржуазнаго господства, но даже подготовилъ борьбу и съ этой новой формой общественнаго неравенства и народнаго порабощенія. Принципъ личности, какъ верховный критерій доктрины, и идея народа, какъ добровольнаго, сознательнаго единенія личностей, являлись въ теченіе всего XIX вѣка руководящими во всѣхъ движеніяхъ французской и вообще европейской демократіи.

Ж.-Ж. Руссо родился 2 іюня 1712 года въ Женевѣ; уже въ 1778 г. подъ Парижемъ. Мать заплатила жизнью за рожденіе великаго человѣка, который явился на свѣтъ хилымъ и слабымъ ребенкомъ, не обѣщавшимъ долголѣтія. Только заботливому уходу тетки Руссо и человѣчество обязаны, что онъ пережилъ и перенесъ первые дни и первые годы этого хрупкаго существованія. Отецъ Руссо былъ по про-

фессіи часовщикъ, какъ большинство женевцевъ того времени. Человѣкъ онъ былъ безпокойный и безпорядочный и первыя десять лѣтъ жизни, проведенныя Жанъ-Жакомъ подъ родительскимъ кровомъ, никакъ не были факторомъ, благопріятнымъ умственному, ни нравственному развитію ребенка. Въ 1722 году отецъ оставилъ Женеву и поселился въ Ліонѣ, передавъ сына шурину своему Бернару, у котораго былъ сынъ, ровесникъ Жанъ-Жаку. У Бернара Руссо оставался не долго и вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ скоро былъ помѣщенъ въ пансіонъ для мальчиковъ, содержавшійся священникомъ Ламберсье въ деревушкѣ Боссэ, подлѣ Женевы.

Въ школѣ Ламберсье Руссо пробылъ около двухъ лѣтъ и здѣсь впервые начала обрисовываться природа мальчика. Живший до этого времени въ городѣ, Руссо въ Боссэ впервые прикоснулся къ природѣ, и впечатлительная отзывчивая душа его открылась навстрѣчу красотамъ и чарамъ природы, вступила съ нею въ то тѣсное сердечное общеніе, которое затѣмъ подарило ничѣмъ не превзойденныя картины и страницы. Въ трогательныхъ и художественныхъ картинахъ рисуетъ намъ Руссо въ „Confessions“ эти свои первыя свиданія съ природой, свои игры, занятія садоводствомъ, наблюденія, чувства, навѣваемыя деревней... Деревня и природа навсегда остались самыми дорогими и постоянными привязанностями Руссо, и кто знаетъ, эти симпатіи, заложенныя общеніемъ дѣтской души и деревенской природы, не отразились ли и на міросозерцаніи великаго мыслителя? Не увеличили ли его отвращенія къ цивилизаціи? Не подсказали ли ему искать ей поправки и лекарства въ безыскусственныхъ условіяхъ, создаваемыхъ природою безъ участія культуры?

Когда дядя Бернаръ взялъ своего сына отъ Ламберсье, чтобы готовить его въ инженеры, то вмѣстѣ съ нимъ взяли и Жанъ-Жака, однако, никуда его не готовя. Кое-чему его обучали, присоединивъ къ нѣкоторымъ занятіямъ кузена. Пробовали его пристроить клеркомъ къ нотаріусу, но его тамъ нашли неспособнымъ. Наконецъ, когда ему исполнилось пятнадцать лѣтъ, рѣшено было его сдѣлать граверомъ, и онъ былъ опредѣ-

ленъ къ мастеру Дюкоммену ученикомъ, гдѣ онъ и пробылъ безъ малаго годъ. Мастеръ отличался жестокостью, жадностью и корыстолюбіемъ. Послѣдствіемъ этого было то, что въ одно прекрасное весеннее утро Руссо бѣжалъ изъ граверной и оставилъ Женеву. Это было 14 марта 1728 г., когда бѣглецу еще не исполнилось шестнадцати лѣтъ.

Два дня странствовалъ Руссо по деревнямъ женевскаго кантона, пользуясь гостепріимствомъ поселянъ, а на третій перешелъ границу и очутился въ Савойѣ. Здѣсь его пріютилъ и обласкалъ католическій священникъ Понверръ. Руссо, какъ и вообще женевцы, былъ кальвинистъ. Понверръ рѣшилъ спасти его душу и съ этою цѣлью направилъ его въ городъ Аннеси къ баронессѣ Варрансъ, которая и отправила его въ Туринъ, гдѣ существовала спеціальная семинарія для обращенія еретиковъ. Тамъ Руссо пробылъ около четырехъ мѣсяцевъ, обучаясь догматамъ и правиламъ католической церкви. Въ концѣ лѣта состоялось обращеніе и новоиспеченный шестнадцатилѣтній католикъ былъ выпущенъ на улицы Турина всего съ двадцатью франками въ карманѣ. Онъ перепробовалъ нѣсколько профессій (приказчика, клерка, прислуги), но его нервный темпераментъ и независимый характеръ не допустили его приспособиться къ этимъ занятіямъ. Тогда онъ вспомнилъ о баронессѣ Варрансъ, такъ радушно его принявшей годъ назадъ, и отправился къ ней въ Аннеси. Баронесса была очень довольна его появленіемъ и пріютила у себя.

Бурный періодъ дѣтства и отрочества заканчивается этимъ эпизодомъ, потому что слѣдующій періодъ 1729—1740 гг. наполненъ тихою идилліей сердечнаго союза съ Варрансъ. За это время онъ состоялъ сначала въ хорѣ церковныхъ пѣвчихъ, потомъ клеркомъ въ интендантскомъ управленіи. Эти занятія и любовь красивой подруги наполняли собою значительную часть времени. Остальное время поглощало систематическое изученіе языковъ, наукъ и философіи, причемъ ему удалось достичь серьезныхъ результатовъ и сдѣлаться вполнѣ образованнымъ человѣкомъ. Въ 1740 г. сорокалѣтняя баронесса Варрансъ вновь влюбилась, и Руссо разстался

съ нею. Это огорченіе побудило его оставить и Савойю. Послѣ недолгаго пребыванія въ Ліонѣ, онъ весною 1741 года переселился въ Парижъ. Около двухъ лѣтъ Руссо пробивался перепискою нотъ, музыкою, мелкимъ литературнымъ трудомъ, но его стремленіе упрочить свое положеніе въ качествѣ музыканта и композитора потерпѣло неудачу и въ 1743 году онъ принялъ предложенную ему должность секретаря французскаго посольства въ Венеціи. Этотъ эпизодъ дипломатической службы продолжался около года, но столкновеніе съ надменнымъ посланникомъ побудило его возвратиться въ Парижъ. Еще пять лѣтъ онъ здѣсь провелъ прежде, чѣмъ вступилъ на путь своего историческаго призванія. Онъ служилъ по финансовому вѣдомству, сочинялъ комедіи и оперетки, писалъ о музыкѣ въ энциклопедіи и скрѣплялъ литературныя связи. Этимъ завершается второй періодъ его жизни, подготовительный къ великому дѣлу, которое исторія возлагала на этого уже созрѣвшаго тридцати-семилѣтняго мыслителя.

II.

Еще въ бытность въ Венеціи Руссо натолкнулся на мысль написать сочиненіе о недостаткахъ современной общественной организаціи. Тиранія венеціанской олигархіи уживалась съ республиканской формой правленія, какъ нищета и угнетеніе французскаго крестьянина гордыми феодалами—съ блескомъ монархіи Бурбоновъ. Руссо начиналъ думать, что причина зла лежитъ глубже этихъ формъ, о которыхъ спорили политики и философы его времени. Сочиненія этого Руссо не написалъ, но задача была осуществлена въ трехъ его политико-философскихъ трактатахъ: „О вліяніи наукъ на нравы“, „О причинахъ неравенства“ и „Общественный договоръ“. Такимъ образомъ съ 1744 года идеи, обезсмертившія Руссо, уже бродили въ его головѣ. Натура болѣе эмоціональная, нежели интеллектуальная, Руссо нуждался въ такомъ возбужденіи его чувства и его фантазіи, которое бы отлило въ художественную картину его идеи, облекло бы ихъ плотью, трепещущей

высокимъ чувствомъ любви, негодованія, самоотверженія... Идеи уже складывались въ головѣ, чувства уже горѣли въ сердцѣ, яблоко уже созрѣло. Нужно было встряхнуть чудно одаренное дерево, чтобы плоды сразу въ изобиліи посыпались на землю, давно алчущую этихъ свѣжихъ, еще неизвѣданныхъ плодовъ.

Весною 1749 года за выпускъ книги „Письма о слѣпыхъ“ Дидро былъ арестованъ и брошенъ въ тюрьму. Его просвѣщенные друзья изъ аристократіи скоро добились смягченія его заключенія. Дидро былъ переведенъ въ Венсенскій замокъ, гдѣ ему было разрѣшено принимать друзей. Руссо изъ первыхъ поспѣшилъ къ заключенному другу и сталъ часто посѣщать его. Однимъ знойнымъ лѣтнимъ днемъ шелъ Руссо изъ Парижа въ Венсенъ (около двухъ миль ходьбы по шоссе). Впрочемъ предоставимъ лучше слово самому Руссо. Пусть онъ самъ разскажетъ намъ эту чудесную страничку о пробужденіи дремавшаго генія. Въ письмѣ къ Малербу (отъ 12 янв. 1762 г.) онъ описываетъ этотъ знаменательный эпизодъ своей жизни и всемірной литературы слѣдующимъ образомъ:

„Я хотѣлъ бы нарисовать вамъ, м. г., эту минуту, составившую эпоху въ моей жизни и запечатлѣвшуюся съ неизгладимой силой въ моей душѣ, хотя бы ей предстояло жить и чувствовать вѣчно. Я шелъ къ Дидро, тогда узнику въ Венсенѣ. Я захватилъ съ собою номеръ „Mercure de France“ [1]) и пересматривалъ его дорогой. Глаза мои скользили по столбцамъ газеты и вдругъ остановились на темѣ, предложенной Дижонской академіей для соисканія преміи [2]). Если когда-либо міръ видѣлъ внезапное наитіе, то это было душевное движеніе, меня охватившее въ эту минуту. Въ моемъ умѣ какъ бы сразу сверкнулъ свѣтъ, все озарившій. Масса идей яркихъ и живыхъ представилась мнѣ вдругъ съ такой силой и въ такомъ количествѣ, что смущеніе и трепетъ охватили мою душу. Я какъ бы опьянѣлъ отъ наплыва мысли и чувства. Сердце усиленно билось, сдав-

---

[1]) Газета, издававшаяся тогда аббатомъ Рейналемъ.

[2]) Тема: „Распространеніе наукъ и искусствъ улучшило или испортило нравы людей?“

ливая грудь, стѣсняя дыханіе... Я опустился на траву подъ деревомъ у дороги и просидѣлъ здѣсь, охваченный такимъ волненіемъ, что черезъ полчаса, поднимаясь продолжать путь, я увидѣлъ весь передъ моей одежды смоченный слезами, безсознательно лившимися изъ глазъ. О, м. г., если бы я былъ въ состояніи перенести на бумагу хотя четверть того, что я увидѣлъ, передумалъ и перечувствовалъ подъ этимъ деревомъ, съ какой ясностью я заставилъ бы всѣхъ понять противорѣчія нашей общественной организаціи, съ какой бы силой я выставилъ всѣ бѣды и неправды нашихъ учрежденій, съ какой очевидностью и простотой далъ бы почувствовать, что человѣкъ—по природѣ доброе и хорошее существо, и что единственно его собственныя учрежденія дѣлаютъ его злымъ и дурнымъ! Все, что я могъ удержать въ памяти изъ этой массы великихъ истинъ, озарившихъ меня въ теченіе четверти часа подъ этимъ деревомъ, я помѣстилъ въ трехъ главныхъ моихъ сочиненіяхъ, именно: въ моей первой диссертаціи, въ диссертаціи о неравенствѣ и въ книгѣ о воспитаніи. Эти три работы тѣсно связаны и вмѣстѣ составляютъ одно цѣлое".

По природѣ болѣе художникъ, нежели мыслитель, Руссо постигалъ истину болѣе процессомъ творческаго художественнаго представленія, нежели логическимъ мышленіемъ. Выше набросанная картина снизошедшаго на него откровенія является прекрасной иллюстраціей тонко-художественнаго мышленія и могла бы служить чуднымъ введеніемъ въ исторію многихъ религій,—не Конфуція, конечно, но, напримѣръ, Будды или Магомета. „Мои чувства, — говоритъ Руссо въ своихъ „Confessions",— мои чувства развивались и возвышались, слѣдуя за идеями. Всѣ мои маленькія страсти исчезли въ волнахъ этого энтузіазма передъ истиной, свободой, доблестью". Руссо прибавляетъ, что этотъ энтузіазмъ не покидалъ его и въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ Такъ проснулся геній Руссо, обрѣлъ свою истинную дорогу и сталъ отнынѣ факторомъ всемірной исторіи. Подъ памятнымъ деревомъ на Венсенскомъ шоссе, въ знойный лѣтній день 1749 года, карандашемъ набросалъ Руссо свои творческія видѣнія. Часть ихъ онъ обратилъ въ дис-

сертацію о вліяніи наукъ и искусствъ на нравы. Дижонская академія увѣнчала диссертацію премiей и выпустила ее въ свѣтъ. Громадный успѣхъ книги, несравненное впечатлѣніе ея на умы, живая полемика, ею поднятая, только окончательно укрѣпили Руссо на его новой дорогѣ и только болѣе возбуждали его энтузіазмъ къ открытой имъ истинѣ. Ея апостоломъ онъ остался всю послѣдующую жизнь; за нее онъ принялъ гоненія и проклятія; перенесъ много горя и тяжелыхъ испытаній; ее же онъ завѣщалъ своимъ пламеннымъ ученикамъ и послѣдователямъ. Основной нервъ этой „истины“ сжато и точно формулированъ самимъ Руссо въ вышеприведенномъ отрывкѣ письма къ Малербу: *люди по природѣ добры, но людскія учрежденія дѣлаютъ ихъ злыми;* добродѣтель — это естественное состояніе человѣка, порокъ и преступленіе — это порожденіе неправыхъ учрежденій, принесенныхъ цивилизаціей; поэтому первобытное естественное состояніе является состояніемъ справедливымъ и благимъ, а цивилизація есть главный источникъ зла, порока и несчастія. Такъ рѣзко формулировалъ свои идеи Руссо уже въ первыхъ двухъ своихъ значительныхъ работахъ, въ диссертаціяхъ: *о вліяніи наукъ* и *о неравенствѣ*, вышедшихъ въ промежутокъ 1750 до 1754 годовъ и дополненныхъ цѣлымъ рядомъ полемическихъ отвѣтовъ критикамъ первой диссертаціи. Остановимся немного на этой первой диссертаціи, зачатіе которой мы уже знаемъ.

Сущность диссертаціи можно проконспектировать въ слѣдующихъ немногосложныхъ строкахъ: Дижонская академія спрашиваетъ: „Науки и искусства содѣйствовали ли улучшенію или порчѣ нравовъ?“ Нельзя умѣстнѣе и важнѣе поставить вопросъ, съ которымъ связаны судьбы человѣчества, его счастье, добродѣтель, достоинство. Если мы обратимся къ временамъ, когда науки и искусства еще не успѣли повліять на нравы, что видимъ мы въ этомъ естественномъ состояніи? Тогда люди были грубы, но искренни и правдивы. Различія диктовались природой. Теперь же все опредѣляется общественнымъ положеніемъ. Столкновеніе интересовъ уничтожило первобытную правдивость. Требованія общежитія все прикрыли лицемѣрной деликатностью. Люди

перестали быть самими собою, стали обманчивы. Родилось взаимное недовѣріе, тайная вражда, клевета, разные пороки и преступленія. Растлѣніе нравовъ есть удѣлъ цивилизованнаго общества. Сравненіе состоянія естественнаго и состоянія цивилизованнаго (policé, какъ тогда принято было выражаться) обнаруживаетъ, такимъ образомъ, контрасты не въ пользу послѣдняго.

Въ чемъ же причина этой перемѣны? Исторія обнаруживаетъ постоянную связь между упадкомъ нравовъ и развитіемъ просвѣщенія. Египетъ, Греція, Римъ призываются авторомъ въ свидѣтели этой связи. „Государства и ихъ законы, — пишетъ Руссо, — обезпечиваютъ безопасность и благосостояніе людей, соединившихся подъ ихъ властью. Науки же, литература и искусство, менѣе деспотическія, но болѣе могущественныя, украшаютъ гирляндами цвѣтовъ цѣпи, наложенныя на человѣка; заглушаютъ чувство свободы, для которой онъ рожденъ природой; заставляютъ его любить рабство и создаютъ существа, называемыя цивилизованнымъ человѣкомъ. Необходимость породила власть; науки и искусства ее утвердили.“ Китай, гдѣ наука такъ высоко цѣнится, есть клоака порока. Израиль никогда не зналъ науки. Спаситель довѣрилъ дѣло свое не ученымъ, а рыбакамъ и простолюдинамъ. „Главный источникъ зла,— пишетъ Руссо въ отвѣтъ польскому королю Станиславу Понятовскому, выступившему съ критикой его диссертаціи,—главный источникъ зла есть неравенство. Изъ неравенства возникаютъ богатства... Изъ богатствъ родится роскошь и праздность. Искусства же порождаются роскошью, а науки—праздностью“. Такимъ образомъ, строго говоря, Руссо считалъ просвѣщеніе факторомъ производнымъ, какъ и пороки и порчу нравовъ. „Вотъ путь,—говоритъ онъ въ концѣ первой части своей диссертаціи,—вотъ путь, по которому роскошь, разложеніе нравовъ и рабство являлись всегда и всюду карою за горделивое стремленіе выйти изъ состоянія счастливаго невѣдѣнія, въ которое насъ поставила предвѣчная мудрость“. Эту идею, что основная причина зла—въ неравенствѣ, возникшемъ между людьми, Руссо повторяетъ нѣсколько разъ въ своей диссертаціи, но сама тема диссертаціи заставляла его сосредоточиваться на вліяніи

просвѣщенія, которое онъ самъ не однажды называлъ такимъ же послѣдствіемъ неравенства, какъ и роскошь, и порчу нравовъ. Разграничить однако эту взаимную зависимость просвѣщенія и упадка нравовъ, какъ двухъ плодовъ того же процесса дифференцированія общества, отъ зависимости, въ которой просвѣщеніе являлось бы причиной, а упадокъ — послѣдствіемъ, провести такое разграниченіе никогда вполнѣ не удалось Руссо. Понимая ясно, что коренная причина—въ дифференцированіи общества, Руссо оставлялъ всегда весьма широкое значеніе въ порчѣ нравовъ и для самого просвѣщенія. И притомъ значеніе это онъ понималъ обыкновенно, какъ непосредственное вліяніе науки и искусства. Иногда, однако, онъ ясно видѣлъ нѣкоторыя звенья, соединяющія оба явленія. „Другія, худшія послѣдствія порождаютъ искусства и науки,—пишетъ Руссо во второй части анализируемой диссертаціи, — такова — роскошь, порожденная, подобно имъ, праздностью и тщеславіемъ. Роскошь рѣдко развивается безъ науки и искусствъ, а искусства и науки никогда не развиваются безъ нея. Я зналъ, что наша философія, всегда изобрѣтательная по части оригинальныхъ сужденій, утверждаетъ, вопреки опыту всѣхъ временъ и народовъ, будто роскошь составляетъ благо государствъ. Но даже пренебрегая всюду сознанной необходимостью законовъ противъ роскоши, рѣшится ли кто-нибудь отрицать необходимость нравственности для прочности государствъ или несовмѣстимость роскоши и нравственности? Пускай роскошь служитъ мѣриломъ богатства! Пускай даже она содѣйствуетъ его росту! Что же слѣдуетъ изъ этого парадокса, столь характернаго для нашего времени? И что станется съ добродѣтелью, если должно будетъ искать обогащенія какой бы то ни было цѣной? Прежде политики говорили о добродѣтели и нравственности. Нынѣ они говорятъ о торговлѣ и богатствѣ... Если имъ вѣрить, человѣкъ цѣнится государствомъ въ цѣну его потребленія. Такимъ образомъ, сибаритъ стоитъ тридцати лакедемонянъ! Пусть вспомнятъ, однако, которая изъ этихъ двухъ республикъ, Сибарисъ или Спарта погибла подъ ударами горсти возставшихъ крестьянъ, и которая привела въ трепетъ Азію!.. Небольшое племя

горцевъ, ничего не имѣвшихъ, кромѣ нѣсколькихъ бараньихъ шкуръ, возстали противъ власти Австріи и одолѣли эту богатую и могущественную фамилію Бургундіи (Габсбурговъ), которая заставляла дрожать передъ собой властелиновъ Европы! Наконецъ, все могущество наслѣдника Карла V, поддерживаемаго всѣми сокровищами Индіи, разбилось о сопротивленіе горсти бѣдныхъ рыбаковъ, промышлявшихъ селедкой! Пусть наши политики на время оставятъ свои счеты и вычисленія, чтобы поразсмыслить надъ этими примѣрами, и пусть они запомнятъ разъ навсегда, что можно все пріобрѣсти при помощи денегъ, кромѣ нравственности и гражданъ". Немного далѣе Руссо продолжаетъ эту мысль: „Мы имѣемъ физиковъ, математиковъ, химиковъ, астрономовъ, поэтовъ, музыкантовъ, живописцевъ. Мы не имѣемъ гражданъ. А если ихъ осталось еще нѣсколько, разсѣянныхъ по нашимъ заброшеннымъ деревнямъ, то они тамъ гибнутъ въ нуждѣ и презрѣніи. Потому что именно въ нуждѣ, именно въ презрѣніи находятся у насъ тѣ, кто даетъ намъ хлѣбъ, кто кормитъ молокомъ нашихъ дѣтей".

По небольшимъ цитатамъ, мною приведеннымъ, можно судить о силѣ этой страстной критики современнаго общества. Ничего подобнаго не было высказываемо до Руссо и никогда съ такой силой краснорѣчія. Руссо принадлежитъ къ лучшимъ французскимъ стилистамъ и притомъ совершенно оригинальнымъ. Не тонкій сарказмъ Вольтера, не академическая рѣчь Монтескьё, не вдумчивая логика Дидро плѣняли въ изложеніи Руссо, а то, что французы называютъ le sublime. Это чувство *высокаго* проникаетъ всю рѣчь Руссо, облеченную вдобавокъ всегда въ изящную форму, тонко и внимательно обработанную. Эта возвышенная красота изложенія была первой причиной замѣчательнаго успѣха книги, вышедшей въ эпоху утонченнаго литературнаго вкуса. Дилетанты литературы восхищались талантомъ автора; молодое поколѣніе, измученное унизительнымъ упадкомъ Франціи при Людовикѣ XV,—упадкомъ внутреннимъ и внѣшнимъ, прислушивалось къ святая святыхъ откровеній пламеннаго автора. Страстная критика тогдашняго общественнаго строя была сдѣлана авторомъ

во имя прошедшаго. Другіе сами могли то же повторить во имя будущаго. И не въ апологіи природнаго состоянія, а въ протестѣ противъ современнаго состоянія скрывалось могучее вліяніе новыхъ идей на умы. Неравенство, роскошь, рабство выставлялись, какъ бѣдствія современнаго состоянія; равенство, простота, свобода— какъ блага прошедшаго. Руссо не говорилъ, что они должны стать вмѣстѣ съ тѣмъ идеалами будущаго. За него досказали это его читатели.

Эскизъ, набросанный въ диссертаціи о вліяніи наукъ на нравы, обращенъ въ картину въ диссертаціи о происхожденіи неравенства между людьми, теперь нами предлагаемой вниманію русской публики. Основная идея та же самая, но развита она съ большей силой и подробностью. „Я различаю, — говоритъ онъ,—два вида неравенства между людьми: *естественное* или физическое неравенство возраста, здоровья, силы, ума, и другое— *искусственное*, которое можно назвать политическимъ или моральнымъ, такъ какъ оно зависитъ отъ своего рода договора или по меньшей мѣрѣ отъ согласія людей. Это послѣднее состоитъ въ различныхъ привилегіяхъ, которыми одни люди владѣютъ въ ущербъ другимъ; таковы — богатство, знатность, власть. Нельзя спрашивать о причинѣ неравенства естественнаго, потому что отвѣтъ заключается въ самомъ опредѣленіи. Еще менѣе того можно искать взаимной связи между обоими видами неравенства. Потому что это значило бы допускать, что повелѣвающіе всегда достойнѣе повинующихся, или что физическая сила, умъ, добродѣтель и мудрость заключены въ людяхъ пропорціонально ихъ богатству и ихъ власти! Такой вопросъ рабы могутъ обсуждать, когда надѣются, что господа ихъ услышатъ. Ему нѣтъ мѣста въ бесѣдѣ людей разумныхъ и свободныхъ, ищущихъ истины“. Такой независимый и сильный языкъ не могъ не имѣть чарующаго вліянія на общество, привыкшее къ полусловамъ и осторожнымъ, скорѣе иносказательнымъ выраженіямъ.

Мы не будемъ излагать его второй диссертаціи (мы ее ниже предлагаемъ всю), но отмѣтимъ нѣкоторыя идеи, обнаружившія замѣчательную философскую проницательность въ этомъ художникѣ и проповѣдникѣ.

„Не умножая эти примѣры,—говоритъ Руссо въ концѣ первой части, посвященной изслѣдованію естественнаго состоянія,—мы можемъ уже съ совершенной ясностью видѣть, что узы рабства могутъ возникнуть только изъ взаимной зависимости людей, изъ общихъ потребностей, ихъ соединяющихъ, и что слѣдовательно невозможно поработить человѣка иначе, какъ поставивъ его въ положеніе, въ которомъ онъ уже не можетъ обходиться безъ другихъ“. Это замѣчательно глубокая идея, все значеніе которой можно оцѣнить только при современномъ состояніи соціологическаго знанія. Мы уже видѣли, что, приписывая порчу нравовъ просвѣщенію, Руссо искалъ причину этого въ роскоши и праздности, а причину роскоши и праздности — въ неравенствѣ... Далѣе онъ не шелъ въ своемъ анализѣ. Только-что приведенная цитата дѣлаетъ еще одинъ шагъ, ищетъ причину самаго неравенства и находитъ ее въ соединеніи людей въ организованное общество. *Организованность* общества является такимъ образомъ основной причиной. Руссо нѣсколько разъ останавливался на этой мысли, но повидимому самъ не оцѣнилъ всего ея значенія. Читатели пошли дальше. Одни отвергнули по возможности всякую организацію и постарались въ революціяхъ американской и французской освободить общество отъ всякихъ формъ быта. Другіе же нашли необходимымъ предложить иную организацію. Тѣ и другіе исходили изъ одной и той же идеи Руссо, слишкомъ бѣгло набросанной, чтобы не породить столь различныхъ толкованій и выводовъ.

Въ сущности и во второй диссертаціи Руссо держится мнѣнія, что основная причина неустройствъ общественныхъ заключается въ неравенствѣ. Вся вторая часть диссертаціи посвящена изслѣдованію постепеннаго развитія неравенства. Она начинается фразой, цитируемой всѣми историками литературы: „Тотъ - первый человѣкъ, который огородилъ участокъ земли и сказалъ: *это мое поле*, и нашелъ людей. достаточно простодушныхъ, чтобы ему повѣрить, и былъ истиннымъ основателемъ гражданскаго общества“. Теперь мы знаемъ, что дѣло было совсѣмъ не такъ, что гражданское общество возникло задолго до частной поземельной собствен-

ности, и что даже во времена Руссо большинство человѣчества, жившаго уже въ гражданскомъ обществѣ, еще не знало этой собственности. На такихъ же гипотезахъ основаны и многіе другіе его доводы, по которымъ онъ строитъ исторію первыхъ шаговъ человѣчества. Важнѣе этихъ ошибокъ и невѣрныхъ гипотезъ было то, что не отъ нихъ логически и морально зависѣли главнѣйшія идеи Руссо. Тѣ или другія черты носилъ первобытный человѣкъ, такъ или иначе возникло неравенство,—это мало вліяло на доказательность идеи, что современнаго человѣка портятъ современныя учрежденія, что равенство и свобода—естественное состояніе человѣка, и что во всемъ тогдашнемъ строѣ нельзя найти ничего, что было бы достойно похвалы или сохраненія. Для современнаго Жакъ-Жаку человѣчества это было важнѣйшее. Для потомства же остались серьезнымъ завѣщаніемъ рядъ блестящихъ сопоставленій связи между различными факторами общественной жизни, — связи между цивилизаціей общества и вырожденіемъ человѣка.

С. Южаковъ.

Разсужденіе о происхожденіи и основахъ неравенства между людьми.

Два слова о примѣчаніяхъ.

По свойственной мнѣ, какъ лѣнивцу, привычкѣ работать урывками, я присоединилъ къ этому сочиненію нѣсколько примѣчаній. Примѣчанія эти настолько уклоняются иногда отъ предмета, что ихъ неудобно читать вмѣстѣ съ текстомъ. Я отослалъ ихъ, поэтому, къ концу разсужденія, въ которомъ старался всѣми силами идти наиболѣе прямымъ путемъ. Тѣ, у кого достанетъ рѣшимости приняться за чтеніе во второй разъ, могутъ для развлеченія поискать, не найдется ли чего-нибудь интереснаго для нихъ въ примѣчаніяхъ. Бѣда будетъ не велика, если остальные не прочтутъ ихъ вовсе.

Женевской республикѣ.

Свѣтлѣйшіе, высокочтимые и державные правители!

Будучи убѣжденъ, что лишь достойному гражданину подобаетъ воздавать своему отечеству довлѣющія его почести, я уже тридцать лѣтъ тружусь, чтобы заслужить право открыто изъявить вамъ чувства уваженія и преданности. Счастливый случай приходитъ мнѣ на помощь тамъ, гдѣ оказались недостаточными мои усилія, и я полагаю, что мнѣ позволено будетъ болѣе руководствоваться одушевляющею меня ревностью, чѣмъ правомъ, на которомъ мнѣ надлежало бы основываться. Такъ какъ я имѣлъ счастье родиться среди васъ, то какъ могъ бы я, размышляя о неравенствѣ между людьми, возникшемъ по волѣ природы, и о неравенствѣ, установленномъ ими самими, не задуматься надъ глубокой мудростью, сказавшейся въ государственномъ устройствѣ моего отечества, благодаря которой и то и другое неравенство, проявляясь въ формахъ, наиболѣе близкихъ къ естественному праву и наиболѣе благопріятныхъ для общежитія, содѣйствуютъ поддержанію общественнаго порядка и счастью отдѣльныхъ лицъ. Стараясь найти правила для организаціи управленія, наиболѣе согласной съ требованіями здраваго смысла, я былъ пораженъ, увидѣвъ, что всѣ они нашли примѣненіе

въ управленіи вашемъ, такъ что, если бы даже не родился въ стѣнахъ вашего города, не могъ бы побороть въ себѣ желанія принести эту картину человѣческаго общества въ даръ тому народу, который сумѣлъ, на мой взглядъ, лучше всѣхъ другихъ воспользоваться связанными съ существованіемъ общества выгодами и предупредить возможныя въ немъ злоупотребленія.

Если бы мнѣ предоставлено было избрать мѣсто моего рожденія, я избралъ бы общество, величина котораго была бы ограничена, сообразно человѣческимъ способностямъ, т. е. сообразно возможности жить подъ господствомъ хорошаго управленія; въ которомъ каждый былъ бы въ силахъ отправлять свою должность и не былъ бы вынужденъ передавать *другому* возложенныхъ на него обязанностей; государство, гдѣ всѣ честныя лица знали бы *другъ друга*, и ни темныя козни порока, ни скромность добродѣтели не могли бы укрыться отъ общественныхъ взоровъ и общественнаго суда; гдѣ роднящая людей привычка видѣть и знать *другъ друга* дѣлала бы любовь къ отечеству скорѣе любовью къ согражданамъ, чѣмъ къ опредѣленной территоріи.

Я хотѣлъ бы родиться въ странѣ, гдѣ носитель верховной власти и народъ не могли бы имѣть различныхъ интересовъ, и цѣлью всѣхъ движеній государственнаго механизма было бы общее счастье, и такъ какъ это возможно лишь въ томъ случаѣ, если носитель верховной власти и народъ — одно и то же лицо, то, слѣдовательно, я хотѣлъ бы родиться подъ господствомъ управленія демократическаго, но благоразумно умѣреннаго.

Я хотѣлъ бы жить и умереть свободнымъ, т. е. настолько подчиненнымъ законамъ, чтобы ни я самъ, ни кто-либо другой не могъ бы сбросить ихъ почетнаго ярма, ярма спасительнаго и не тяжкаго, подъ которое головы самыя гордыя склоняются тѣмъ послушнѣе, что онѣ не способны склониться подъ какое-нибудь иное.

Итакъ, я хотѣлъ бы, чтобы никто въ государствѣ не могъ бы считать себя выше закона, и чтобы никто извнѣ не могъ бы навязать государству законъ, который оно обязано было бы признавать, ибо, каково бы ни было устройство управленія, если есть въ государствѣ хоть одинъ человѣкъ, не подчиненный закону, всѣ остальные будутъ неизбѣжно предоставлены его произволу (1); и если есть національный правитель и другой правитель иноземный, то нельзя ожидать, чтобы предписаніямъ того и другого повиновались одинаково послушно, и чтобы государственное управленіе стояло на надлежащей высотѣ.

Я не хотѣлъ бы жить въ государствѣ, недавно учрежденномъ, сколь бы ни были хороши его законы. Я опасался бы, какъ бы управленіе, организованное, быть можетъ, не такъ, какъ того требовалъ данный моментъ, не оказалось непригоднымъ для новыхъ гражданъ или граждане не оказались непригодными для новаго управленія, и какъ бы государству не грозили поэтому потрясенія и гибель чуть ли не съ самого его возникновенія; ибо свободу можно сравнить съ сытной, но тяжелой пищей и тонкими винами, питающими и укрѣпляющими людей сильныхъ и къ нимъ привыкшихъ, но вызывающихъ отяжелѣніе, опьяненіе и разстройство здоровья у людей слабыхъ и хрупкихъ, организмъ которыхъ къ нимъ не приспособленъ. Народы, привыкшіе имѣть повелителей, не въ состояніи обойтись безъ нихъ. Если они пытаются свергнуть съ себя иго деспотизма, то только еще болѣе удаляются отъ свободы. Такъ какъ они принимаютъ за свободу ея противоположность — необузданное своеволіе, то совершаемые ими перевороты почти всегда отдаютъ ихъ въ руки искусно вкрадывающихся къ нимъ въ довѣріе честолюбцевъ, которые еще болѣе отягчаютъ ихъ цѣпи. Даже римскій народъ, этотъ образецъ свободныхъ народовъ, по выходѣ изъ-подъ тиранніи Тарквиніевъ, не въ состояніи былъ самъ управлять собою. Низко павшій,

благодаря рабству и унизительнымъ работамъ, къ которымъ его принуждали, онъ представлялъ собою лишь неосмысленную чернь, съ которой нужно было обращаться бережно и управлять которой нужно было съ величайшей мудростью, чтобы, привыкнувъ понемногу дышать благотворнымъ воздухомъ свободы, эти люди съ утратившей всякую мощь скорѣе огрубѣвшей подъ гнетомъ тиранiи душой пріобрѣли постепенно ту строгость нравовъ и ту неразлучную съ отвагой гордость, которыя сдѣлали ихъ въ концѣ концовъ наиболѣе прославленнымъ изъ всѣхъ народовъ. Я постарался бы, избирая себѣ отечество, найти спокойное и счастливое государство, древность котораго терялась бы во мракѣ временъ, государство, подвергавшееся лишь такимъ испытанiямъ, которыя способны были пробудить и укрѣпить въ его жителяхъ мужество и любовь къ отечеству, такъ какъ въ такомъ государствѣ граждане, привыкшiе постепенно къ разумной независимости, не только пользовались бы свободой, но и были бы достойны ея.

Я хотѣлъ бы избрать себѣ отечество, чуждое, благодаря счастливой слабости, дикой страсти къ завоеванiямъ и избавленное, благодаря еще болѣе счастливому географическому положенiю, отъ страха стать добычей другого государства. Я хотѣлъ бы избрать себѣ свободный городъ, расположенный среди многихъ народовъ, и притомъ такъ, что захватъ его не былъ бы въ интересахъ ни одного изъ нихъ, но въ интересахъ каждаго было бы помѣшать захвату его другими; словомъ, я желалъ бы избрать государство, не возбуждающее честолюбивыхъ замысловъ у своихъ сосѣдей и имѣющее всѣ основанiя разсчитывать въ случаѣ нужды на ихъ помощь. Благодаря столь счастливому положенiю, государству этому не приходилось бы, слѣдовательно, страшиться иныхъ превратностей, кромѣ тѣхъ, которые могли быть вызваны имъ самимъ, и если бы жители его предавались воинскимъ упражненiямъ,

то дѣлали бы это скорѣе для поддержанія воинственнаго пыла и гордости храбрыхъ, которая такъ къ лицу людямъ свободнымъ и такъ развиваетъ свободолюбіе, чѣмъ вслѣдствіе необходимости заботиться о самозащитѣ.

Я постарался бы найти страну, гдѣ право издавать законы принадлежало бы всѣмъ гражданамъ въ совокупности, ибо кто можетъ знать лучше ихъ, при какихъ условіяхъ слѣдуетъ имъ вести совмѣстную жизнь въ ихъ общинѣ; но я не хотѣлъ бы, чтобы тамъ нашли примѣненіе плебисциты, подобные существовавшимъ въ Римѣ, гдѣ правители государства и лица, наиболѣе заинтересованныя въ его безопасности, устранились отъ совѣщаній, отъ которыхъ нерѣдко всецѣло зависѣло его благо, и гдѣ, вслѣдствіе нелѣпой непослѣдовательности, магистраты были лишены тѣхъ правъ, которыми пользовались простые граждане.

Я желалъ бы, наоборотъ, чтобы для прегражденія доступа въ жизнь своекорыстнымъ и необдуманнымъ законопроектамъ и опаснымъ нововведеніямъ, погубившимъ, въ концѣ концовъ аѳинянъ, каждый гражданинъ не имѣлъ бы права предлагать законы, когда ему заблагоразсудится; чтобы право это принадлежало однимъ только магистратамъ, чтобы они пользовались имъ съ должной осмотрительностью, чтобы народъ, съ своей стороны не спѣшилъ давать согласіе на предлагаемые имп законы, и чтобы обнародованіе послѣднихъ было обставлено большой торжественностью. При такомъ порядкѣ, прежде чѣмъ основы государственнаго строя могли бы быть поколеблены, граждане имѣли бы достаточно времени, чтобы убѣдиться, что глубокая древность законовъ болѣе всего другого дѣлаетъ ихъ священными и уважаемыми, что народъ скоро научается презирать законы, ежедневно измѣняющіеся на его глазахъ, и что, привыкнувъ отмѣнять старые обычаи, подъ предлогомъ установить лучшіе, люди часто вводятъ большее зло для исцѣленія меньшаго.

Особенно не желалъ бы я остановить свой выборъ на такомъ, неизбѣжно обреченномъ на дурное управленіе, государствѣ, гдѣ народъ, полагая, что можетъ обойтись безъ магистратовъ или предоставить имъ лишь несамостоятельную власть, удержалъ бы за собою, вопреки требованіямъ благоразумія, управленіе общественными дѣлами и исполненіе изданныхъ имъ законовъ; таково должно было быть несовершенное устройство управленія въ первыхъ, возникшихъ непосредственно изъ естественнаго состоянія, обществахъ; въ такомъ устройствѣ заключался и одинъ изъ пороковъ, погубившихъ аѳинскую республику. Нѣтъ, я избралъ бы такое государство, гдѣ частныя лица, довольствуясь правомъ утверждать законы и рѣшать сообща наиболѣе важныя дѣла по докладу правителей, установили бы пользующіеся должнымъ уваженіемъ трибуналы, заботливо раздѣлили бы ихъ на отдѣльныя вѣдомства и выбирали бы изъ года въ годъ наиболѣе способныхъ и неподкупныхъ изъ своихъ согражданъ для отправленія правосудія и управленія государствомъ; гдѣ достоинства магистратовъ свидѣтельствовали бы о мудрости народа, и, слѣдовательно, магистраты дѣлали бы честь своему народу, какъ и народъ своимъ магистратамъ. И если бы тяжкія бѣдствія нарушили общественное согласіе, то и эти времена ослѣпленія и ошибокъ были бы въ такомъ государствѣ отмѣчены проявленіями сдержанности, взаимнаго уваженія и преклоненія передъ закономъ, и это служило бы предзнаменованіемъ и залогомъ искренняго и прочнаго примиренія.

Такія преимущества, *и. свѣтлѣйшіе, высокочтимые и державные правители*, желалъ бы я встрѣтить въ отечествѣ, которое я избралъ бы себѣ. А если бы Провидѣніе присоединило еще къ этому прелестное мѣстоположеніе, умѣренный климатъ, плодородную почву и картины природы, самыя восхитительныя изъ существующихъ подъ небесами, то для полноты моего счастья я желалъ бы лишь пользоваться всѣми этими благами въ своемъ

прекрасномъ отечествѣ, мирно жить въ отрадномъ общеніи со своими согражданами, проявляя по отношенію къ нимъ и по ихъ примѣру гуманность, дружбу и всѣ добродѣтели и надѣясь оставить по себѣ безупречную память добраго человѣка и честнаго и доблестнаго патріота.

Если бы, менѣе балуемый судьбой или слишкомъ поздно умудренный жизнью, я принужденъ былъ бы въ иныхъ краяхъ доживать свои послѣдніе, омраченные старостью и болѣзнями, дни, тщетно сожалѣя о мирѣ и покоѣ, которыхъ лишила меня моя легкомысленная юность, я питалъ бы, по крайней мѣрѣ, въ душѣ тѣ чувства, которымъ не могъ дать исхода въ родной странѣ, и проникнутый безкорыстной привязанностью къ моимъ далекимъ согражданамъ, я обратился бы къ нимъ съ такою приблизительно рѣчью:

«Дорогіе мои сограждане или, лучше сказать, мои братья, ибо узы крови такъ же связываютъ почти всѣхъ насъ, какъ и законы! Какъ отрадно мнѣ, что я не могу думать о васъ, не думая въ то же время о тѣхъ благахъ, которыми вы пользуетесь, цѣну которымъ, быть можетъ никто изъ васъ не знаетъ лучше меня, благъ этихъ лишившагося. Чѣмъ больше размышляю я о политическихъ и общественныхъ условіяхъ вашей жизни, тѣмъ менѣе допустимой кажется мнѣ возможность лучшихъ, по самой природѣ, дѣлъ человѣческихъ. Во всѣхъ иныхъ странахъ, когда заходитъ рѣчь объ обезпеченіи государству наибольшаго блага, дѣло ограничивается однимп проектами илп, самое большее, надеждами на возможность достиженія завѣтной цѣли въ будущемъ; ваше же счастье вполнѣ упрочено: остается только имъ пользоваться, и чтобы стать вполнѣ счастливымп, вамъ нужно только умѣть довольствоваться своимъ счастьемъ. Ваша независимость, пріобрѣтенная или отвоеванная остріемъ меча и сохраненная въ неприкосновенности въ теченіе двухъ вѣковъ вашей храбростью и мудростью, получила нако-

нецъ полное и всеобщее признаніе. Почетные договоры опредѣляютъ ваши границы, упрочиваютъ ваши права и обезпечиваютъ ваше спокойствіе. Государственное устройство ваше—превосходно. Оно продиктовано возвышеннѣйшимъ разумомъ и гарантировано дружественными и уважаемыми державами. Вамъ нечего бояться ни войнъ, ни завоевателей. Вы не знаете надъ собой иныхъ властителей, кромѣ мудрыхъ законовъ, созданныхъ вами самими, приводимыхъ въ исполненіе неподкупными магистратами, вашими избранниками. Вы не настолько богаты, чтобы изнѣжиться въ роскоши и потерять въ пустыхъ удовольствіяхъ вкусъ къ истинному счастью и прочнымъ добродѣтелямъ, и не настолько бѣдны, чтобы нуждаться въ такомъ притокѣ иноземныхъ средствъ, который не обезпечивался бы вашей промышленностью, и вамъ почти ничего не стоитъ ограждать свою свободу — это цѣнное благо, которое охраняется у великихъ націй лишь при помощи непомѣрныхъ налоговъ.

«Пусть существуетъ вѣчно республика, столь мудро и счастливо устроенная, къ счастью своихъ гражданъ и въ примѣръ народамъ. Это должно быть вашимъ единственнымъ желаніемъ, вашей единственной заботой. Въ вашей власти теперь — не создать свое счастье: ваши предки избавили васъ отъ этого труда,— но упрочить его, разумно имъ пользуясь. Отъ вашего единодушія, повиновенія законамъ и уваженія къ ихъ исполнителямъ зависитъ ваше благосостояніе. Если уцѣлѣли еще на днѣ вашей души остатки злобы и недовѣрія, спѣшите уничтожить ихъ, какъ зловредныя сѣмена, изъ которыхъ произрастутъ рано или поздно ваши бѣдствія и разложеніе вашего государства. Я заклинаю васъ заглянуть въ глубину вашего сердца и прислушаться къ голосу вашей совѣсти. Знаетъ ли кто-нибудь изъ васъ во всей вселенной корпорацію болѣе неподкупную, просвѣщенную и достойную уваженія, чѣмъ ваша магистратура. Не подаютъ ли вамъ всѣ члены

ея примѣры умѣренности, простоты нравовъ, уваженія къ законамъ и самаго искренняго миролюбія. Даруйте же безъ колебанія столь мудрымъ правителямъ то спасительное довѣріе, съ какимъ разумъ долженъ относиться къ добродѣтели. Помните, что они удостоились вашего избранія, это они оправдываютъ его, и что почести, которыя вы обязаны оказывать тѣмъ, кого облекли властью, неизбѣжно распространяются на васъ самихъ. Среди васъ не найдется такого мало просвѣщеннаго человѣка, который не зналъ бы, что тамъ, гдѣ законы теряютъ свою силу, а ихъ исполнители— свой авторитетъ, ни для кого не можетъ существовать ни безопасности, ни свободы. Отъ васъ требуется такъ мало: исполнять отъ чистаго сердца и съ надлежащимъ довѣріемъ то, что исполнять васъ все равно заставили бы ваши интересы, долгъ или разумъ. Пусть преступная и пагубная безучастность къ сохраненію государственнаго строя никогда не побудитъ васъ пренебречь мудрымъ мнѣніемъ наиболѣе просвѣщенныхъ среди вашихъ согражданъ. Пусть справедливость, умѣренность и скромное, но непоколебимое постоянство продолжаютъ управлять всѣми вашими поступками и являетъ въ васъ всему міру примѣръ народа гордаго и скромнаго, столь же ревниваго къ своей славѣ, какъ и къ своей свободѣ.

«Остерегайтесь внимать—это мой послѣдній совѣтъ—тѣмъ кривотолкамъ и ядовитымъ рѣчамъ, тайные мотивы которыхъ часто болѣе опасны, чѣмъ тѣ порядки, на которые они нападаютъ. Весь домъ просыпается и приходитъ въ тревогу, едва заслышавъ голосъ добраго и вѣрнаго сторожа, который лаетъ только при приближеніи воровъ, но всѣмъ ненавистна назойливость животныхъ, поднимающихъ шумъ изъ-за всякаго пустяка и безпрестанно нарушающихъ общественное спокойствіе. Предостереженія ихъ всегда неумѣстны, и ихъ не слышно какъ разъ тогда, когда они были бы нужны»

Вы же, *свѣтлѣйшіе и высокочтимые правители*, до-

стойные и уважаемые магистраты свободнаго народа, позвольте мнѣ, въ качествѣ частнаго лица изъявить вамъ свою преданность и готовность служить вамъ. Если существуетъ на свѣтѣ должность, способная возвысить того, кто ее занимаетъ, то это безъ сомнѣнія та должность, которую доставляютъ дарованія и добродѣтель, занять которую вы оказались достойны и на которую избрали васъ ваши сограждане. Ихъ достоинства придаютъ новый блескъ вашимъ, и такъ какъ васъ избрали своими правителями люди, способные сами управлять другими, то я ставлю васъ настолько же выше магистратовъ, другихъ народовъ, насколько свободный народъ, особенно же тотъ народъ, руководить которымъ имѣете вы честь, стоитъ по просвѣщенію и разуму выше населенія другихъ государствъ.

Да позволено будетъ мнѣ привести примѣры, который долженъ былъ бы оставить по себѣ болѣе прочную памяти и будетъ вѣчно жить въ моемъ сердцѣ. Я не могу вспомнить безъ глубокаго душевнаго волненія о доблестномъ гражданинѣ, которому обязанъ своимъ появленіемъ на свѣтъ. Какъ часто бесѣдовалъ онъ со мною въ годы моего дѣтства о томъ уваженіи, какое долженъ я питать къ волѣ. Я вижу его еще передъ собою, живущаго трудомъ своихъ рукъ и питающаго свой духъ возвышеннѣйшими истинами. Я вижу передъ нимъ Тацита, Плутарха и Гроція вперемѣшку съ его рабочими инструментами. Я вижу подлѣ него его любимаго сына, внимающаго нѣжнымъ, но слишкомъ безплодно прозвучавшимъ наставленіямъ лучшаго изъ отцовъ. Но если забужденія безумной юности заставили меня на время забыть столь мудрые уроки, все же мнѣ досталось счастье испытать, въ концѣ концовъ, на себѣ самомъ, что, какъ сильна ни была бы склонность къ пороку, трудно ожидать, чтобы воспитаніе, въ которое вложено было хоть немного любви, погибло безслѣдно.

Таковы, *свѣтлѣйшіе и высокочтимые правители*,

граждане и даже простые обыватели, рожденные въ государствѣ, которымъ вы управляете. Таковы эти рабочіе и «простолюдины», о которыхъ у другихъ народовъ существуютъ столь низкія и ложныя понятія. Мой отецъ, я съ радостью признаю это, не выдавался среди своихъ согражданъ, онъ былъ такимъ же, какъ они всѣ, и все же нѣтъ страны, гдѣ не искали бы его общества и не поддерживали бы съ нимъ отношеній, и притомъ не безъ пользы для себя, самые достойные люди. Мнѣ не пристало, да, слава Богу, нѣтъ и надобности говорить вамъ объ уваженіи, какого могутъ ждать отъ васъ подобные ему люди, столь же равные вамъ по своему воспитанію, какъ и по праву естественному и праву происхожденія; стоящіе ниже васъ по своему желанію, вслѣдствіе того предпочтенія, которое они должны оказывать и оказываютъ на дѣлѣ вашимъ заслугамъ, и за которое вы, въ свою очередь, обязаны имъ нѣкоторою признательностью. Съ живымъ удовольствіемъ замѣчаю я, какъ смягчаете вы въ отношеніяхъ съ ними кротостью и снисходительностью важность, подобающую служителямъ закона, какъ платите вы имъ уваженіемъ и вниманіемъ за повиновеніе и почтеніе, которыхъ въ правѣ вы отъ нихъ требовать. Это — поведеніе, исполненное справедливости и мудрости, способное все болѣе и болѣе изглаживать воспоминаніе о тѣхъ злосчастныхъ событіяхъ, о которыхъ нужно забыть, чтобы никогда не встрѣтиться съ ними снова, поведеніе, тѣмъ болѣе благоразумное, что этотъ справедливый и благородный народъ смотритъ на исполненіе долга, какъ на удовольствіе, всегда готовъ почитать васъ, и наиболѣе ревностно отстаивающіе свои права наиболѣе склонны уважать ваши.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что правители гражданскаго общества принимаютъ близко къ сердцу его славу и благоденствіе. Иное дѣло, когда лица, считающія себя какъ бы магистратами или даже повелителями небесной отчизны, болѣе святой и возвышенной,

проявляютъ нѣкоторую любовь и къ своей земной кормилицѣ—родинѣ. Какъ отрадно мнѣ, что я могу отмѣтить столь рѣдкое исключеніе въ нашу пользу и помѣстить въ рядахъ нашихъ лучшихъ гражданъ и ревностныхъ хранителей признанныхъ законами священныхъ догмъ, почтенныхъ пастырей душъ, живое и увлекательное краснорѣчіе которыхъ тѣмъ успѣшнѣе вноситъ въ сердца евангельскіе завѣты, что они всегда первыми спѣшатъ исполнять ихъ. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ успѣхомъ разрабатывается въ Женевѣ великое искусство проповѣдничества; но люди слишкомъ привыкли къ тому, что слово обыкновенно расходится съ дѣломъ, и лишь немногіе знаютъ, какъ безраздѣльно царитъ въ средѣ нашихъ служителей алтаря духъ христіанства, святость нравовъ, строгость къ самому себѣ и снисходительность къ другимъ. Быть можетъ, одной только Женевѣ выпало на долю явить міру поучительный примѣръ тѣснаго союза между богословами и представителями литературы. На ихъ признанной мудрости и умѣренности, на ихъ преданности благу государства я основываю въ значительной степени надежду на спокойствіе нашей родины. Съ удовольствіемъ, смѣшаннымъ съ удивленіемъ, долженъ я отмѣтить, какой ужасъ вызываютъ въ нихъ чудовищныя воззрѣнія тѣхъ варваровъ, претендовавшихъ на ореолъ святости, не одинъ примѣръ которыхъ встрѣчаемъ мы въ исторіи; которые, для защиты мнимыхъ правъ Божества, а вѣрнѣе своихъ собственныхъ интересовъ, такъ мало скупились на человѣческую кровь, въ увѣренности, что ихъ собственная всегда будетъ священной.

Могу ли я забыть о той половинѣ населенія республики, которая должна быть столь высоко цѣнимой, ибо она составляетъ счастье другой половины, ибо ея кротость и мудрость поддерживаютъ миръ и добрые нравы. Прелестныя и добродѣтельныя гражданки! Вашему полу суждено вѣчно управлять нашимъ. Сколь завидна судьба народа, когда ваша цѣломудренная

власть, проявляемая лишь въ предѣлахъ супружескаго союза, только тамъ даетъ знать о себѣ, гдѣ это ведетъ къ славѣ государства и счастью его гражданъ. Такъ властвовали женщины въ Спартѣ, такъ достойны вы властвовать въ Женевѣ. Какимъ жестокосердіемъ нужно обладать, чтобы не внять голосу чести и разума въ устахъ нѣжной супруги? Кто не проникнется презрѣніемъ къ суетной роскоши, видя вашъ простой и скромный нарядъ, кажущійся, благодаря блеску, который вы ему придаете, наиболѣе выгоднымъ для красоты. Ваша задача — поддерживать, опираясь на свою кроткую власть и умѣніе находить доступъ къ сердцамъ, любовь къ законамъ въ государствѣ и согласіе между его гражданами, примирять посредствомъ счастливыхъ браковъ враждующія семьи, болѣе же всего исправлять убѣдительной кротостью вашихъ наставленій и скромной граціей вашей бесѣды тѣ дурныя замашки, которыя усваиваютъ наши молодые люди въ чужихъ краяхъ, откуда, вмѣсто всего полезнаго, чему могли бы они тамъ поучиться, они приносятъ съ собой лишь ребяческій тонъ и смѣшныя манеры, заимствованныя у падшихъ женщинъ, да преклоненіе передъ Богъ вѣсть какими ложными идеалами, этой украшающей рабство мишурой, которая никогда не замѣнитъ царственной свободы. Оставайтесь же и впредь цѣломудренными хранительницами нравовъ и нѣжными поборницами мира и заставляйте торжествовать всегда и повсюду права сердца и природы на пользу долгу и добродѣтели.

Я льщу себя мыслью, что не буду опровергнутъ фактами, основывая на подобныхъ залогахъ надежду на общее счастье гражданъ и славу республики. Я готовъ признать, что, несмотря на всѣ эти преимущества, она не будетъ блистать тѣмъ блескомъ, который ослѣпляетъ глаза большинства людей; дѣтская и пагубная страсть къ такому блеску — злѣйшій врагъ счастья и свободы. Пусть развращенная молодежь

ищетъ въ иныхъ краяхъ легкихъ удовольствій и долгаго раскаянія. Пусть воображающіе себя людьми со вкусомъ восхищаются за предѣлами нашей страны величіемъ дворцовъ, красотой экипажей, пышной меблировкой, великолѣпіемъ зрѣлищъ и всѣми утонченностями изнѣженности и роскоши. Въ Женевѣ можно найти только людей. Но, вѣдь, и это зрѣлище имѣетъ свою цѣну, и тѣ, которые ищутъ его, стоятъ поклонниковъ всего остального.

Соблаговолите, *свѣтлѣйшіе, высокочтимые и державные правители* — всѣ съ одинаковой добротой — принять почтительное изъявленіе участія, съ какимъ отношусь я къ вашему общему благополучію. Если, къ великому моему несчастью, я повиненъ въ нѣсколько нескромной восторженности въ этомъ живомъ изліяніи моего сердца, то умоляю васъ простить мнѣ ее, такъ какъ она вызвана нѣжной привязанностью истиннаго патріота и пылкой и законной ревностью, человѣка, не знающаго большаго для себя счастья, какъ видѣть счастливыми всѣхъ васъ.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ, вашъ,

свѣтлѣйшіе, высокочтимые и державные правители.

нижайшій и покорнѣйшій слуга и согражданинъ

Ж. Ж. Руссо.

Шамбери. 12 іюня, 1759 г.

Предисловіе.

Наиболѣе полезное и наименѣе продвинувшееся въ своемъ развитіи изъ всѣхъ знаній человѣческихъ это,— какъ мнѣ кажется, знаніе человѣка (2), и я склоненъ утверждать, что надпись дельфійскаго храма содержала въ себѣ предписаніе, болѣе важное и трудно исполнимое, чѣмъ всѣ толстыя книги моралистовъ. Я считаю. поэтому, предметъ этого разсужденія однимъ изъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ въ области философіи и, къ несчастью, однимъ изъ тѣхъ, рѣшеніе которыхъ способно болѣе всего затруднить философовъ, ибо какъ можемъ мы познать источникъ неравенства между людьми, не познавъ предварительно ихъ самихъ, и какъ достигнетъ человѣкъ возможности увидѣть себя такимъ, какимъ создала его природа, черезъ всѣ тѣ измѣненія, которыя должна была произвести въ его первоначальной организаціи послѣдовательная смѣна временъ и явленій, и отдѣлить то, что было присуще ему изначала, отъ того, что присоединили къ его первоначальному состоянію или измѣнили въ немъ различныя обстоятельства и его успѣхи на пути прогресса. Подобно статуѣ Главка, которую время, море и бури настолько обезобразили, что она менѣе походила на

им. Горького
М. Г. У.

бога, чѣмъ на дикаго звѣря, душа человѣческая, измѣнившаяся въ общественной средѣ подъ вліяніемъ тысячи безпрестанно вновь возникающихъ причинъ, благодаря пріобрѣтенію множества знаній и заблужденій, измѣненіямъ въ тѣлосложеніи и дѣйствію вѣчно-бушующихъ въ ней страстей, утратила свой прежній видъ и стала, такъ сказать, почти-что неузнаваемой; и мы видимъ въ ней теперь вмѣсто божественной и величественной простоты, которою запечатлѣлъ ее ея Творецъ, лишь чудовищный разладъ между страстью, желающей быть разсудительной и разумомъ, впавшимъ въ изступленіе.

Но есть еще нѣчто. болѣе жестокое. Такъ какъ всякій шагъ человѣчества на пути прогресса удаляетъ его отъ естественнаго состоянія, то чѣмъ болѣе накопляемъ мы знаній, тѣмъ болѣе теряемъ средствъ пріобрѣсти самое важное изъ нихъ, и можно сказать, что, стремясь изучить человѣка, мы тѣмъ самымъ лишили себя возможности познать его.

Не трудно видѣть, что въ этихъ послѣдовательныхъ измѣненіяхъ человѣческой организаціи нужно искать первые зачатки различій между людьми, которые, по общепризнанному мнѣнію, отъ природы столь же равны между собой, какъ равны были животныя одного вида, прежде чѣмъ различныя причины привели къ распаденію нѣкоторыхъ видовъ на встрѣчаемыя нами въ нихъ разновидности. Но немыслимо, чтобы измѣненія эти, какъ бы они ни произошли, были одновременными и однообразными во всѣхъ индивидуумахъ рода. Въ то время, какъ одни усовершенствовались или деградировались и пріобрѣли различныя качества, хорошія или дурныя, не связанныя неразрывно съ ихъ природой, другіе дольше оставались въ первоначальномъ состояніи. Таковъ былъ первый источникъ неравенства между людьми. Но сдѣлать такое общее указаніе легче, чѣмъ съ точностью установить истинныя причины.

Пусть читатели не сочтутъ меня склоннымъ обо-

льщаться мыслью, что мнѣ удалось изслѣдовать явленія, изслѣдованіе которыхъ нахожу столь труднымъ. Я попытался дать нѣсколько разсужденій и рѣшился высказать нѣсколько догадокъ, не столько въ надеждѣ разрѣшить вопросъ, сколько стремясь освѣтить его и свести къ надлежащимъ границамъ. Другіе безъ труда могутъ пойти тѣмъ же путемъ дальше, но врядъ ли кому-нибудь легко будетъ достигнуть цѣли, ибо далеко нешуточная задача—отдѣлить врожденное отъ искусственнаго въ современной природѣ человѣка и основательно изучить состояніе, которое, быть можетъ, не существовало вовсе и никогда вѣроятно, не будетъ уже существовать вновь, и о которомъ все же необходимо искать правильныя понятія, чтобы здраво судить о томъ состояніи, въ которомъ мы теперь находимся. Болѣе глубокимъ философомъ, чѣмъ могутъ иные подумать, долженъ быть даже тотъ, кто взялся бы съ точностью указать какія предосторожности надлежитъ принять, чтобы произвести серьезныя наблюденія по этому вопросу. Вотъ проблемма, удачное разрѣшеніе которой не было бы, мнѣ кажется, недостойно Аристотелей и Плиніевъ нашего вѣка: *Какіе опыты необходимы для изученія человѣка въ естественномъ состояніи, и какимъ способомъ опыты эти могли бы быть произведены въ условіяхъ общественнаго быта.* Я не берусь, разумѣется, рѣшать эту проблемму и полагаю даже, что достаточно размышлять объ этомъ предметѣ, чтобы сказать напередъ, что и величайшимъ философамъ не зазорно было бы руководить этими опытами и могущественнѣйшимъ государямъ произвести ихъ. Врядъ ли однако разумно было бы разсчитывать на подобную помощь, особенно же ожидать при этомъ настойчивыхъ усилій съ той и съ другой стороны или, вѣрнѣе, необходимой для достиженія успѣха преемственности знаній и желанія.

Эти изслѣдованія, которыя такъ трудно произвести, и о которыхъ такъ мало думали до сего времени,

являются, между тѣмъ, единственнымъ средствомъ устранить множество затрудненій, лишающихъ насъ возможности пріобрѣсти свѣдѣнія объ истинныхъ основаніяхъ человѣческаго общества. И это-то незнаніе человѣческой природы вноситъ столько неопредѣленнаго и туманнаго во всякую попытку дать правильное опредѣленіе естественнаго права: ибо, очевидно,—говоритъ Бюрмалаки,—что идея права, особенно же права естественнаго, находится въ зависимости отъ представленій о природѣ человѣка, и слѣдовательно, принципы этой науки,—продолжаетъ онъ,—нужно устанавливать на основаніи нашихъ знаній о природѣ человѣка, его организаціи и состояніи.

Не безъ удивленія и смущенія замѣчаемъ мы, какое разногласіе царитъ относительно этого важнаго предмета между изучавшими его писателями. Среди наиболѣе значительныхъ ученыхъ мы съ трудомъ найдемъ двухъ, мнѣнія которыхъ на этотъ счетъ были бы согласны. Древніе философы какъ будто намѣренно противорѣчатъ другъ другу по самымъ основнымъ вопросамъ, а римскіе юристы подчиняютъ безъ всякаго различія человѣка и всѣхъ прочихъ животныхъ дѣйствію одного и того же естественнаго закона, такъ какъ они разумѣютъ подъ этимъ понятіемъ скорѣе тотъ законъ, который природа устанавливаетъ въ руководство себѣ самой, чѣмъ тотъ, который она предписываетъ другимъ, или же вслѣдствіе смысла, придаваемаго ими слову *законъ*, которое, кажется, обозначаетъ у нихъ въ этомъ случаѣ общія отношенія, установленныя природой между всѣми одушевленными существами въ цѣляхъ ихъ сохраненія. Современные писатели, понимающіе подъ *закономъ* только правило, предписанное существу нравственному, т. е. разумному, свободному и разсматриваемому въ его отношеніяхъ къ другимъ существамъ, ограничиваютъ послѣдовательно область примѣненія естественнаго закона однимъ только существомъ, одареннымъ разумомъ, т. е. человѣкомъ. Но

помимо того, что каждый изъ нихъ опредѣляетъ законъ этотъ по-своему, всѣ они основываютъ его на принципахъ столь метафизическихъ, что среди насъ мало найдется людей, способныхъ понять эти принципы, и еще меньше такихъ, которые могли бы сами отыскать ихъ. Такимъ образомъ, всѣ опредѣленія этихъ ученыхъ, постоянно къ тому же противорѣчащія другъ другу, сходятся лишь въ одномъ отношеніи: всѣ они приводятъ насъ къ выводу, что невозможно понять естественный законъ, а слѣдовательно, и повиноваться ему, не будучи величайшимъ мыслителемъ и глубокимъ метафизикомъ; а это значитъ, что для установленія общества люди должны были примѣнять знанія, развивающіяся очень медленно и составляющія достояніе очень немногихъ въ самомъ этомъ обществѣ.

Разъ мы такъ мало знаемъ природу и такъ несогласны между собою относительно смысла слова *законъ*, то столковаться о хорошемъ опредѣленіи закона, установленнаго природой,—дѣло весьма нелегкое. И, дѣйствительно, всѣ опредѣленія, которыя мы находимъ въ книгахъ, имѣютъ, помимо того недостатка, что они не однообразны, еще и тотъ, что для построенія ихъ нужно было обладать множествомъ знаній, которыми люди не надѣлены отъ природы и о выгодахъ которыхъ они могли получить представленіе лишь по выходѣ изъ естественнаго состоянія. Сначала изыскиваются правила, слѣдовать которымъ людямъ хорошо было бы уговориться для общей пользы, а затѣмъ собраніе этихъ правилъ выдаютъ за естественное право, безъ всякаго иного доказательства, кромѣ того блага, котораго ждутъ отъ повсемѣстнаго ихъ примѣненія. Вотъ поистинѣ, удобный способъ составлять опредѣленіе и объяснять природу вещей, руководствуясь одними только своими личными вкусами.

Но, не зная человѣка въ его естественномъ состояніи, мы напрасно старались бы опредѣлить и законъ, данный ему въ руководство природой или наиболѣе

соотвѣтствующій его организаціи. Ясно же для насъ относительно этого закона можетъ быть только слѣдующее: чтобы онъ былъ закономъ, нужно, чтобы человѣкъ, волю котораго онъ связываетъ, могъ сознательно ему подчиниться, а чтобы онъ былъ естественнымъ, нужно сверхъ того, чтобы онъ говорилъ непосредственно голосомъ самой природы.

Отложивъ, поэтому, въ сторону всѣ научныя книги, которыя учатъ насъ видѣть людей лишь такими, какими стали они теперь, и обратившись къ первымъ и простѣйшимъ движеніямъ человѣческой души, мы подмѣтимъ въ ней два начала, предшествующія разуму, изъ которыхъ одно заставляетъ насъ заботиться о собственномъ благосостояніи и самосохраненіи, а другое внушаетъ намъ отвращеніе къ зрѣлищу страданій и смерти всякаго одареннаго чувствами существа, особенно же намъ подобныхъ. Изъ взаимодѣйствія и сочетанія, въ какія способенъ привести эти два начала нашъ умъ, безъ необходимости присоединять къ нимъ начало общежительности, могутъ быть, какъ мнѣ кажется, выведены всѣ предписанія естественнаго права, предписанія, для которыхъ разумъ принужденъ былъ подыскивать иныя основанія, когда въ результатѣ послѣдовательнаго развитія ему удалось заглушить природу.

Нѣтъ, слѣдовательно, надобности дѣлать человѣка философомъ, прежде чѣмъ сдѣлать его человѣкомъ; его обязанности къ другимъ внушаются ему не одними лишь запоздалыми уроками мудрости, и, поскольку онъ не будетъ противиться естественному влеченію къ состраданію, онъ не причинитъ зла ни другому человѣку, ни даже какому-либо иному чувствующему существу, за исключеніемъ того законнаго случая, когда, въ виду грозящей его существованію опасности, онъ обязанъ будетъ отдать предпочтеніе себѣ самому.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы можемъ положить конецъ давнишнимъ спорамъ о томъ, распространяется ли естественный законъ на животныхъ; ибо ясно, что, будучи

лишены разума и свободы, они не могутъ познать этого закона, но такъ какъ они имѣютъ нѣчто общее съ нашей природой, какъ существа, одаренныя чувствительностью, то можно думать, что и они должны пользоваться защитой естественнаго права, а на человѣкѣ лежатъ по отношенію къ нимъ нѣкоторыя обязанности. И, дѣйствительно, если я обязанъ не причинять зла себѣ подобному, то, повидимому, не столько потому, что онъ—существо разумное, сколько потому, что онъ—существо, одаренное чувствами, а такъ какъ послѣднее свойство одинаково принадлежитъ и животному и человѣку, то оно должно, по крайней мѣрѣ, давать первому право не подвергаться безполезнымъ мученіямъ со стороны второго.

Это изученіе первобытнаго человѣка, истинныхъ его потребностей и главнѣйшихъ источниковъ его обязанностей, является, сверхъ всего прочаго, единственнымъ надежнымъ средствомъ устранить множество затрудненій, стоящихъ на пути къ изслѣдованію происхожденія нравственнаго неравенства, истинныхъ основаній политической организаціи, взаимныхъ правъ ея членовъ и тысячи другихъ подобныхъ вопросовъ, столь же важныхъ, какъ и мало разработанныхъ.

Если взглянуть на человѣческое общество спокойнымъ взглядомъ, то мы не увидимъ въ немъ, кажется, на первыхъ порахъ ничего, кромѣ насилій могущественныхъ и угнетенія слабыхъ; умъ возмущается жестокостью первыхъ и готовъ оплакивать ослѣпленіе вторыхъ, и такъ какъ нѣтъ ничего въ человѣческомъ общежитіи менѣе прочнаго, чѣмъ эти отношенія, чаще порождаемыя случаемъ, чѣмъ мудростью, и именуемыя слабостью и могуществомъ, богатствомъ и бѣдностью, то учрежденія человѣческія кажутся, на первый взглядъ, построенными на кучѣ сыпучаго песка. Лишь присмотрѣвшись къ нимъ ближе, лишь очистивъ зданіе отъ покрывающей его пыли, мы замѣтимъ непоколебимое основаніе, на которомъ оно воздвигнуто, и на-

учимся уважать его устои. Безъ серьезнаго же изученія человѣка, его врожденныхъ способностей и постепеннаго ихъ развитія мы никогда не сумѣемъ провести надлежащихъ различій и отдѣлить въ современномъ состояніи вещей то, что создано божественной волей, отъ того, чего созданіе приписываетъ себѣ человѣческое искусство. Политическія и нравственныя изслѣдованія, которымъ открываетъ мѣсто важный вопросъ, изучаемый мною, полезны, поэтому, во всѣхъ отношеніяхъ. и гипотетическая исторія управленія является для человѣка урокомъ въ высшей степени поучительнымъ. Размышляя о томъ, чѣмъ стали бы мы, если бы были предоставлены самимъ себѣ, мы должны научиться благословлять Того, чья благодѣтельная рука, исправляя наши учрежденія и придавая имъ непоколебимую устойчивость, предупредила потрясенія, къ которымъ должны были они повести, и обратила на созданіе нашего счастья тѣ средства, которыя должны были, казалось, довершить наши бѣдствія.

Quem te Deus esse
Jussit et humana qua parte locatus es in re [1])
Disce. Pers., Sat. III, V, 71.

---

[1]) Познай-же, кѣмъ повелѣлъ тебѣ быть и какое отвелъ тебѣ мѣсто Богъ въ человѣческомъ родѣ.

Разсужденіе

о происхожденіи и основахъ неравенства между людьми.

Мнѣ предстоитъ говорить о человѣкѣ, и вопросъ, изслѣдуемый мною, доказываетъ мнѣ, что я буду говорить людямъ, ибо подобныхъ вопросовъ не возбуждаютъ, если боятся чтить истину. Я буду, поэтому, съ довѣріемъ защищать человѣчество передъ приглашающими меня къ тому учеными и не скажу, что буду недоволенъ собой, если окажусь достойнымъ своего предмета и своихъ судей.

Я замѣчаю двоякое неравенство въ человѣческомъ родѣ: одно, которое я назову естественнымъ или физическимъ, такъ какъ оно установлено природой, состоитъ въ различіи возраста, здоровья, тѣлесныхъ силъ и умственныхъ или душевныхъ качествъ. Другое же можетъ быть названо нравственнымъ или политическимъ, такъ какъ оно зависитъ отъ своего рода договора, и установлено или, по крайней мѣрѣ, стало правомѣрнымъ съ согласія людей. Оно состоитъ въ различныхъ привилегіяхъ, которыми одни пользуются къ ущербу другихъ, въ томъ, напримѣръ, что одни болѣе богаты, уважаемы и могущественны, чѣмъ другіе, или даже заставляютъ ихъ повиноваться себѣ.

Нельзя спрашивать, каковъ источникъ естественнаго неравенства, такъ какъ отвѣтъ содержится въ самомъ его названіи. Еще менѣе можно задаваться вопросомъ о томъ, не связаны ли существеннымъ образомъ между собою оба эти вида неравенства, такъ какъ это значило бы спрашивать, хоть и въ иныхъ выраженіяхъ, всегда ли властвующіе лучше повинующихся, и во всѣхъ ли случаяхъ тѣлесныя или духовныя силы, мудрость или добродѣтель соотвѣтствуютъ въ данныхъ индивидуумахъ ихъ могуществу или богатству. Вопросъ этотъ пристало обсуждать развѣ только рабамъ въ присутствіи ихъ господъ, а не разумнымъ и свободнымъ людямъ, стремящимся отыскать истину.

О чемъ же, собственно, идетъ рѣчь въ этомъ разсужденіи? Намъ предстоитъ указать тотъ моментъ въ движеніи событій, когда право смѣнило насиліе, и природа была подчинена закону, и объяснить, какое сцѣпленіе чудесъ привело къ тому, что сильный согласился служить слабому, а народы—купить воображаемое спокойствіе цѣною дѣйствительнаго счастья.

Всѣ философы, изучавшіе основы общества, сознавали необходимость углубиться въ своихъ изслѣдованіяхъ до естественнаго состоянія, но ни одному изъ нихъ не удалось достаточно къ нему приблизиться. Одни не задумались приписать человѣку въ этомъ состояніи понятія о правомъ и неправомъ, не потрудившись доказать того, что подобныя понятія должны были у него существовать, ни даже того, что они могли быть ему полезны. Другіе говорили, что естественное право предоставляетъ каждому удерживать за собою то, что ему принадлежитъ, не объяснивъ при этомъ, что понимаютъ они подъ словомъ «принадлежать». Третьи, надѣливъ сперва сильнаго властью надъ слабымъ, утверждаютъ, что это тотчасъ же повело къ возникновенію управленія, не думая о томъ, сколько времени должно было пройти, прежде чѣмъ слова «власть» и «управленіе» пріобрѣли для людей опредѣленный

смыслъ. Наконецъ. всѣ они, безпрестанно говоря о потребностяхъ, алчности, угнетеніи, желаніяхъ и гордости, переносятъ въ естественное состояніе идеи, усвоенныя ими въ обществѣ, и, говоря о дикарѣ, изображаютъ намъ гражданина.

Большинству современныхъ писателей и въ голову не приходило сомнѣваться въ томъ, что естественное состояніе дѣйствительно когда-то существовало, а между тѣмъ изъ Священнаго Писанія мы ясно видимъ, что даже первый человѣкъ, получившій непосредственно отъ Бога знанія и наставленія, не находился въ этомъ состояніи, и, если относиться съ довѣріемъ къ книгамъ Моисея, какъ это подобаетъ всякому философу-христіанину, то придется отказаться отъ предположенія, что люди находились нѣкогда въ состояніи вполнѣ естественномъ, хотя бы даже до потопа, если только они не вернулись къ нему, вслѣдствіе какого-либо необычайнаго происшествія. Но это—парадоксъ, который трудно защищать, а доказать прямо-таки невозможно.

Условимся, поэтому, прежде всего, оставить въ сторонѣ всѣ фактическія данныя, такъ какъ они не имѣютъ отношенія къ нашему вопросу. На выводы тѣхъ изслѣдованій, къ которымъ можетъ дать поводъ нашъ предметъ, нужно смотрѣть не какъ на историческія истины, а лишь какъ на гипотезы, болѣе способныя пролить нѣкоторый свѣтъ на природу явленій, чѣмъ установить истинное ихъ происхожденіе, и подобныя тѣмъ гипотезамъ о возникновеніи міра, которыя чуть ли не ежедневно высказываютъ наши натуралисты. Религія предписываетъ намъ вѣрить, что самъ Богъ вывелъ людей изъ естественнаго состоянія непосредственно послѣ ихъ сотворенія, и что люди, слѣдовательно, неравны между собою потому, что такова была Его воля. Но онъ не возбраняетъ намъ строить на основаніи одной только природы человѣка и окружающей его среды предположенія о томъ, чѣмъ сталъ бы родъ человѣческій, если бы былъ предоставленъ самому себѣ. Вотъ то, чего

могутъ ждать отъ меня, и что предполагаю я изслѣдовать въ настоящемъ разсужденіи.

Такъ какъ, разрабатывая свою тему, я долженъ имѣть въ виду человѣка вообще, то постараюсь говорить языкомъ, понятнымъ для всѣхъ народовъ, или, еще лучше, забывъ о различіяхъ, создаваемыхъ мѣстомъ и временемъ, чтобы думать только о людяхъ, къ которымъ обращаюсь со своею рѣчью, я предположу, что нахожусь въ аѳинскомъ Лицеѣ и повторяю уроки своихъ учителей, имѣя передъ собою судьями Платоновъ и Ксенократовъ, а слушателемъ родъ человѣческій.

О, человѣкъ! Изъ какой бы страны ни происходилъ ты, каковы бы ни были твои воззрѣнія, внемли мнѣ! Вотъ твоя исторія, прочитанная мною не въ книгахъ, написанныхъ тебѣ подобными, которыя лживы, а въ книгѣ природы, которая никогда не лжетъ. Все, что подсказано мнѣ ею. — истина. Ложнымъ можетъ оказаться только то, что, помимо своего желанія, прибавлю я отъ себя. Времена, о которыхъ буду я говорить, очень далеки отъ насъ. Какъ измѣнился ты съ тѣхъ поръ! Я попытаюсь возстановить исторію жизни твоего рода, исходя изъ тѣхъ свойствъ, которыми надѣлила тебя природа, тѣхъ свойствъ, которыя твое воспитаніе и твои привычки могли извратить, но не уничтожить. Я знаю возрастъ, за порогъ котораго желалъ бы никогда не переступать человѣкъ. Ты будешь искать тотъ возрастъ въ жизни твоего рода, на которомъ желалъ бы ты видѣть его остановившимся въ своемъ развитіи. Недовольный своимъ теперешнимъ состояніемъ по причинамъ, сулящимъ еще большее недовольство твоимъ несчастнымъ потомкамъ, ты пожелаешь, быть можетъ, вернуться назадъ. И это чувство окружитъ ореоломъ твоихъ отдаленнѣйшихъ предковъ, дастъ критерій для оцѣнки твоихъ современниковъ и вызоветъ ужасъ въ тѣхъ, которые будутъ имѣть несчастье жить вмѣстѣ съ тобою.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Какъ ни важно было бы для пріобрѣтенія основательныхъ свѣдѣній объ естественномъ состояніи человѣка, начать изслѣдованіе съ самого появленія его на землѣ, изучить его, такъ сказать, въ эмбріонѣ его рода, я не буду все же слѣдить за послѣдовательными измѣненіями его организаціи и не стану останавливаться на попыткѣ узнать, изучая строеніе тѣла различныхъ животныхъ, что могъ представлять онъ собою, прежде чѣмъ сталъ такимъ, какъ мы его видимъ. Я не стану изслѣдовать, не были ли первоначально, какъ думаетъ Аристотель, его продолговатые ногти крючкообразными когтями, не былъ ли онъ покрытъ шерстью, подобно медвѣдю, и не предрѣшала ли въ то время, когда онъ ходилъ еще на четверенькахъ (3), его привычка держать взоры, склоненными къ землѣ, ограничивавшая его кругозоръ двумя шагами, широты и характера его идей. Я могу высказать на этотъ счетъ лишь смутныя, а можетъ быть и произвольныя, догадки.

Сравнительная анатомія сдѣлала еще слишкомъ мало успѣховъ, наблюденія натуралистовъ дали еще слишкомъ ненадежные результаты, чтобы можно было строить на такомъ фундаментѣ основательныя разсужденія. Не прибѣгая, поэтому, къ относящимся къ

нашему предмету свѣдѣніямъ изъ области естественныхъ наукъ и не считаясь съ измѣненіями, какія могли произойти во внутренней и внѣшней организаціи человѣка, по мѣрѣ того какъ онъ пріучался пользоваться членами своего тѣла для выполненія все новыхъ и новыхъ задачъ и переходилъ отъ одного рода пищи къ другому, мы предположимъ, что онъ всегда обладалъ такимъ же тѣлосложеніемъ, какъ и теперь, ходилъ, на двухъ ногахъ, пользовался своими руками такъ же, какъ пользуемся ими мы, созерцалъ природу во всемъ ея разнообразіи и измѣрялъ взоромъ обширное небесное пространство.

Освободивъ существо, обладающее такими природными свойствами, отъ всѣхъ даровъ, какіе могли быть получены имъ сверхъестественнымъ образомъ, и отъ всѣхъ искусственныхъ способностей, какія могло оно пріобрѣсти на долгомъ пути прогресса, словомъ, разсматривая его такимъ, какимъ должно было оно выйти изъ рукъ природы, я вижу передъ собой одного изъ представителей животнаго міра, менѣе сильнаго, чѣмъ иные изъ нихъ, менѣе проворнаго, чѣмъ нѣкоторые другіе, но въ общемъ организованнаго болѣе выгодно, чѣмъ животныя всѣхъ другихъ породъ. Я вижу, какъ утоляетъ онъ свой голодъ подъ любымъ дубомъ, а жажду изъ перваго попавшагося источника, какъ находитъ онъ постель подъ тѣмъ же деревомъ, которое доставило ему обѣдъ. Вотъ и все, что нужно для удовлетворенія его потребностей.

Земля, не утратившая еще своего естественнаго плодородія (4) и покрытая огромными лѣсами, которыхъ не касался еще топоръ, предлагала на каждомъ шагу животнымъ всѣхъ породъ склады съѣстныхъ припасовъ и мѣста, которыя могли служить имъ убѣжищемъ. Разсѣянные среди животныхъ люди наблюдаютъ ихъ, подражаютъ ихъ пріемамъ и поднимаются, такимъ образомъ, на ступень умственнаго развитія, соотвѣтствующую ихъ инстинкту, съ тою лишь разницею, что каждое живот-

ное имѣетъ особый, ему только присущій инстинктъ, а человѣкъ который отъ природы, быть можетъ, вовсе таковымъ не надѣленъ. усваиваетъ всѣ ихъ, можетъ питаться всѣми родами пищи, которые распредѣлены между ними разъ навсегда (5). и, слѣдовательно, находитъ средства къ существованію съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ какое-либо изъ нихъ.

✓ Привыкнувъ съ дѣтства переносить измѣнчивость погоды, зимнюю стужу и лѣтній зной, пріученные къ труду и поставленные въ необходимость защищать нагими и безоружными свою жизнь и добычу отъ дикихъ звѣрей или спасаться отъ нихъ бѣгствомъ, люди пріобрѣтаютъ сильное и не подверженное почти никакимъ измѣненіямъ тѣлосложеніе. Дѣти вступаютъ въ жизнь, унаслѣдовавъ превосходную организацію своихъ отцовъ, и, укрѣпляя ее при помощи тѣхъ же упражненій, которымъ послѣдніе были обязаны ею, достигаютъ наивысшей полноты силъ, доступной человѣческому роду.

Природа такъ же поступаетъ съ ними, какъ поступалъ спартанскій законъ съ дѣтьми гражданъ: она дѣлаетъ сильными и выносливыми обладающихъ нормальнымъ тѣлосложеніемъ и уничтожаетъ остальныхъ, въ противоположность порядку, господствующему въ нашемъ общественномъ строѣ, гдѣ государство, заставляя дѣтей быть въ тягость ихъ отцамъ, обрекаетъ ихъ на смерть безъ всякаго разбора еще до появленія ихъ на свѣтъ.

Такъ какъ тѣло дикаря — единственное извѣстное ему орудіе, то онъ пользуется имъ такъ, какъ мы, по недостатку упражненій, не можемъ уже имъ пользоваться. Развитіе промышленности лишаетъ насъ силы и ловкости, пріобрѣтать которыя заставляетъ насъ необходимость. Если бы у него былъ топоръ, то развѣ могла бы рука его ломать такія крѣпкія вѣтви? Если бы у него была праща, то бросалъ ли бы онъ съ такою мѣткостью камни рукою? Если бы у него была

лѣстница, то могъ ли бы онъ съ такою легкостью взлѣзать на деревья? Если бы у него была лошадь, то былъ ли бы онъ такъ быстръ въ бѣгѣ? Дайте цивилизованному человѣку время вооружиться всѣми его машинами, и онъ безъ сомнѣнія легко содержитъ верхъ надъ дикаремъ. Но если вы хотите видѣть борьбу еще болѣе неравную, поставьте ихъ другъ противъ друга нагими и безоружными и вы скоро поймете, какъ выгодно имѣть всегда возможность располагать всѣми своими силами, быть ко всему готовымъ и носить, такъ сказать, всего себя съ собою (6).

Гоббсъ утверждаетъ, что человѣкъ отъ природы не знаетъ страха и что онъ только и думаетъ, что о нападеніяхъ и схваткахъ. Одинъ знаменитый философъ держится противоположнаго мнѣнія. Кумберландъ и Пуффендорфъ также увѣряютъ, что нѣтъ существа болѣе робкаго, чѣмъ человѣкъ въ естественномъ состояніи, что онъ постоянно дрожитъ отъ страха и готовъ бѣжать, заслышавъ малѣйшій шумъ, завидѣвъ малѣйшее движеніе. Быть можетъ, это и вѣрно, поскольку ему прійдется имѣть дѣло съ неизвѣстными ему предметами, и я не сомнѣваюсь, что онъ долженъ пугаться всякій разъ, когда при видѣ чего-нибудь для него новаго онъ не въ состояніи будетъ рѣшить, слѣдуетъ ли ему ждать дурного или хорошаго, въ физическомъ смыслѣ, и соразмѣрить свои силы съ грозящей ему опасностью. Но подобные случаи должны встрѣчаться крайне рѣдко въ естественномъ состояніи, гдѣ все идетъ такъ однообразно, и земля не подвержена еще безпрестаннымъ измѣненіямъ, вызываемымъ страстями и непостоянствомъ уже сложившихся народовъ. Живя въ близкомъ сосѣдствѣ съ животными и на каждомъ шагу встрѣчая случаи помѣряться съ ними силами, дикарь начинаетъ сравнивать ихъ съ собою и, видя, что онъ болѣе превосходитъ ихъ ловкостью, чѣмъ они его силой, привыкаетъ не бояться ихъ. Заставьте медвѣдя или волка сражаться съ дикаремъ, сильнымъ, провор-

нымъ и отважнымъ, какъ они всѣ, и вооруженнымъ камнями или хорошей дубиной, и вы увидите, что опасность будетъ отнюдь не взаимной, и что послѣ нѣсколькихъ подобныхъ опытовъ хищные звѣри, избѣгающіе нападать другъ на друга, неохотно станутъ нападать и на человѣка, въ которомъ найдутъ такого же хищника, какъ они сами. Что же касается животныхъ, у которыхъ силы дѣйствительно больше, чѣмъ у него ловкости, то по отношенію къ нимъ онъ будетъ находиться въ такомъ же положеніи, какъ и представители другихъ болѣе слабыхъ, но все же, какъ никакъ, существующихъ видовъ. Притомъ же на сторонѣ человѣка еще то преимущество. что, будучи не менѣе ихъ проворнымъ въ бѣгѣ, онъ находитъ почти совершенно безопасное убѣжище на деревьяхъ и можетъ всякій разъ выбирать: вступить ли ему въ борьбу или искать спасенія въ бѣгствѣ. Прибавимъ еще, что нѣтъ, кажется, ни одного животнаго, которое было бы врагомъ человѣка, за исключеніемъ случаевъ самозащиты или крайняго голода, или питало бы къ нему ту рѣзкую антипатію, которая всегда, повидимому, позволяетъ заключить, что такой-то видъ предназначенъ природой служить пищей другому.

Потому-то, безъ сомнѣнія, негры и другіе дикари такъ мало тревожатся тѣмъ, что могутъ встрѣтиться въ лѣсу съ дикими звѣрями. Такъ напримѣръ, венецуэльскіе карибы живутъ въ этомъ отношеніи въ полной безопасности и не испытываютъ ни малѣйшихъ неудобствъ. Хотя они ходятъ почти нагими,—говоритъ Франциск Корреаль,—но все же смѣло углубляются въ чащу лѣса, вооруженные только лукомъ и стрѣлою. и никогда не приходилось слышать, чтобы хоть одинъ изъ нихъ былъ пожранъ звѣрями.

Другіе, болѣе страшные враги человѣка, отъ которыхъ ему труднѣе защитить себя, это — два періода естественной немощности: дѣтство и старость и всякаго рода болѣзни. Первые два изъ этихъ печальныхъ при-

знаковъ нашей слабости свойственны всѣмъ животнымъ, а послѣдній преимущественно человѣку, живущему въ обществѣ. Замѣчу относительно дѣтства, что женщинѣ-матери, которая носитъ всегда дитя свое съ собою, легче кормить его, чѣмъ самкамъ многихъ животныхъ, принужденнымъ безпрестанно покидать своихъ дѣтенышей, чтобы отыскивать себѣ пищу и возвращаться къ нимъ, чтобы кормить ихъ. Правда, если погибаетъ мать, то дитяти также грозитъ большая опасность погибнуть вмѣстѣ съ нею, но такой же опасности подвергаются молодыя животныя сотни другихъ видовъ, которыя не въ состояніи съ ранняго возраста сами добывать себѣ пищу, и если дѣтство у насъ болѣе продолжительно, то болѣе продолжительна и жизнь, и, слѣдовательно, здѣсь замѣчается почти полное равенство (7). Существуютъ, впрочемъ, и иные, наблюденіемъ установленныя, данныя относительно продолжительности дѣтскаго возраста и числа дѣтенышей, не входящія въ область моего изслѣдованія. У стариковъ, мало-дѣятельныхъ и мало теряющихъ испарины, потребность въ пищѣ уменьшается въ той же мѣрѣ, какъ и способность находить ее, и такъ какъ образъ жизни дикарей избавляетъ ихъ отъ подагры и ревматизма, а старость—такое зло, облегчить которое всего менѣе во власти человѣка, то въ концѣ концовъ, они угасаютъ непримѣтно для окружающихъ и почти что не замѣчая этого сами.

Я не стану повторять пустыхъ и лживыхъ нападокъ на медицину, которыя такъ часто приходится слышать отъ людей здоровыхъ; я спрошу только, существуютъ ли серьезныя наблюденія, на основаніи которыхъ можно было бы заключить, что въ странахъ, гдѣ это искусство находится въ наибольшемъ пренебреженіи, средняя продолжительность жизни меньше, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ ему посвящаютъ болѣе всего заботъ. Да и какъ могли бы мы ожидать этого, если мы причиняемъ себѣ больше болѣзней, чѣмъ можетъ медицина предло-

жить намъ лекарствъ. Крайнее неравенство въ образѣ жизни, избытокъ труда у однихъ, избытокъ праздности у другихъ, возможность часто возбуждать и удовлетворять аппетиты и чувственность, слишкомъ изысканная пища богатыхъ, горячащая и вызывающая разстройство пищеваренія, слишкомъ плохая, а часто и слишкомъ скудная, пища бѣдныхъ, недостаточность которой заставляетъ ихъ набрасываться на ѣду, когда есть къ тому возможность и переполнять желудокъ; безсонныя ночи, излишества всякаго рода, неумѣренные порывы страстей, чрезмѣрное напряженіе физическихъ и умственныхъ силъ, безконечныя огорченія и заботы, выпадающія на долю современнаго человѣка во всякомъ состояніи и безпрестанно терзающія его душу,—вотъ печальныя свидѣтельства того, что большинствомъ нашихъ болѣзней мы обязаны самимъ себѣ и что мы могли бы избѣжать почти всѣхъ ихъ, если бы сохранили простой, однообразный и уединенный образъ жизни, предписанный намъ природой. Если она желала, чтобы мы были здоровыми, то я почти склоненъ утверждать, что состояніе мышленія—противоестественно, и что размышляющій человѣкъ — выродившееся животное. Стоитъ вспомнить о прекрасномъ здоровьѣ дикарей, о томъ, что они не знаютъ иныхъ болѣзней, кромѣ ранъ и старости, чтобы прійти къ мысли, что исторію человѣческихъ болѣзней легко изложить попутно съ исторіей гражданскихъ обществъ. Къ этому мнѣнію склонялся, по крайней мѣрѣ, Платонъ, полагающій, что заболѣванія, которыя должны были вызывать лѣкарства, назначавшіяся или одобрявшіяся Подалиріемъ и Махаономъ при осадѣ Трои, не были тогда еще извѣстны людямъ. Согласно съ этимъ и Цельзъ сообщаетъ, что діэта, столь необходимая въ настоящее время, была изобрѣтена лишь Гиппократомъ.

При такой малочисленности источниковъ заболѣваній человѣкъ въ естественномъ состояніи очень мало нуждался въ лѣкарствахъ и еще менѣе въ лѣкаряхъ.

Въ этомъ отношеніи родъ человѣческій находится не въ худшемъ положеніи, чѣмъ всѣ другіе виды; у охотниковъ же легко узнать, много ли имъ приходится встрѣчать во время ихъ странствованій больныхъ животныхъ. Имъ попадаются животныя съ значительными, но прекрасно зарубцевавшимися ранами, попадаются такія, которыя послѣ перелома костей, иногда даже конечностей, выздоровѣли безъ помощи иного хирурга, кромѣ времени, иного режима, кромѣ обыкновеннаго ихъ образа жизни, выздоровѣли, хотя ихъ не мучили операціями, не отравляли различными снадобьями и не изнуряли постами. Словомъ, какъ ни полезно для насъ врачебное искусство, если оно находится въ хорошихъ рукахъ, очевидно все же, что предоставленному самому себѣ больному дикарю, которому не на кого надѣяться, кромѣ природы, нечего зато и опасаться, кромѣ своей болѣзни, и что, слѣдовательно, положеніе его нерѣдко лучше нашего.

Остережемся, поэтому, смѣшивать дикаря съ тѣми людьми, которыхъ мы видимъ передъ собою. Природа проявляетъ ко всѣмъ животнымъ, предоставленнымъ ея заботамъ, особую нѣжность, какъ бы желая этимъ показать, насколько ревниво относится она къ своимъ правамъ. Лошадь, кошка, быкъ и даже оселъ обладаютъ болѣе крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, отличаются большей живостью, силой и храбростью, когда живутъ на волѣ, а не подлѣ человѣка. Они теряютъ половину этихъ преимуществъ, становясь животными домашними, и можно сказать, что всѣ наши старанія доставить имъ хорошій уходъ и хорошую пищу ведутъ лишь къ ихъ вырожденію. Это примѣнимо и къ человѣку. Становясь существомъ общежительнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ рабомъ, онъ становится слабымъ, болѣзненнымъ и приниженнымъ, и спокойный, изнѣживающій образъ жизни подрываетъ въ концѣ концовъ его силы и его мужество. Прибавимъ еще, что разница между дикимъ и живущимъ въ обществѣ человѣкомъ должна быть больше,

чѣмъ между дикимъ и домашнимъ животнымъ, такъ какъ природа относится къ животному совершенно такъ же, какъ и къ человѣку, а всѣ тѣ жизненныя удобства, которыми человѣкъ окружаетъ себя въ большей степени, чѣмъ приручаемыхъ имъ животныхъ, создаютъ обстановку, особо благопріятствующую его вырожденію.

Для первобытныхъ людей не являлось, поэтому, ни большимъ несчастьемъ, ни, того менѣе, существеннымъ препятствіемъ къ существованію отсутствіе одежды, жилища и всѣхъ ненужностей, которыя мы считаемъ столь необходимыми. Они не покрыты шерстью, но въ теплыхъ странахъ они въ ней не нуждаются, а въ холодныхъ скоро научаются овладѣвать шкурами убитыхъ ими звѣрей. Если у нихъ только двѣ ноги, чтобы бѣгать, за то у нихъ двѣ руки, чтобы защищаться и добывать себѣ все необходимое. Ихъ дѣти поздно и съ трудомъ пріучаются ходить, но зато матерямъ ихъ легко носить ихъ съ собою, а между тѣмъ этого преимущества лишены другія животныя, у которыхъ мать, когда ее преслѣдуютъ, принуждена бросать ихъ на произволъ судьбы или сообразоваться во время бѣга со скоростью ихъ шаговъ. Словомъ, если не предполагать исключительнаго и случайнаго стеченія обстоятельствъ, о которомъ я буду говорить впослѣдствіи и которое легко могло вовсе не произойти, то ясно, что первый, изготовившій себѣ одежду и построившій себѣ жилище, сдѣлалъ себѣ вещи мало необходимыя, такъ какъ существовалъ же онъ до того времени безъ нихъ, и мы не видимъ, почему, ставъ человѣкомъ взрослымъ, не въ силахъ онъ былъ бы выносить тотъ образъ жизни, который выносилъ будучи дитятей.

Одинокій и праздный дикарь, всегда стоящій лицомъ къ лицу съ опасностью, долженъ любить спать и долженъ спать чуткимъ сномъ, какъ животныя, у которыхъ умъ работаетъ мало, и которыя спятъ, такъ сказать, все то время, когда онъ бездѣйствуетъ. Такъ какъ забота о самосохраненіи—его единственная забота, то

изъ всѣхъ способностей его наиболѣе развиты должны быть тѣ, главное назначеніе которыхъ служить человѣку при нападеніи и защитѣ, и которыми онъ пользуется, стремясь овладѣть добычей или же оградить себя отъ опасности стать добычей другого животнаго. Наоборотъ, тѣ органы, которые совершенствуются лишь благодаря жизни въ изнѣженности и роскоши, должны остаться развитыми; и это лишаетъ насъ возможности предполагать въ немъ особую утонченность организаціи. Такъ какъ чувства наши также распадаются въ этомъ отношеніи на двѣ категоріи, то осязаніе и вкусъ будутъ у него крайне грубы, тогда какъ зрѣніе, слухъ и обоняніе должны быть изощрены въ высшей степени. Все это замѣчается у большинства животныхъ, а по сообщеніямъ путешественниковъ, и у большинства дикихъ народовъ, и нѣтъ, потому, ничего удивительнаго ни въ томъ, что готтентоты у мыса Доброй Надежды различаютъ невооруженнымъ глазомъ корабль въ открытомъ морѣ на такомъ же разстояніи, какъ голландцы съ помощью зрительной трубки, ни въ томъ, что американскіе индѣйцы узнаютъ испанцевъ по слѣдамъ, какъ лучшія охотничьи собаки, ни въ томъ, что всѣ эти нецивилизованные народы легко обходятся безъ одежды, съ удовольствіемъ ѣдятъ индійскій перецъ и пьютъ европейскую водку, какъ воду.

До сихъ поръ я разсматривалъ человѣка въ физическомъ отношеніи, попробуемъ теперь взглянуть на него съ точки зрѣнія метафизической и нравственной.

Въ каждомъ животномъ я вижу остроумно-устроенную машину, которую природа надѣлила чувствами, чтобы она могла сама заводить себя и ограждать себя до нѣкоторой степени отъ всего, что можетъ уничтожить ее или привести въ разстройство. То же замѣчаю я и въ машинѣ, называемой человѣкомъ, съ той разницей, что природа одна управляетъ всѣми движеніями животнаго, а человѣкъ, какъ существо свободное, отчасти самъ руководитъ своими. Первое выби-

раетъ или отвергаетъ по инстинкту, второй по опредѣленію свободной воли, почему животное не можетъ уклониться отъ предписаннаго ему правила, хотя бы даже это было ему выгодно, а человѣкъ часто уклоняется отъ него даже тогда, когда это ему вредитъ. Такъ напримѣръ, голубь околѣлъ бы съ голоду подлѣ миски съ превосходной говядиной, а кошка—на кучѣ плодовъ или зеренъ, хотя и тотъ и другая прекрасно могли бы питаться отвергаемой ими пищей, если бы только догадались хоть разъ поѣсть ея, а невоздержные люди предаются излишествамъ, причиняющимъ имъ болѣзни и смерть, потому что умъ развращаетъ чувства, и воля продолжаетъ говорить, когда голосъ природы давно уже умолкъ.

Всякое животное способно мыслить, такъ какъ оно способно чувствовать. Оно даже комбинируетъ до нѣкоторой степени свои представленія, и человѣкъ не такъ ужъ рѣзко отличается въ этомъ отношеніи отъ животнаго. Нѣкоторые философы утверждали даже, что между двумя данными людьми разница въ этомъ отношеніи можетъ быть болѣе значительной, чѣмъ между даннымъ человѣкомъ и даннымъ животнымъ. Слѣдовательно, главное отличіе человѣка отъ животнаго составляетъ не разумъ, а свободная воля. Природа обращается со своими велѣніями ко всякому живому существу, и животное повинуется; человѣкъ испытываетъ то же влеченіе, но знаетъ, что онъ воленъ повиноваться или противиться. И въ этомъ сознаніи свободы болѣе всего обнаруживается духовность психической природы человѣка; ибо естествознаніе объясняетъ намъ до нѣкоторой степени механизмъ чувствъ и образованіе идей, но въ способности желать или, скорѣе, выбирать и въ сознаніи этой способности мы видимъ акты часто духовные, для объясненія которыхъ ничего не дадутъ законы механики.

Но если трудности, съ которыми сопряжено изслѣдованіе этихъ вопросовъ, открываютъ лазейку для воз-

раженій относительно этого отличія человѣка отъ животнаго, то насчетъ другого весьма характернаго качества, различающаго ихъ, не можетъ возникнуть никакихъ споровъ. Это—способность къ совершенствованію (perfectibilité), которая при содѣйствіи различныхъ обстоятельствъ ведетъ къ постепенному развитію всѣхъ остальныхъ способностей. Она такъ же присуща всему нашему роду, какъ и каждому индивидууму, тогда какъ животное по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ будетъ тѣмъ, чѣмъ останется оно всю свою жизнь, а его видъ черезъ тысячу лѣтъ тѣмъ же, чѣмъ былъ въ первомъ году этого тысячелѣтія Почему только человѣку случается впадать въ слабоуміе? Не потому ли, что онъ возвращается такимъ образомъ въ первоначальное свое состояніе? Не потому ли, что въ отличіе отъ животнаго, которое, ничего не пріобрѣтя, не можетъ ничего и потерять и всегда сохраняетъ свой инстинктъ, человѣкъ, теряя, вслѣдствіе старости или иныхъ причинъ, все, что пріобрѣлъ онъ, благодаря своей способности къ совершенствованію, падаетъ еще ниже того уровня, на которомъ стоитъ животное? Печально было бы, если бы пришлось признать, что эта своеобразная и почти безграничная способность является источникомъ почти всѣхъ человѣческихъ несчастій, что она, въ союзѣ съ временемъ, выводитъ, въ концѣ концовъ, человѣка изъ того первобытнаго состоянія, въ которомъ онъ велъ спокойную и невинную жизнь, что она, способствуя въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ расцвѣту его знаній и заблужденій, пороковъ и добродѣтелей, заставляетъ его сдѣлаться тираномъ надъ самимъ собой и природой (9). Ужасно было бы, если бы пришлось назвать благодѣтелемъ своихъ ближнихъ того, кто первый внушилъ мысль обитателямъ береговъ Ореноко сдавливать деревянными дощечками виски ихъ дѣтей, чтобы хоть отчасти обезпечить имъ ихъ неразуміе и первобытное счастье.

Дикарю. отданному природой во власть инстинкта или вознагражденному за отсутствіе его (такъ какъ, быть можетъ, онъ и не обладалъ имъ) тѣми способностями, которыя могли сперва замѣнить его, а затѣмъ значительно его надъ нимъ возвысить, будутъ доступны сначала только простѣйшіе, свойственные и животнымъ, психическіе акты. Онъ будетъ на этой первоначальной стадіи умственнаго прогресса замѣчать и чувствовать, какъ замѣчаютъ и чувствуютъ всѣ животныя (10); хотѣть или не хотѣть, стремиться чѣмъ-нибудь обладать или чего-нибудь бояться—таковы будутъ первыя, почти единственныя движенія его души, пока новыя обстоятельства не обусловятъ собой дальнѣйшаго ея развитія.

Что бы ни говорили моралисты, разумъ человѣческій многимъ обязанъ страстямъ, которыя, по общепринятому мнѣнію, также многимъ ему обязаны: благодаря ихъ дѣятельности развивается нашъ умъ; мы ищемъ знаній только потому, что ищемъ наслажденій, и нельзя представить себѣ, чтобы тотъ, у кого нѣтъ ни желаній, ни боязни, сталъ бы утруждать себя размышленіями. Страсти, въ свою очередь, находятся въ зависимости отъ нашихъ потребностей, прогрессъ ихъ—отъ нашихъ знаній, ибо желать или бояться чего-либо можно только на основаніи представленій о томъ, чего мы желаемъ или боимся, или же по чисто естественному импульсу, и дикарь, лишенный какихъ бы то ни было знаній, можетъ испытывать только страсти послѣдняго порядка. Его желанія не идутъ дальше того, что нужно для удовлетворенія его физическихъ потребностей (11); единственныя блага въ мірѣ, которыя ему извѣстны—пища, самка и спокойствіе; страшатъ же его только боль и голодъ. Я говорю: боль, а не смерть, потому что животному совершенно не извѣстно, что значитъ умереть, и понятіе о смерти и ея ужасахъ—одно изъ первыхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ человѣкомъ по выходѣ изъ естественнаго состоянія.

Мнѣ не трудно было бы, если бы это представлялось необходимымъ, подтвердить это мнѣніе фактами и показать, что у всѣхъ народовъ міра умственное развитіе находится въ соотвѣтствіи съ тѣми потребностями, которыя породила въ нихъ природа, или заставили пріобрѣсти обстоятельства, и слѣдовательно, съ тѣми страстями, которыя побуждаютъ ихъ заботиться объ удовлетвореніи этихъ потребностей. Я доказалъ бы, что въ Египтѣ искусства возникли и развивались въ связи съ разливами Нила, я прослѣдилъ бы за прогрессомъ ихъ у грековъ, гдѣ они зарождаются, дѣлаютъ все большіе и большіе успѣхи и достигаютъ небывалаго расцвѣта на песчанной и скалистой почвѣ Аттики и не могутъ пустить корней на плодородныхъ берегахъ Эврота; я отмѣтилъ бы то обстоятельство, что сѣверные народы опережаютъ въ общемъ южные въ области промышленности, такъ какъ имъ труднѣе безъ нея обойтись, и что, слѣдовательно, природа какъ бы стремясь установить извѣстное равенство,надѣлила, умы продуктивностью, въ которой отказала почвѣ. Но если даже мы и не станемъ прибѣгать къ мало-надежнымъ свидѣтельствамъ исторіи, развѣ не ясно для всякаго, что все, какъ бы намѣренно удаляетъ отъ дикаря искушенія и средства выйти изъ того состоянія, въ которомъ онъ находится. Его воображеніе ничего ему не рисуетъ, его сердце ничего не требуетъ. Все, что нужно для удовлетворенія его скромныхъ потребностей, — у него подъ рукой, онъ настолько далекъ отъ уровня знаній, обладать которыми необходимо, чтобы пожелать пріобрѣсти еще большія, что у него не можетъ быть ни предусмотрительности, ни любознательности.

Картины, которыя развертываетъ передъ нимъ природа, становятся для него незанимательными по мѣрѣ того, какъ становятся привычными: вѣчно тотъ же порядокъ, вѣчно тѣ же перемѣны; онъ не склоненъ удивляться величайшимъ чудесамъ, и не у него нужно искать того философскаго склада ума, обладать кото-

рымъ необходимо, чтобы сознательно наблюдать то, что видимъ ежедневно. Его душа, ничѣмъ не волнуемая, во власти впечатлѣній настоящаго. Въ ней нѣтъ мѣста представленіямъ о будущемъ, сколь бы ни было оно близкимъ, и его планы, ограниченные, какъ и его кругозоръ, не выходятъ за предѣлы текущаго дня.

Такова еще и теперь степень предусмотрительности караиба: онъ продаетъ поутру свою постель и отправляется съ плачемъ выкупать ее вечеромъ, такъ какъ не предвидѣлъ, что она понадобится ему на ближайшую ночь.

Чѣмъ больше размышляемъ мы объ этомъ предметѣ, тѣмъ больше увеличивается въ нашихъ глазахъ разстояніе между чистыми ощущеніями и самыми несложными знаніями.

Нельзя представить себѣ, какъ могъ человѣкъ, своими силами, безъ помощи общенія съ другими людьми и не подстрекаемый необходимостью, перейти такое огромное пространство. Сколько вѣковъ прошло, быть можетъ, прежде чѣмъ люди увидѣли иной огонь, кромѣ посылаемаго небомъ, сколько понадобилось случайностей, чтобы они научились пользоваться, хотя бы самымъ первобытнымъ способомъ, этой стихіей! Сколько разъ погасалъ онъ у нихъ, прежде чѣмъ узнали они, какъ разводить его вновь, и сколько разъ, быть можетъ, каждая изъ этихъ тайнъ умирала съ тѣмъ, кому удавалось открыть ее.

Что же сказать о земледѣліи, искусствѣ, требующемъ столько труда и предусмотрительности и зависящемъ отъ столькихъ другихъ искусствъ, объ искусствѣ, посвящать которому свои силы люди могутъ только въ обществѣ, хотя бы недавно еще сложившемся, которое служитъ намъ не столько къ тому, чтобы добыть себѣ пищу, такъ какъ земля доставляетъ ее и безъ него, сколько къ тому, чтобы заставить землю производить то, что намъ болѣе по вкусу. Но предположимъ, что люди настолько размножились, что естественныхъ произведеній

земли уже было недостаточно, чтобы прокормить ихъ, — что, скажемъ мимоходомъ, свидѣтельствовало бы о преимуществахъ, соединенныхъ для людей съ жизнью въ естественномъ состояніи; предположимъ, что безъ кузницъ и мастерскихъ земледѣльческія орудія упали къ ногамъ дикарей съ неба, что люди эти побороли въ себѣ смертельное отвращеніе ко всякому настойчивому труду, что они научились предвидѣть свои нужды въ отдаленномъ будущемъ, что они догадались, какъ надо обрабатывать землю, сѣять сѣмена и сажать деревья, что они открыли искусство молоть хлѣбныя зерна и подвергать броженію виноградъ (всему этому должны были научить ихъ боги, такъ какъ невозможно понять, какъ дошли бы они до этого сами), и все же нашелся ли бы, не смотря на все это, человѣкъ достаточно безразсудный, чтобы выбиваться изъ силъ надъ обработкой поля, которое будетъ опустошено первымъ же человѣкомъ, или животнымъ, которому понравится зрѣющая на немъ жатва; и рѣшится ли кто-нибудь проводить жизнь въ тяжелыхъ трудахъ, если на вознагражденіе за нихъ онъ можетъ тѣмъ менѣе разсчитывать, чѣмъ болѣе оно будетъ ему необходимо. Словомъ, какъ могли бы люди, живя въ предполагаемыхъ нами условіяхъ, начать обрабатывать землю, пока она не была раздѣлена между ними, т. е. пока не было уничтожено естественное состояніе.

Если бы мы пожелали предположить, что дикарь, дѣйствительно, такъ далеко ушелъ въ искусствѣ мышленія, какъ полагаютъ наши философы, если бы мы пожелали, по ихъ примѣру, сдѣлать его самого философомъ, самостоятельно открывающимъ возвышеннѣйшія истины, устанавливающимъ путемъ отвлеченнѣйшихъ разсужденій принципы справедливаго и разумнаго, на основаніи присущей людямъ любви къ порядку, или обнаружившейся видимымъ образомъ воли ихъ Создателя, словомъ, если бы мы приписали ему умъ на столько же проницательный и просвѣщенный, на

сколько онъ долженъ быть и оказывается въ дѣйствительности тяжелымъ и ограниченнымъ, какую пользу принесла бы роду человѣческому вся эта метафизика, которая не могла бы передаваться отъ одного индивидуума къ другому и умирала бы съ тѣмъ, который изобрѣлъ ее. Какіе успѣхи на пути прогресса могъ сдѣлать родъ человѣческій, разсѣянный въ лѣсахъ и живущій среди животныхъ, какую поддержку могли оказать другъ другу въ совершенствованіи и обогащеніи ума познаніями люди, которые не имѣли постояннаго жилища, не нуждались другъ въ другѣ и встрѣчались, быть можетъ, не болѣе одного—двухъ разъ въ жизни, не зная другъ друга и не вступая другъ съ другомъ въ бесѣду.

Вспомните, какимъ множествомъ идей, обязаны мы существованію рѣчи; какъ поощряетъ и облегчаетъ грамматика умственные процессы; подумайте о невообразимыхъ усиліяхъ и безконечномъ времени которыхъ потребовали первыя изобрѣтенія въ области языка, присоедините эти соображенія къ предыдущимъ,—и вы поймете, сколько тысячъ вѣковъ понадобилось, чтобы умъ человѣка пріучился совершать всѣ доступныя ему операціи.

Я позволю себѣ бросить бѣглый взглядъ на затрудненія, связанныя съ вопросомъ о происхожденіи языковъ. Мнѣ достаточно было бы сослаться на изслѣдованія аббата Кондильяка, или повторить ихъ здѣсь, такъ какъ они вполнѣ подтверждаютъ мое мнѣніе и, можетъ быть, впервые обратили мысль мою въ эту сторону. Но въ виду того, что тотъ путь, какимъ философъ этотъ приходитъ къ устраненію трудностей, встрѣченныхъ имъ при попыткѣ объяснить происхожденіе условныхъ обозначеній, изъ которыхъ состоитъ словарь всякаго языка, доказываетъ, что онъ считаетъ безспорнымъ то, что я подвергаю сомнѣнію, а именно—существованіе извѣстныхъ общественныхъ отношеній между людьми, изобрѣтавшими языкъ, я нахожу нужнымъ присоединить къ

его соображеніямъ свои собственныя, чтобы представить тѣ же трудности въ освѣщеніи, соотвѣтствующемъ моему предмету. Прежде всего намъ трудно представить себѣ, какъ могли языки стать необходимыми, ибо, зная, что люди, находившіеся въ естественномъ состояніи, не имѣли между собой никакихъ сношеній и нисколько въ нихъ не нуждались, мы не можемъ представить себѣ, почему изобрѣтеніе языка было необходимымъ, или хотя бы возможнымъ, если только оно не было неизбѣжнымъ. Я охотно сказалъ бы, какъ и многіе другіе, что языки родились въ семейномъ кругу, въ сношеніяхъ между отцомъ, матерью и дѣтьми. Но, помимо того, что это не устранило бы всѣхъ возраженій, это значило бы повторить ошибку тѣхъ, которые переносятъ въ естественное состояніе идеи, соотвѣтствующія условіямъ общественнаго быта, желаютъ найти тамъ семью, живущую подъ одной кровлей, и членовъ этой семьи, объединенныхъ столь же тѣснымъ и прочнымъ союзомъ, какъ и у насъ, гдѣ ихъ связываютъ столько общихъ интересовъ, тогда какъ въ первобытномъ состояніи, когда не было ни домовъ, ни хижинъ, каждый находилъ пристанище гдѣ прійдется и часто на одну только ночь; самцы и самки вступали въ кратковременную связь въ зависимости отъ случайной встрѣчи и полового влеченія и очень мало нуждались въ посредничествѣ языка, для того, что имѣли сказать другъ другу. Разставались они такъ же легко, какъ и сближались (13). Мать кормила грудью своихъ дѣтей, потому что это было нужно ей самой, а затѣмъ, когда привычка заставляла ее къ нимъ привязаться, доставляла имъ пищу уже потому, что это было нужно имъ. Когда они настолько подростали, что могли уже добывать себѣ эту пищу сами, они скоро покидали мать, и такъ какъ, теряя другъ друга изъ виду, люди теряли вмѣстѣ съ тѣмъ почти всякую возможность встрѣтиться когда-нибудь снова, то скоро они не въ состояніи уже были бы узнать другъ друга. Замѣтьте еще,

что у дитяти, которому приходилось объяснять, что ему нужно, было больше, что сказать матери, чѣмъ у матери ему, и что, слѣдовательно, на него падаетъ значительнѣйшая часть затраченнаго на изобрѣтеніе языка труда, и языкъ, которымъ оно пользовалось, долженъ былъ быть въ значительной части придуманъ имъ самимъ. Число языковъ должно было быть поэтому столь же велико, какъ и число говорящихъ на нихъ индивидуумовъ, чему способствовалъ еще и бродячій образъ жизни, не дававшій ни одному нарѣчію сдѣлаться устойчивымъ. Утверждая же, что мать научаетъ дитя тѣмъ словамъ, которыми оно должно пользоваться, чтобы попросить у нея что-либо, можно только дать понятіе о томъ, какъ передаютъ люди другъ другу знаніе языковъ уже сложившихся, а не объяснить, какъ они слагаются.

Допустимъ, что эта первая трудность превзойдена. Перешагнемъ на минуту огромное пространство, отдѣляющее состояніе вполнѣ естественное отъ той эпохи, когда могла почувствоваться необходимость въ языкахъ, и предполагая, что они сдѣлались уже необходимыми, постараемся узнать, каково было ихъ происхожденіе. Здѣсь насъ ждетъ новая трудность, еще болѣе значительная, чѣмъ предыдущая. Если люди нуждались въ языкѣ, чтобы научиться думать, то, съ другой стороны, они должны были умѣть мыслить, чтобы изобрѣсти искусство говорить, и если бы мы поняли, какимъ образомъ звуки нашего голоса избраны были условными истолкователями нашихъ идей, то все же еще оставалось бы объяснить, чѣмъ могли помочь эти условные истолкователи въ дѣлѣ распространенія такихъ идей, которыя, не имѣя своимъ предметомъ чего-либо доступнаго внѣшнимъ чувствамъ, не могутъ быть выражены ни посредствомъ жестовъ, ни посредствомъ нашего голоса.

Едва ли возможно поэтому высказать сколько-нибудь основательныя догадки относительно происхо-

жденія этого искусства сообщать другимъ свои мысли и вступать съ ними въ духовное общеніе; этого возвышеннаго искусства, которое такъ далеко уже отъ своей колыбели и все же въ глазахъ философа такъ далеко отъ совершенства, что не найдется человѣка, который рѣшился бы утверждать, что оно когда-либо его достигнетъ, хотя бы въ будущемъ и не повторялись уже тѣ перевороты, которые неизбѣжно приводитъ съ собою время, хотя бы изъ академій исчезли предразсудки и должны были бы повсюду умолкать передъ ними, и академіи эти могли бы въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ безъ перерыва заниматься этимъ многотруднымъ предметомъ.

Первый языкъ человѣка, общепонятный, наиболѣе выразительный, и единственный, который былъ ему нуженъ, прежде чѣмъ ему пришлось говорить въ многолюдныхъ собраніяхъ, это—естественные крики. Такъ какъ такой крикъ человѣкъ испускалъ какъ бы инстинктивно и только въ случаѣ какой-нибудь бѣды, умоляя о помощи въ виду большой опасности, или при тяжкихъ страданіяхъ, то имъ рѣдко пользовались въ повседневной жизни, гдѣ царятъ чувства болѣе умѣренныя.

Когда понятія людей, расширяются и умножаются и между ними устанавливается болѣе тѣсное общеніе, они стараются найти символы болѣе многочисленные и языкъ болѣе богатый; они увеличиваютъ число измѣненій голоса, присоединяютъ къ нимъ жесты, которые по природѣ своей болѣе выразительны, и смыслъ которыхъ меньше зависитъ отъ предшествующаго соглашенія, они обозначаютъ видимые и подвижные предметы жестами, а то, что воспринимается слухомъ, подражательными звуками. Но такъ какъ жестами можно обозначать только предметы, находящіеся налицо, или такіе, которые легко описать, и дѣйствія, доступныя зрѣнію, такъ какъ темнота или какой-нибудь предметъ, служащій преградою, дѣлаютъ ихъ безполезными и такъ какъ они требуютъ больше вниманія, чѣмъ способны воз-

будить, то люди скоро пришли къ мысли замѣнить ихъ измѣненіями голоса, которыя не связаны такъ тѣсно съ извѣстными понятіями и лучше могутъ поэтому выражать, въ качествѣ условныхъ обозначеній, любыя изъ нихъ. Но замѣна эта могла совершиться лишь съ общаго согласія и притомъ такимъ способомъ, осуществить который не легко было людямъ съ малоразвитыми, вслѣдствіе недостатка упражненія, органами рѣчи, и сама по себѣ представляется мало понятной, такъ какъ упомянутое нами единодушное согласіе, должно было быть какъ-нибудь подготовлено, и слѣдовательно, можно подумать, что людямъ необходимо было обладать языкомъ, чтобы изобрѣсти его.

Первыя слова, которыми пользовались люди, имѣли, вѣроятно, въ умѣ ихъ гораздо болѣе обширное значеніе, чѣмъ имѣютъ отдѣльныя слова въ языкахъ, уже сложившихся, и не будучи знакомы съ раздѣленіемъ рѣчи на ея составныя части, люди придавали первоначально каждому слову смыслъ цѣлаго предложенія.

Когда они начали отличать подлежащее отъ сказуемаго и глаголъ отъ имени существительнаго (что было не малымъ подвигомъ человѣческаго генія), то всѣ существительныя должны были представлять собою вначалѣ имена собственныя; настоящее время изъявительнаго наклоненія было единственнымъ глагольнымъ временемъ; что же касается прилагательныхъ, то понятіе о нихъ должно было развиваться очень медленно, потому что всякое прилагательное—абстрактно; абстракціи же—операціи трудныя и мало естественныя.

Каждый предметъ получалъ сначала особое названіе, роды же и виды, различать которые изобрѣтатели языка были не въ состояніи, не принимались во вниманіе и всѣ отдѣльные предметы представлялись уму ихъ обособленными, какъ обособлены они въ природѣ. Если одинъ дубъ назывался А, то другой дубъ назывался В, ибо первое представленіе наше о двухъ предметахъ всегда состоитъ въ томъ, что они не то-

ждественны, и часто намъ нужно немало времени, чтобы подмѣтить, что имѣютъ они общаго. Чѣмъ болѣе ограничены, поэтому, знанія, тѣмъ болѣе обширнымъ долженъ быть лексиконъ. Преодолѣть затрудненія, связанныя съ такой номенклатурой, было не легко. Чтобы подвести предметы подъ общія и родовыя обозначенія, нужно было узнать ихъ свойства и отличительные признаки; нужны были наблюденія и опредѣленія, т. е. гораздо болѣе обширныя знанія въ области естественной исторіи и метафизики, чѣмъ могли быть у людей въ то время. Общія понятія слагаются у насъ лишь благодаря существованію словъ, а разумъ овладѣваетъ ими лишь при посредствѣ предложеній. Это — одна изъ причинъ, почему животныя не могутъ имѣть такихъ понятій и пріобрѣсти зависящей отъ нихъ способности къ совершенствованію. Можемъ ли мы думать, когда обезьяна беретъ безъ колебанія одинъ орѣхъ за другимъ, что у нея существуетъ общее понятіе объ этомъ родѣ плодовъ, и что она сравниваетъ отдѣльные предметы съ ихъ первообразомъ. Очевидно, нѣтъ. Но видъ одного орѣха напоминаетъ ей объ ощущеніяхъ, вызванныхъ другимъ, и глаза ея, получивъ извѣстное воспріятіе, предувѣдомляютъ ея вкусъ о томъ, которое получитъ онъ.

Всякое общее понятіе вполнѣ интеллектуально; при малѣйшемъ вмѣшательствѣ воображенія, оно становится частнымъ. Вамъ никогда не удается представить себѣ образъ дерева вообще. Помимо вашей воли, вы увидите дерево большое или малое, густое или съ жидкой листвой, свѣтлое или темное, и если бы отъ васъ зависѣло увидѣть только то, что свойственно всякому дереву, то этотъ образъ нисколько не походилъ бы на дерево.

Вещи вполнѣ абстрактныя мы видимъ такимъ же образомъ и постигаемъ ихъ только посредствомъ разговора съ другими людьми. Опредѣленіе треугольника дастъ вамъ истинное понятіе о немъ, но какъ только вы попробуете представить себѣ треугольникъ, то это

будетъ именно такой-то треугольникъ, а не иной, и вы неизбѣжно придадите ему видимыя линіи и окрашенную плоскость. Нужно, слѣдовательно, произносить предложенія, нужно говорить, чтобы имѣть общія понятія. Когда прекращается дѣятельность воображенія, умъ можетъ двигаться только съ помощью рѣчи. А такъ какъ изобрѣтатели языка могли дать названія только тѣмъ понятіямъ, которыя уже существовали въ ихъ умѣ, то первыя существительныя могли быть только именами собственными. Но когда, непостижимымъ для меня способомъ, наши новоявленные грамматики начали расширять свои понятія, то ихъ невѣжественность должна была заключить ихъ дѣятельность въ очень тѣсныя границы и, чрезмѣрно увеличивъ сначала число индивидуальныхъ названій, вслѣдствіе отсутствія у нихъ представленія о родахъ и видахъ, они должны были затѣмъ образовать слишкомъ мало родовъ и видовъ, вслѣдствіе того, что не могли подмѣтить въ отдѣльныхъ предметахъ всѣхъ ихъ отличительныхъ признаковъ. Чтобы продвинуть дѣленіе достаточно далеко, нужно было больше опытности и знаній, чѣмъ они имѣли, и больше изслѣдованій и усилій, чѣмъ они пожелали бы сдѣлать. Если и теперь ежедневно открываютъ новые виды, ускользавшіе до сихъ поръ отъ нашихъ наблюденій, то сколько ихъ должно было укрыться отъ людей, судившихъ о вещахъ съ перваго взгляда. Что же касается высшихъ классовъ и наиболѣе общихъ понятій, то излишне прибавлять, что они остались чуждыми людямъ той эпохи. Какъ могли они, напримѣръ, изобрѣсти или понять слова: матерія, умъ сущность. качество, образъ, движеніе, когда наши философы, такъ давно ими пользующіеся, сами съ трудомъ понимаютъ ихъ, и понятія, которыя мы связываемъ съ этими словами, будучи чисто метафизическими, не имѣютъ образца въ природѣ?

Здѣсь я остановлюсь, хотя мы ушли еще такъ недалеко, и попрошу моихъ судей прервать чтеніе, чтобы

составить себѣ на основаніи этихъ соображеній объ изобрѣтеніи однихъ только существительныхъ, обозначающихъ физическіе предметы, т. е. той части языка, изобрѣсти которую было всего легче, нѣкоторое представленіе о томъ, сколько оставалось еще сдѣлать, чтобы онъ способенъ сталъ выражать всѣ человѣческія мысли и могъ принять устойчивую форму, чтобы имъ можно было пользоваться для публичныхъ рѣчей и вліять съ его помощью на общество. Я прошу ихъ подумать о томъ, сколько понадобилось времени и знаній, чтобы изобрѣсти имена числительныя (14), абстрактныя слова, аористы и прочія времена глагола, частицы и синтаксисъ, научиться составлять предложенія, связывать ихъ въ разсужденія и создать всю логику языка. Я же, испуганный все растущими затрудненіями и убѣжденный въ томъ, что возникновеніе и распространеніе языковъ при помощи средствъ чисто человѣческихъ — дѣло почти совершенно невѣроятное, предоставляю другимъ заняться рѣшеніемъ проблемы: было ли болѣе необходимо образованіе обществъ для возникновенія языковъ или же изобрѣтеніе языка для установленія общества.

Какъ бы мы ни рѣшали этотъ вопросъ о старшинствѣ происхожденія языка и общества, все же, при видѣ того, какъ мало старалась природа сблизить людей взаимными потребностями и облегчить имъ изобрѣтеніе языка, намъ становится яснымъ, какъ мало подготовила она ихъ для жизни въ обществѣ и какъ мало внесла она своего во все то, что сдѣлано было ими для его установленія. И въ самомъ дѣлѣ, почему человѣкъ въ первобытномъ состояніи больше нуждался бы въ другомъ человѣкѣ, чѣмъ обезьяна или волкъ въ имъ подобныхъ? И, если даже мы допустимъ это, то что же могло заставить другого пойти навстрѣчу его желаніямъ, и какъ смогли бы они въ такомъ случаѣ столковаться относительно необходимыхъ условій?

Намъ безпрестанно повторяютъ, какъ извѣстно, что

нельзя представить себѣ существа болѣе несчастнаго, чѣмъ человѣкъ въ первобытномъ состояніи, и если, какъ мнѣ удалось, надѣюсь, доказать это, должно было все же пройти не мало вѣковъ, прежде чѣмъ у него могло явиться желаніе, и могла ему представиться возможность его покинуть, то винить въ этомъ нужно природу, а не того, кто вышелъ такимъ, а не инымъ, благодаря ей одной. Но если я правильно понимаю слово «несчастный», то оно или вовсе не имѣетъ никакого смысла, или означаетъ тяжкія лишенія и тѣлесныя или душевныя страданія. Но я хотѣлъ бы знать, какія несчастья можетъ испытывать свободное существо, спокойное духомъ и здоровое тѣломъ. Какой образъ жизни, спрошу я, свойственный естественному или же общественному состоянію, скорѣе можетъ стать невыносимымъ для того, кто ведетъ его? Мы почти не видимъ людей, которые не жаловались бы на свое существованіе. Многіе даже добровольно лишаютъ себя жизни и всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ едва ли достаточно для противодѣйствія этому злу. Случалось ли кому-либо слышать, чтобы дикарю, если только онъ не утратилъ своей свободы, пришло въ голову жаловаться на свою судьбу, или покончить съ собою. Судите, поэтому, съ меньшимъ высокомѣріемъ о томъ, гдѣ люди испытываютъ истинныя несчастья.

Не могло бы быть, наоборотъ, существа болѣе несчастнаго, чѣмъ дикарь, ослѣпленный знаніями, и размышляющій о состояніи, не похожемъ на его собственное. Мудрое предвидѣніе сказалось поэтому въ томъ, что способности, которыми онъ былъ надѣленъ, могли развиваться лишь по мѣрѣ того, какъ открывалась возможность пользоваться ими, чтобы онѣ не оказались для него излишними и обременительными, проявившись преждевременно, или же запоздалыми и безполезными, когда могла почувствоваться въ нихъ надобность. Ему достаточно было инстинкта, чтобы жить въ естественномъ состояніи, просвѣщенный же

разумъ нуженъ человѣку только для жизни въ обществѣ.

Не имѣя никакого нравственнаго общенія между собой не признавая за собою никакихъ обязанностей по отношенію съ себѣ подобнымъ, люди не могли быть, повидимому, въ этомъ состояніи ни хорошими, ни дурными и не имѣли ни пороковъ, ни добродѣтелей, если только мы не будемъ, понимая слова эти въ физическомъ смыслѣ называть пороками въ индивидуумѣ, тѣ качества, которыя могутъ препятствовать его самосохраненію, и добродѣтелями тѣ, которыя могутъ ему способствовать; но въ такомъ случаѣ наиболѣе добродѣтельными пришлось бы называть того, кто менѣе другихъ противиться внушеніямъ природы. Но лучше будетъ, не уклоняясь отъ обычнаго словоупотребленія, помедлить съ оцѣнкою этого состоянія и не отдаваться во власть предразсудковъ, пока не рѣшимъ съ вѣсами въ рукахъ, преобладаютъ ли у цивилизованныхъ людей добродѣтели надъ пороками, больше ли пользы приносятъ имъ ихъ добродѣтели, чѣмъ вреда ихъ пороки, достаточно ли вознаграждаетъ ихъ прогрессъ знаній за то зло, которое они все болѣе склонны причинять другъ другу по мѣрѣ того, какъ проникаются сознаніемъ, какое добро они должны другъ другу дѣлать, и не большимъ ли счастьемъ было бы для нихъ жить въ томъ состояніи, въ которомъ имъ нечего было бы ни страшиться зла, ни ждать добра отъ кого бы то ни было, чѣмъ, чувствуя себя во всѣхъ отношеніяхъ зависимыми, быть обязанными ожидать всякихъ благъ отъ людей, которые не обязаны ровно ничего давать имъ.

Болѣе же всего остережемся заключить вмѣстѣ съ Гоббсомъ, что, не имѣя врожденнаго понятія о добрѣ, человѣкъ золъ отъ природы, что онъ пороченъ, такъ какъ не знаетъ добродѣтели, что онъ всегда откажетъ въ услугѣ себѣ подобнымъ, такъ какъ не считаетъ себя обязаннымъ ее оказывать, и что, не довольствуясь правомъ на нужныя ему вещи, которое онъ основательно себѣ

приписываетъ, онъ безразсудно вообразитъ себя единственнымъ собственникомъ всей вселенной. Гоббсъ хорошо видѣлъ недостатки всѣхъ современныхъ опредѣленій естественнаго права, но слѣдствія, выводимыя имъ изъ того опредѣленія, которое онъ даетъ ему, показываютъ, что самъ онъ понималъ его не менѣе ложно. Исходя изъ установленныхъ имъ положеній этотъ писатель долженъ былъ бы признать, что въ естественномъ состояніи наша забота о самосохраненіи менѣе всего вредитъ интересамъ другихъ, и что, слѣдовательно, состояніе это является наиболѣе благопріятнымъ для мира и наиболѣе подходящимъ для человѣческаго рода; онъ же утверждаетъ какъ разъ противное, такъ какъ приписываетъ дикарю (совершенно напрасно, конечно), наряду съ присущей ему заботой о самосохраненіи, множество страстей, порожденныхъ условіями общественнаго быта и сдѣлавшихъ необходимымъ появленіе законовъ. Злой человѣкъ,—говоритъ онъ,—это—сильное дитя, и спрашиваетъ затѣмъ: «Что такое дикарь, какъ не сильное дитя?» Допустимъ, что это такъ, что же вывелъ бы онъ отсюда? Что, будучи сильнымъ, человѣкъ, этотъ былъ бы столь же зависимымъ отъ другихъ, какъ и въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ слабымъ? Что не было бы поэтому насилій, передъ которыми онъ остановился бы? Что онъ побилъ бы свою мать, если бы она замѣшкалась дать ему грудь? Что онъ задушилъ бы своего младшаго брата, если бы онъ мѣшалъ ему, и укусилъ бы за ногу того, кто его толкнулъ бы или обезпокоилъ? Но въ томъ-то и дѣло, что по отношенію къ естественному состоянію сила человѣка и его зависимость — понятія несовмѣстимыя. Человѣкъ слабъ, когда онъ находится въ зависимости, и едва ставъ сильнымъ,—онъ уже свободенъ. Гоббсъ упустилъ изъ виду, что та же причина, которая мѣшаетъ дикарю, вопреки утвержденію нашихъ юристовъ, пользоваться разумомъ, мѣшаетъ ему въ то же время,—вопреки его собственному утвержденію, злоупотре-

блять своими способностями, и мы можемъ сказать, что дикари не злы именно потому, что они не знаютъ, что значитъ быть добрымъ; ибо не развитіе знаній и узда закона, а спокойствіе страстей и невѣдѣніе порока мѣшаютъ имъ совершать зло: tanto plus in illis proficit vitiorum ignoratio quam in his cognitio virtutis [1]).

Есть, впрочемъ, другое заложенное въ душѣ человѣческой начало, совершенно не замѣченное Гоббсомъ. Его назначеніе — смягчать въ извѣстныхъ случаяхъ рѣзкія проявленія самолюбія или возникающаго раньше его стремленія къ самосохраненію (15). Оно умѣряетъ въ человѣкѣ страстность, съ которой онъ предается заботамъ о собственномъ благосостояніи, врожденнымъ отвращеніемъ къ зрѣлищу страданій ему подобныхъ; я, кажется, не рискую впасть въ противорѣчіе, приписывая человѣку эту единственную добродѣтель, признать которую въ немъ вынужденъ будетъ даже тотъ, кто безнадежно извѣрился въ людскихъ добродѣтеляхъ. Я говорю о сострадательности, объ этой склонности, которая такъ умѣстна въ существахъ столь слабыхъ и подверженныхъ столькимъ бѣдствіямъ, какъ мы, о добродѣтели всеобщей и тѣмъ болѣе полезной человѣку, что она предшествуетъ первымъ попыткамъ мышленія и столь естественной, что ея не вполнѣ лишены даже животныя. Всѣмъ извѣстна нѣжность матерей къ ихъ дѣтенышамъ, всѣмъ извѣстно, навстрѣчу какимъ опасностямъ готовы онѣ идти для нихъ. Не видимъ ли мы также ежедневно, какъ боятся лошади наступить ни какое-нибудь живое существо? Всякое животное чувствуетъ безпокойство, проходя мимо мертваго животнаго его вида; существуютъ даже такія, которыя хоронятъ по своему своихъ покойниковъ, и жалобный ревъ скота, загоняемаго на бойню, даетъ намъ воз-

---

[1]) Just. Hist. Lib. II cap. 2. Имъ больше приноситъ пользы незнаніе порока, чѣмъ другимъ (собственно: этимъ историкъ имѣетъ въ виду скиѳовъ и эллиновъ) знаніе добродѣтели. (Прим. перев.).

можность судить о томъ, какое впечатлѣніе производитъ на него открывающееся передъ нимъ зрѣлище. Не безъ удовольствія замѣчаемъ мы, что и авторъ «Басни о пчелахъ», принужденный признать человѣка существомъ сострадательнымъ и чувствительнымъ, покидаетъ въ приводимомъ имъ примѣрѣ свой изысканный и холодный стиль, чтобы представить намъ трогательный образъ человѣка, который, находясь взаперти, видитъ, какъ за окномъ дикій звѣрь вырываетъ дитя изъ объятій матери, ломаетъ своими страшными зубами его хрупкія кости и терзаетъ когтями его трепещущія внутренности. Какое неописуемое волненіе долженъ былъ испытать свидѣтель этой сцены, хотя личные интересы его и не были при этомъ затронуты. Какъ должно было сжиматься его сердце, при мысли, что онъ не можетъ оказать никакой помощи, ни лишившейся чувствъ матери, ни умирающему дитяти.

Таково чисто-естественное движеніе души, предшествующее всякому мышленію; такова сила естественнаго состраданія, котораго не уничтожило еще даже глубокое паденіе нашихъ нравовъ. Развѣ мы не видимъ ежедневно въ нашихъ театрахъ, какъ сокрушаются и плачутъ иные зрители надъ злоключеніями какого-нибудь несчастливца . А доведись имъ быть на мѣстѣ тирана, они еще болѣе увеличили бы муки своего врага, подобно кровожадному Суллѣ, который былъ такъ чувствителенъ къ страданіямъ, не имъ причиненнымъ, или Александру Ферскому, который не рѣшался присутствовать на представленіяхъ трагедій, чтобы не стонать вмѣстѣ съ Андромахой или Пріамомъ, что не мѣшало ему равнодушно слушать крики многочисленныхъ гражданъ, ежедневно умерщвлявшихся по его приказанію. Molissima corda humano generi dare se natura fatetur quae lacrimas dedit [1]).

---

[1]) Iuven. Sat. XV, V, 131. Нѣжностью сердца родъ надѣлить человѣческій, видно, желала природа, коль надѣлила слезами.

Мандвилль хорошо понималъ, что несмотря на всѣ свои высоконравственные принципы, люди оставались бы чудовищами, если бы природа не дала въ помощь разуму состраданія. Но онъ не замѣтилъ, что въ этомъ качествѣ лежитъ начало всѣхъ общественныхъ добродѣтелей, въ которыхъ онъ отказываетъ людямъ. Что представляютъ собою въ самомъ дѣлѣ благородство, милосердіе и человѣчность, какъ не состраданіе къ слабымъ, преступнымъ и всему человѣческому роду.

Благожелательность и даже дружба имѣютъ своимъ источникомъ не что иное, какъ продолжительное состраданіе, сосредоточенное на опредѣленномъ объектѣ.

Развѣ желать, чтобы кто нибудь не страдалъ, не значитъ желать, чтобы онъ былъ счастливъ. Если бы сожалѣніе дѣйствительно было чувствомъ, переносящимъ насъ на мѣсто существа страдающаго, чувствомъ смутнымъ, но живымъ въ дикарѣ, развитымъ, но слабымъ въ человѣкѣ цивилизованномъ, то это не только не поколебало бы истинности высказанныхъ мною соображеній, но даже еще больше подтвердило бы ихъ. Сожалѣніе будетъ тѣмъ болѣе интенсивнымъ, чѣмъ полнѣе отождествитъ себя животное, являющееся зрителемъ, съ животнымъ, испытывающимъ страданіе. И отождествленіе это, очевидно, должно быть гораздо болѣе полнымъ въ естественномъ состояніи, чѣмъ въ состояніи, отмѣченномъ господствомъ разума. Разумъ порождаетъ самолюбіе, мышленіе укрѣпляетъ его. Разумъ заставляетъ человѣка обращать взоры на самого себя и удаляться отъ всего, что можетъ нарушить его спокойствіе, или омрачить настроеніе его духа.

Философія же вполнѣ изолируетъ его. По ея внушенію онъ говоритъ себѣ тайкомъ при видѣ страдающаго человѣка: «Погибай, если хочешь, лишь бы я чувствовалъ себя въ безопасности». Только то, что угрожаетъ цѣлому обществу, можетъ нарушить спокойный сонъ философа и поднять его съ постели. Можно безнаказанно зарѣзать ему подобнаго подъ его окош-

комъ, ему стоитъ только заткнуть себѣ уши и найти два—три хорошихъ аргумента, чтобы помѣшать возмущающемуся въ немъ природному чувству отождествить его съ умерщвляемымъ человѣкомъ. Дикарь не обладаетъ этимъ удивительными талантомъ, и по недостатку образованія или ума всегда слѣпо отдается первому порыву человѣколюбія. На уличные безпорядки и ссоры сбѣгается чернь; человѣкъ благоразумный старается держаться отъ нихъ подальше. Оборванцы и торговки разводятъ дерущихся и мѣшаютъ порядочнымъ людямъ перерѣзать другъ другу горло. Итакъ, ясно, что состраданіе это—естественное чувство, которое, умѣряя въ каждомъ индивидуумѣ излишнюю активность себялюбія, способствуетъ взаимоохраненію всего рода. Оно заставляетъ насъ, не задумываясь, спѣшить на помощь всѣмъ страждущимъ, оно замѣняетъ въ естественномъ состояніи законы, нравственность и добродѣтель, съ тѣмъ преимуществомъ, что никто не пытается ослушаться его нѣжнаго голоса; оно не допуститъ сильнаго дикаря отнять у слабаго дитяти или безпомощнаго старца съ трудомъ добытыя средства къ существованію, если онъ можетъ разсчитывать найти ихъ въ другомъ мѣстѣ; оно внушаетъ людямъ, вмѣсто возвышеннаго предписанія, основаннаго на разумѣ и справедливости: как ъ хотите чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними, другое предписаніе естественной доброты, гораздо менѣе совершенное, но, быть можетъ, болѣе полезное: заботься о своемъ благѣ, какъ можно менѣе вредя другому.

Словомъ, скорѣе въ этомъ естественномъ чувствѣ, чѣмъ въ тонкихъ операціяхъ ума, нужно искать причину отвращенія къ содѣянію зла, которое испытываетъ каждый человѣкъ, независимо даже отъ правилъ, внушенныхъ ему воспитаніемъ. Быть можетъ, Сократу и родственнымъ ему умамъ удавалось достигнуть добродѣтели при помощи разума, но родъ человѣческій давно

бы уже не существовалъ, если бы сохраненіе его зависѣло отъ размышленій составляющихъ его индивидуумовъ.

Когда страсти были столь мало дѣятельны и на нихъ наложена была столь спасительная узда, то людямъ, скорѣе дикимъ, чѣмъ злымъ, болѣе заботившимся объ огражденіи себя отъ возможнаго зла, чѣмъ склоннымъ вредить другому, не грозили опасныя распри.

Такъ какъ они не имѣли никакихъ сношеній между собой и не знали, вслѣдствіе этого, ни тщеславія, ни раболѣпства, ни уваженія, ни презрѣнія; такъ какъ они не имѣли ни понятія о «твоемъ» и «моемъ», ни истиннаго представленія о справедливости; такъ какъ они видѣли въ насиліяхъ, которымъ могли подвергнуться, легко поправимое зло, а не требующую наказанія обиду, и не помышляли о мести, если только мы не станемъ такъ называть того безсознательнаго и внезапнаго движенія, которое можемъ мы наблюдать и у собаки, кусающей брошенный въ нее камень, то ихъ раздоры рѣдко приводили къ кровавымъ послѣдствіямъ, если не имѣли предметомъ своимъ чего-нибудь болѣе значительнаго, чѣмъ пища. Но такой, болѣе опасный, предметъ существуетъ, и на немъ мы должны теперь остановиться.

Среди страстей, волнующихъ сердце человѣческое, есть одна, пылкая и бурная, дѣлающая необходимымъ одинъ полъ другому; страсть ужасная, смѣющаяся надъ всѣми опасностями, опрокидывающая всѣ препятствія и готовая, кажется, въ своемъ неистовствѣ уничтожить родъ человѣческій, поддерживать существованіе котораго она призвана. Чѣмъ стали бы люди, отданные во власть этой необузданной и бѣшенной, не знающей ни стыда, ни удержу страсти и завоевывающіе всякій разъ любовь своей избранницы цѣною своей крови?

Нужно признать прежде всего, что чѣмъ сильнѣе страсти, тѣмъ необходимѣе для обузданія ихъ законы. Но, помимо того, что неурядицы и преступленія, ежедневно вызываемыя у насъ этими страстями, ясно свидѣтельствуютъ о недостаточности въ этомъ отношеніи за-

коновъ, слѣдовало бы еще рѣшить вопросъ, не родились ли эти неурядицы вмѣстѣ съ самими законами, ибо тогда, если бы даже они и пригодны были для борьбы съ ними, все же странно было бы требовать, чтобы они положили конецъ тому злу, котораго безъ нихъ вовсе не существовало бы.

Начнемъ съ того, что отграничимъ въ чувствѣ любви нравственную сторону отъ физической. Физическая сторона состоитъ въ томъ нормально-свойственномъ всякому влеченіи, которое заставляетъ одинъ полъ искать сближенія съ другимъ. Нравственное начало направляетъ это влеченіе на одинъ опредѣленный объектъ или, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ его болѣе сильнымъ по отношенію къ этому объекту. Не трудно видѣть, впрочемъ, что это нравственное начало — чувство искусственное, родившееся въ обществѣ, гдѣ его умѣло и старательно превозносятъ женщины, чтобы установить свое господство и доставить преобладаніе тому полу, который легко могъ сдѣлаться подчиненнымъ. Такъ какъ чувство это основано на такихъ понятіяхъ о достоинствѣ и красотѣ, которыхъ не можетъ быть у дикаря, и на сопоставленіяхъ, дѣлать которыя онъ не способенъ, то оно почти вовсе не должно быть ему знакомо. Такъ какъ уму его не доступны понятія о правильности и пропорціональности, то сердцу его недоступны чувства восхищенія и любви, возникающія въ насъ, хотя бы мы и не замѣчали этого, благодаря тому только, что мы пользуемся этими понятіями: онъ повинуется внушеніямъ одной только природы, а не вкуса, который онъ долженъ выработать въ себѣ самъ, и всякая женщина достаточно хороша для него.

Ограничиваясь въ любви одной только физической стороной и не зная еще тѣхъ прихотей этого чувства, которыя увеличиваютъ препятствія на пути къ его удовлетворенію, люди должны были рѣже и менѣе живо ощущать его порывы, и вслѣдствіе этого столкновенія между ними должны были быть болѣе рѣдкими

и менѣе кровопролитными. Воображеніе, порождающее у насъ столько раздоровъ, ничего не говоритъ сердцу дикаря. Каждый ждетъ естественнаго влеченія, отдается ему безъ выбора, и съ удовлетвореніемъ потребности всѣ желанія угасаютъ.

Безспорно, поэтому, что и любовь, какъ всѣ прочія страсти, пріобрѣла лишь въ обществѣ тотъ неукротимый пылъ, который дѣлаетъ ее часто столь гибельной для людей. И тѣмъ болѣе странно изображать дикарей безпрестанно вступающими подъ вліяніемъ звѣрскихъ инстинктовъ въ кровавыя схватки другъ съ другомъ, что это мнѣніе противорѣчитъ фактамъ. Караибы—народъ, менѣе всѣхъ другихъ удалившійся отъ естественнаго состоянія,—наиболѣе миролюбиво разрѣшаютъ возникающія на этой почвѣ столкновенія; имъ почти не знакомо и чувство ревности, хоть они и живутъ въ жаркомъ климатѣ, гдѣ страсти эти всегда, повидимому, бываютъ болѣе дѣятельны.

Что касается выводовъ изъ наблюденій надъ происходящими у различныхъ животныхъ драками самцовъ, которые орошаютъ своею кровью наши дворы и оглашаютъ весною криками наши лѣса, оспаривая другъ у друга самокъ, то нужно прежде всего исключить тѣ виды, въ которыхъ природа установила иное соотношеніе силъ между полами, чѣмъ у насъ. Такъ напримѣръ, изъ существованія дракъ у пѣтуховъ нельзя еще вывести никакого заключенія, относительно человѣческаго рода. У тѣхъ видовъ, у которыхъ силы распредѣлены болѣе равномѣрно, причиною этихъ дракъ можетъ служить только значительный перевѣсъ числа самцовъ надъ числомъ самокъ, или существованіе такихъ промежутковъ времени, въ теченіе которыхъ самки не допускаютъ къ себѣ самцовъ. Вторая причина сводится къ первой, такъ какъ, если каждая самка допускаетъ къ себѣ самца только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ году, то этимъ число самокъ какъ бы уменьшается на пять шестыхъ. Ни то, ни другое

не примѣнимо къ человѣческому роду, такъ какъ число женщинъ повсюду превышаетъ обыкновенно число мужчинъ, и никогда не приходилось наблюдать, даже у дикарей, чтобы половая жизнь женщины была подчинена такой же періодичности, какъ у животныхъ.

Сверхъ того, такъ какъ періодъ течки у многихъ животныхъ наступаетъ одновременно для всего вида, то настаетъ ужасный моментъ общаго возбужденія, невообразимыхъ смутъ и ожесточенныхъ схватокъ; моментъ, не извѣстный человѣческому роду, въ которомъ, какъ мы только что замѣтили, любовь не бываетъ періодической. Нельзя, поэтому, въ виду существованія у животныхъ дракъ изъ-за обладанія самками утверждать, что подобныя сраженія были обычны между людьми, когда они находились въ естественномъ состояніи, и если бы мы даже пришли къ такому заключенію, все же должно думать, что раздоры эти, не уничтожающіе другихъ видовъ, были бы не болѣе гибельными и для нашего и даже уносили бы меньше жертвъ, чѣмъ въ общественномъ состояніи, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ нравственность не потеряла еще всякой цѣны, и потому ревность любовниковъ и мести супруговъ вызываютъ всякій день поединки и убійства, гдѣ (что еще хуже) обязанность вѣчной вѣрности ведетъ лишь къ прелюбодѣяніямъ, и гдѣ даже законы о воздержаніи и чести неизбѣжно увеличиваютъ развратъ и число искусственныхъ выкидышей.

Мы приходимъ къ выводу, что, блуждая въ лѣсахъ, безъ промысловъ, безъ языка, безъ осѣдлости, безъ войнъ и общественныхъ связей, нисколько не нуждаясь въ себѣ подобныхъ и не имѣя никакой надобности вредить имъ, не зная даже, быть можетъ, никого изъ нихъ въ отдѣльности, мало волнуемый страстями и довольствующійся самимъ собой, дикарь могъ обладать лишь тѣми чувствами и знаніями, которыя соотвѣтствовали изучаемому нами состоянію; онъ испытывалъ только истинныя потребности; смотрѣлъ только

на то, что видѣть было ему нужно, и развитіе его разума не превышало развитія его тщеславія. Если онъ дѣлалъ какое-нибудь открытіе, то тѣмъ менѣе могъ съ кѣмъ-нибудь имъ подѣлиться, что не зналъ даже своихъ собственныхъ дѣтей. Искусство погибало вмѣстѣ съ изобрѣтателемъ. Не было ни воспитанія, ни прогресса. Поколѣнія смѣнялись, но все оставалось по старому, и каждое начинало сызнова путь, пройденный предыдущимъ. Столѣтія текли, не внося никакихъ измѣненій въ первобытный строй жизни. Родъ былъ уже старъ, и человѣкъ оставался ребенкомъ.

Я такъ много говорилъ о предполагаемыхъ условіяхъ первоначальной жизни человѣчества, потому что долженъ былъ разрушить старыя заблужденія и укоренившіеся предразсудки. Я считалъ нужнымъ докопаться до корня и, давъ читателямъ правдивое изображеніе естественнаго состоянія, показать, что неравенство, даже естественное, было въ состояніи этомъ далеко не столь развито и имѣло далеко не такое сильное вліяніе, какъ утверждаютъ наши писатели.

И въ самомъ дѣлѣ, не трудно видѣть, что многія различія между людьми, считающіяся естественными, обязаны своимъ возникновеніемъ тѣмъ привычкамъ, которыя усвоили люди въ обществѣ, и образу жизни, который ведутъ они въ общественномъ состояніи. Здоровое или хрупкое тѣлосложеніе, а слѣдовательно, и связанныя съ нимъ сила или слабость, часто болѣе зависятъ отъ закаляющаго или изнѣживающаго воспитанія, чѣмъ отъ первоначальной тѣлесной организаціи. То же нужно сказать и о духовныхъ силахъ. И притомъ воспитаніе не только создаетъ различіе между людьми образованными и необразованными, но увеличиваетъ еще разницу между первыми пропорціонально степени ихъ образованности. Если великанъ и карликъ пойдутъ по одной дорогѣ, то каждый шагъ будетъ давать новое преимущество великану. Если мы сравнимъ крайнее неравенство въ образѣ жизни и воспитаніи у различныхъ сословій въ

общественномъ состоянiи съ простотой и однообразiемъ жизни животныхъ и дикарей, питающихся одинаковой пищей и одинаково проводящихъ свое время, то поймемъ, насколько должно быть менѣе значительнымъ различiе между людьми въ состоянiи естественномъ, чѣмъ въ общественномъ, и насколько должно было увеличиться естественное неравенство между представителями человѣческаго рода, благодаря неравенству, установленному ими самими.

Но если бы природа и была такъ пристрастна въ распредѣленiи своихъ даровъ. какъ утверждаютъ наши писатели, какое преимущество получили бы передъ другими удостоившiеся наибольшей ея благосклонности въ томъ состоянiи. которое дѣлало невозможными какiя бы то ни было сношенiя между ними? На что нужна красота тамъ, гдѣ нѣтъ любви? На что нуженъ умъ людямъ, которые не умѣютъ говорить, и хитрость тому, кто не озабоченъ устройствомъ никакихъ дѣлъ? Намъ безпрестанно повторяютъ, какъ извѣстно, что сильные угнетали бы слабыхъ. Но пусть объяснятъ мнѣ, что означаетъ въ этомъ случаѣ слово «угнетенiе»? Одни будутъ господствовать при помощи насилiй, говорятъ мнѣ, а другiе стонать, отданные во власть ихъ произволу. Все это я вижу, дѣйствительно. у насъ, но не знаю, какъ можно было бы примѣнить все это къ дикарямъ, которыхъ не легко было бы заставить понять, что значитъ рабство и господство. Человѣкъ можетъ, конечно, овладѣть плодами, собранными другимъ, убитою имъ дичью и пещерой, которая служитъ ему убѣжищемъ; но какъ заставитъ онъ его себѣ повиноваться? Какiя узы могутъ связывать людей, которые ничѣмъ не владѣютъ? Если меня прогонятъ съ одного дерева, то я перейду на другое, если меня будутъ притѣснять въ одномъ мѣстѣ, то кто помѣшаетъ мнѣ поискать себѣ убѣжища въ другомъ? Найдется ли человѣкъ, настолько превосходящiй меня силою и, сверхъ того, настолько развращенный, лѣнивый и жестокiй, чтобы заставить меня

добывать ему пищу, пока онъ будетъ оставаться въ праздности? Но, вѣдь, ему придется въ такомъ случаѣ ни на минуту не терять меня изъ виду и, ложась спать, старательно связывать меня, чтобы я не убѣжалъ или не убилъ его; вѣдь ему придется добровольно обречь себя на трудъ болѣе тяжелый, чѣмъ тотъ, котораго онъ желалъ избѣжать и который онъ возложитъ на меня. И, не смотря на все это, если его бдительность ослабѣетъ хоть на минуту, если внезапный шумъ заставитъ его отвернуться, я пробѣгу двадцать шаговъ по лѣсу—и вотъ оковы мои уже разбиты, и онъ не увидитъ меня никогда въ жизни. Нѣтъ надобности вдаваться въ дальнѣйшія подробности, такъ какъ всякій долженъ видѣть, что узы рабства предполагаютъ взаимную зависимость между людьми и связывающія ихъ взаимныя потребности, что нельзя поэтому поработить человѣка, не отнявъ у него возможности обходиться безъ помощи другого. Не таковы отношенія между людьми въ естественномъ состояніи, и потому тамъ всякій свободенъ отъ ярма, и право сильнаго ни въ чемъ не найдетъ себѣ опоры.

Послѣ того, какъ я доказалъ, что неравенство едва замѣтно въ естественномъ состояніи, и его вліяніе тамъ почти ничтожно, мнѣ остается показать, какъ возникаетъ оно и растетъ въ связи съ послѣдовательнымъ развитіемъ человѣческаго ума. Послѣ того, какъ я доказалъ, что способность къ совершенствованію, общественныя добродѣтели и прочія духовныя свойства, которыми надѣленъ былъ человѣкъ въ естественномъ состояніи, не могли развиваться сами собой, что они нуждались для этого въ содѣйствіи множества внѣшнихъ причинъ, которыя могли и вовсе не возникнуть, и безъ которыхъ онъ навсегда остался бы въ первобытномъ состояніи, мнѣ предстоитъ дать обзоръ и выяснить значеніе различныхъ случайностей, которыя могли способствовать совершенствованію человѣческаго разума, способствуя въ то же время вырожденію человѣчества, которыя могли сдѣлать человѣка существомъ злымъ, сдѣлавъ его существомъ общежительнымъ, и дойти отъ

эпохи безконечно далекой до той поры, когда человѣкъ и вселенная стали такими, какими мы ихъ видимъ.

Такъ какъ событія, о которыхъ поведу я рѣчь, могли совершаться въ различной послѣдовательности, то я признаюсь, что остановить свой выборъ на опредѣленной схемѣ ихъ развитія я могу только на основаніи предположеній, но догадки эти могутъ имѣть подъ собой достаточно твердую почву, если являются наиболѣе правдоподобными по самой природѣ вещей, и представляютъ собою единственный способъ отыскать истину, и тѣ слѣдствія, которыя выведу я изъ своихъ догадокъ, вовсе не будутъ предположительными, такъ какъ на установленныхъ мной принципахъ нельзя построить никакой иной системы, которая не доставила бы мнѣ тѣхъ же результатовъ и не позволила бы прійти къ тѣмъ же заключеніямъ.

Это избавляетъ меня отъ необходимости развивать соображенія о томъ, какъ помогаетъ значительная растянутость событій во времени помириться съ недостаточной ихъ правдоподобностью; о томъ, какое поразительное вліяніе оказываютъ самыя ничтожныя причины, если онѣ дѣйствуютъ непрерывно; о томъ, что нѣкоторыя гипотезы невозможно опровергнуть, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно и придать имъ видъ неопровержимыхъ истинъ; о томъ, что если намъ даны два достовѣрно установленныхъ факта, которые нужно связать цѣпью фактовъ промежуточныхъ, неизвѣстныхъ или считаемыхъ таковыми, то дѣло исторіи, если она существуетъ, доставить намъ такіе связующіе факты, и дѣло философіи, если исторія не доставитъ намъ ихъ, указать намъ, чѣмъ могли бы мы замѣнить ихъ, и, наконецъ, о томъ, что сходныя черты, замѣчаемыя нами въ различныхъ явленіяхъ, позволяютъ намъ свести всѣ факты къ гораздо меньшему числу категорій, чѣмъ склонны были бы мы предполагать. Мнѣ достаточно остановить на этихъ предметахъ вниманіе моихъ судей и постараться достигнуть того, чтобы обыкновеннымъ читателямъ останавливать на нихъ свое вниманіе не было надобности.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Первый, кто напалъ на мысль, огородивъ участокъ земли, сказать: «Это мое», и нашелъ людей, достаточно простодушныхъ, чтобы этому повѣрить, былъ истиннымъ основателемъ гражданскаго общества. Отъ сколькихъ преступленій, войнъ и убійствъ, отъ сколькихъ бѣдствій и ужасовъ избавилъ бы родъ человѣческій тотъ, кто, выдернувъ колья и засыпавъ ровъ, крикнулъ бы своимъ ближнимъ: «Не слушайте, лучше, этого обманщика, вы погибли, если способны забыть, что плоды земные принадлежатъ всѣмъ, а земля—никому!» Но весьма вѣроятно, что дѣла не могли уже тогда оставаться дольше въ томъ положеніи, въ какомъ они находились. Идея собственности, зависящая отъ многихъ идей предшествующихъ, которыя могли возникнуть лишь постепенно, не внезапно сложилась въ умѣ человѣка. Нужно было далеко уйти по пути прогресса, пріобрѣсти множество техническихъ навыковъ и знаній, передавать и умножать ихъ изъ вѣка въ вѣкъ, чтобы приблизиться къ этому послѣднему предѣлу естественнаго состоянія.

Начнемъ, поэтому, съ самаго начала и постараемся окинуть однимъ взглядомъ медленное движеніе событій и развитіе знаній въ наиболѣе естественной ихъ послѣдовательности. Первымъ ощущеніемъ человѣка было ощущеніе бытія, первой его заботой—забота о самосохраненіи.

Произведеній земли ему было достаточно для поддержанія жизни. Инстинктъ научилъ его ими пользоваться. Голодъ и другія влеченія заставляли его переходить поочередно отъ одного образа жизни къ другому. Среди этихъ влеченій было одно, призывавшее его продолжать свой родъ. Эта слѣпая страсть, лишенная всякаго сердечнаго чувства, приводила лишь къ чисто животному акту. Когда потребность получала удовлетвореніе, обоихъ половъ ничто уже больше не связывало, и матери не было дѣла до своего дитяти съ той минуты, какъ оно способно становилось обходиться безъ ея помощи.

Таковы были условія жизни человѣка въ эпоху младенчества его рода. Это была жизнь животнаго, которому доступны лишь простѣйшія ощущенія. Онъ съ трудомъ пользовался дарами, полученными имъ отъ природы, и далекъ былъ отъ мысли отвоевывать у нея новые. Но скоро ему пришлось встрѣтиться съ затрудненіями. Нужно было научиться побѣждать ихъ. Высота деревьевъ, мѣшавшая ему добраться до ихъ плодовъ, соперничество животныхъ, питавшихся этими плодами, свирѣпость тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣли виды на него самого,—все заставляло его упражнять свои тѣлесныя силы: нужно было стать ловкимъ, проворнымъ въ бѣгѣ и сильнымъ въ борьбѣ. Естественное оружіе—вѣтви деревьевъ и камни—всегда было у него подъ рукой. Онъ научился преодолѣвать естественныя препятствія, сражаться въ случаѣ надобности съ другими, животными, оспаривать пищу у другихъ людей или находить новую, взамѣнъ той, которую приходилось уступать болѣе сильному.

По мѣрѣ того, какъ размножался человѣческій родъ, число трудностей увеличивалось съ числомъ людей. Различія почвы и климата, различія временъ года заставляли людей вносить соотвѣтствующія различія въ ихъ образъ жизни. Неурожайные годы, длинныя и суровыя зимы, уничтожавшіе всякую растительность лѣтніе жары требовали все новыхъ и новыхъ успѣховъ въ промышлен-

ности. Жившіе по берегамъ моря и рѣкъ изобрѣли лесу и крючекъ, стали рыболовами и питались рыбой. Жившіе въ лѣсахъ сдѣлали себѣ луки и стрѣлы и стали охотниками и воинами. Въ холодныхъ странахъ люди одѣвались въ шкуры убитыхъ ими звѣрей. Гроза, изверженіе вулкана, или какая-нибудь иная счастливая случайность познакомила ихъ съ огнемъ, который явился новымъ средствомъ защиты отъ зимней стужи. Они научились его поддерживать, потомъ разводить его и, наконецъ, приготовлять на немъ мясо животныхъ, которое первоначально ѣли сырымъ.

Многократныя сопоставленія различныхъ предметовъ съ самимъ собою и другъ съ другомъ естественно должны были породить въ умѣ человѣка представленія объ извѣстныхъ соотношеніяхъ между вещами. Эти соотносительныя свойства предметовъ, которыя мы выражаемъ словами: большой, малый, сильный, слабый, быстрый, медленный, страшный, смѣлый и т. д., сравниваемыя въ случаѣ надобности почти безсознательно, должны были породить въ немъ, наконецъ, нѣчто въ родѣ мышленія или скорѣе машинальнаго благоразумія, которое указывало ему на наиболѣе необходимыя для его безопасности мѣры.

Новыя знанія, пріобрѣтенныя человѣкомъ, благодаря такому развитію его способностей увеличивали его превосходство надъ животными, заставивъ его сознать это превосходство. Онъ пріучался ставить имъ западни, старался перехитрить ихъ всевозможными способами и, хотя многія изъ тѣхъ, которыя могли быть ему полезны или опасны, превосходили его силой или проворствомъ, онъ сталъ современемъ господиномъ первыхъ и грозой вторыхъ. И первый взглядъ, брошенный человѣкомъ на самого себя, вызвалъ въ немъ первое движеніе гордости. Не платя еще дани личному честолюбію и считая себя, первымъ въ качествѣ представителя цѣлаго вида, онъ готовился исподволь считать себя первымъ въ качествѣ индивидуума.

Хотя ему подобные не были для него тѣмъ же, чѣмъ для насъ, хотя общеніе его съ ними было почти что не болѣе тѣснымъ. чѣмъ съ другими животными, все же они не ускользнули отъ его наблюденій. Черты сходства, подмѣченныя имъ между ними, между его самкой и имъ самимъ, заставили его предполагать существованіе такихъ, которыя не были еще имъ замѣчены, и, видя, что они всегда поступаютъ такъ же, какъ и онъ поступилъ бы при подобныхъ обстоятельствахъ, онъ заключилъ отсюда, что они думаютъ и чувствуютъ такъ же, какъ и онъ. И эта важная истина, твердо укоренившаяся въ его умѣ, заставила его слѣдовать въ отношеніяхъ съ ними подъ вліяніемъ предчувствія, столь же вѣрнаго, но болѣе быстраго, чѣмъ логическія операціи, правиламъ поведенія, наиболѣе обезпечивавшимъ его интересы и безопасность.

Наученный опытомъ, что стремленіе къ благосостоянію является единственнымъ двигателемъ всѣхъ человѣческихъ поступковъ. онъ сталъ способенъ распознавать тѣ рѣдкіе случаи, гдѣ общій интересъ позволялъ ему разсчитывать на содѣйствіе ему подобныхъ, и тѣ еще болѣе рѣдкіе, гдѣ столкновеніе интересовъ частныхъ заставляло его не довѣрять имъ. При наступленіи одного изъ первыхъ онъ соединялся съ ними въ орды, или самое большее. въ особаго рода свободный союзъ, не налагавшій никакихъ обязательствъ на его участниковъ, и продолжавшійся лишь до тѣхъ поръ, пока существовали вызвавшія его возникновеніе потребности. Въ случаяхъ же второго рода каждый старался сдѣлать болѣе выгоднымъ свое положеніе, съ помощью открытой силы, если считалъ это для себя возможнымъ, или же съ помощью ловкости и изворотливости, если чувствовалъ себя болѣе слабымъ.

Такимъ образомъ, люди могли, незамѣтно для самихъ себя, пріобрѣсти нѣкоторыя грубыя понятія о взаимныхъ обязанностяхъ и о выгодахъ, достигаемыхъ ихъ исполненіемъ, но лишь постольку, поскольку онѣ

связаны были съ насущнымъ и ощутительнымъ интересомъ, ибо предусмотрительность не принадлежала къ числу отличительныхъ свойствъ ихъ характера, и они не помышляли, не только что объ отдаленномъ будущемъ, но даже и о завтрашнемъ днѣ. Если нужно было поймать оленя, то каждый зналъ, что онъ не долженъ покидать назначеннаго ему мѣста, но если бы вблизи кого-нибудь изъ нихъ пробѣжалъ заяцъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ, не задумываясь, пустился бы за нимъ въ погоню и, настигнувъ свою добычу, очень мало сокрушался бы о томъ, что лишилъ добычи своихъ товарищей.

Легко понять, что для подобныхъ сношеній нуженъ былъ языкъ, развѣ только немногимъ болѣе развитый, чѣмъ языкъ воронъ или обезьянъ, соединяющихся въ почти такія же сообщества. Нечленораздѣльные крики, большое число жестовъ и нѣсколько звукоподражательныхъ словъ — вотъ и все, изъ чего состоялъ долгое время общераспространенный языкъ. Въ каждой странѣ къ этому присоединялось и нѣсколько артикулированныхъ звуковъ, объяснить происхожденіе которыхъ, какъ я говорилъ уже, очень не легко, и такимъ образомъ получались отдѣльные для каждой области, грубые и несовершенные языки, очень близкіе къ тѣмъ, на которыхъ и теперь еще говорятъ различные дикіе народы.

Я проношусь стрѣлой черезъ длинную вереницу вѣковъ, такъ какъ время идетъ: разсказать мнѣ нужно о многомъ, а движеніе прогресса вначалѣ почти что не уловимо, и чѣмъ медленнѣе слѣдовали другъ за другомъ событія, тѣмъ скорѣе можно описать ихъ. Первыя завоеванія человѣка открыли ему, наконецъ, возможность дѣлать успѣхи болѣе быстрые. Чѣмъ больше просвѣщался умъ, тѣмъ больше развивалась промышленность. Люди не располагались уже на ночлегъ подъ первымъ попавшимся деревомъ и не прятались въ пещерахъ. У нихъ появилось нѣчто въ родѣ топоровъ. Съ помощью твердыхъ и острыхъ камней они рубили

деревья, копали землю и строили изъ древесныхъ вѣтвей хижины, которыя научились впослѣдствіи обмазывать глиной или грязью. Это была эпоха перваго переворота. Образовались и обособились семьи; появились зачатки собственности, а вмѣстѣ съ этимъ уже возникли, быть можетъ, столкновенія и раздоры. Но такъ какъ первыми построили себѣ жилища, по всей вѣроятности, болѣе сильные, т. е. тѣ, которые въ состояніи были защищать ихъ, то можно думать, что слабые сочли дѣломъ болѣе простымъ и вѣрнымъ подражать имъ, чѣмъ пытаться водвориться на ихъ мѣсто. Что же касается до имѣвшихъ уже хижины, то врядъ ли у кого-нибудь изъ нихъ могло явиться желаніе присвоить себѣ хижину сосѣда, не столько потому, что она принадлежала другому, сколько потому, что она была ему не нужна, и что онъ не могъ бы овладѣть ею безъ ожесточенной схватки съ занимавшей ее семьею.

Однимъ изъ слѣдствій новаго строя жизни, объединившаго подъ одною кровлею мужей и женъ, отцовъ и дѣтей, были первые проблески сердечности въ отношеніяхъ между людьми. Привычка жить вмѣстѣ породила наиболѣе нѣжныя изъ извѣстныхъ людямъ чувствъ: любовь супружескую и отеческую. Каждая семья представляла собою маленькое общество, тѣмъ болѣе тѣсно сплоченное, что единственными узами въ немъ были взаимная привязанность и свобода. Тогда же впервые возникли различія въ образѣ жизни обоихъ половъ. Женщина чаще оставалась дома и пріучалась охранять хижину и дѣтей, а мужчина отправлялся добывать пропитаніе для всей семьи. Оба пола, ведя жизнь нѣсколько менѣе суровую, начали уже понемногу терять свою дикость и свою силу, но если каждому стало труднѣе сражаться въ одиночку съ дикими звѣрями, то легче было зато бороться съ ними общими силами.

Въ этомъ новомъ состояніи, когда жизнь была простой и уединенной, когда потребности были очень умѣ-

рены и изобрѣтены уже были облегчавшія ихъ удовлетвореніе орудія, у людей оставалось много досуга, и они пользовались имъ для доставленія себѣ различныхъ жизненныхъ удобствъ, неизвѣстныхъ ихъ предкамъ. Это было первое ярмо, которое люди, сами того не подозрѣвая, наложили на свою выю, и первый источникъ бѣдствій, подготовленныхъ ими потомкамъ, ибо удобства эти, помимо того, что люди продолжали благодаря имъ изнѣживаться и тѣломъ и душой, потеряли, вслѣдствіе привычки къ нимъ, всякую прелесть и выродились въ истинныя потребности. Страданіе отъ отсутствія ихъ не соотвѣтствовало удовольствію, доставляемому ими. и люди, потерявъ ихъ, чувствовали себя несчастными, хотя и не чувствовали себя счастливыми, обладая ими,

Теперь становится уже нѣсколько болѣе яснымъ, какъ входила въ повседневный обиходъ и незамѣтно совершенствовалась въ замкнутомъ кругу отдѣльныхъ семей, человѣческая рѣчь, и можно уже строить не лишенныя вѣроятности предположенія о томъ, какъ различныя причины могли содѣйствовать распространенію языка и ускорить его развитіе. Большія наводненія и землетрясенія окружали отдѣльные поселки водою или пропастями; совершавшіеся на земной поверхности перевороты отрывали и раздѣляли на острова отдѣльныя части материка. Понятно, что среди людей, связанныхъ общей судьбой и принужденныхъ жить вмѣстѣ, скорѣе должно было сложиться отдѣльное нарѣчіе, чѣмъ среди людей, блуждавшихъ въ безпредѣльныхъ лѣсахъ континента, и весьма возможно поэтому, что послѣ первыхъ удачныхъ попытокъ мореплаванія, островитяне познакомили насъ съ искусствомъ выражать свои мысли посредствомъ членораздѣльной рѣчи, и весьма вѣроятно, что общество и языки возникли на островахъ и достигли тамъ значительнаго развитія, прежде чѣмъ стали извѣстны на материкѣ.

Все начинаетъ мало-по-малу принимать иной видъ. Люди, скитавшіеся до сихъ поръ въ лѣсахъ, перейдя

къ болѣе осѣдлому образу жизни, понемногу сближаются другъ съ другомъ, соединяются въ отдѣльныя орды и, наконецъ, въ каждой странѣ образуется особый народъ, объединенный нравами и обычаями. Объединеніе это совершилось не по предписанію регламентовъ и законовъ, но благодаря одинаковому образу жизни, одинаковой пищѣ и вліянію одного и того же климата. Продолжительное временное сосѣдство не могло не породить нѣкоторой близости между отдѣльными семьями. Молодежь обоего пола жила въ сосѣднихъ хижинахъ. Кратковременныя отношенія, вызываемыя естественнымъ влеченіемъ, ведутъ за собой, благодаря возможности часто посѣщать другъ друга, отношенія, болѣе нѣжныя и прочныя. Люди пріучаются останавливать свое вниманіе на различныхъ предметахъ и сравнивать ихъ другъ съ другомъ. Незамѣтно для самихъ себя они пріобрѣтаютъ понятія о достоинствѣ и красотѣ, порождающія въ нихъ чувства симпатіи и антипатіи. Разъ люди привыкли видѣть другъ друга, то имъ трудно уже обойтись безъ этого. Въ душу закрадывается нѣжное и сладкое чувство, но, встрѣчая малѣйшее препятствіе, становится бурнымъ и неукротимымъ. Вмѣстѣ съ любовью просыпается ревность. Торжествуетъ раздоръ, и нѣжнѣйшая изъ страстей получаетъ кровавыя жертвоприношенія.

По мѣрѣ того, какъ измѣняются понятія и чувства, по мѣрѣ того, какъ развиваются умъ и сердце, родъ человѣческій продолжаетъ укрощаться, предѣлы общенія становятся болѣе широкими, а узы—болѣе тѣсными. Люди привыкаютъ собираться у порога своихъ хижинъ или вокругъ большого дерева. Пѣніе и пляска, истинныя дѣтища любви и досуга, становятся забавою или, скорѣе, занятіемъ праздныхъ и объединившихся уже въ общества мужчинъ и женщинъ. Каждый начинаетъ присматриваться къ другимъ, каждый стремится обратить вниманіе на себя, и общественное уваженіе пріобрѣтаетъ уже нѣкоторую цѣну. Тотъ, кто пѣлъ или

плясалъ лучше всѣхъ, былъ самымъ красивымъ, сильнымъ, ловкимъ или краснорѣчивымъ, становился наиболѣе уважаемымъ. Это былъ первый шагъ къ неравенству и въ то же время къ пороку. Когда начали цѣниться подобныя преимущества, въ однихъ родились тщеславіе и презрѣніе, а въ другихъ стыдъ и зависть, и броженіе, вызванное новой закваской, произвело, въ концѣ концовъ, соединенія, гибельныя для счастья и невинности.

Какъ только люди начали оцѣнивать другъ друга, и въ умѣ ихъ сложилось понятіе объ уваженіи, каждый притязалъ на право имъ пользоваться, и нельзя уже было безнаказанно отказать въ немъ кому бы то ни было. Отсюда возникаютъ первыя обязанности вѣжливости, даже у дикарей, и всякая умышленная неправда становится оскорбленіемъ, такъ какъ, наряду съ причиненнымъ обидою зломъ, оскорбленный видитъ въ ней презрѣніе къ своей личности, часто болѣе для него нестерпимое, чѣмъ самое зло. А такъ какъ каждый отплачивалъ за оказанное ему презрѣніе, сообразно тому достоинству, которое самъ себѣ приписывалъ, то месть стала безпощадной, а люди—кровожадными и жестокими. Это—та ступень развитія, которой достигло большинство извѣстныхъ намъ дикихъ народовъ. Недостаточно различая понятія, не считаясь съ тѣмъ, насколько далеки уже эти народы отъ перваго періода естественнаго состоянія, многіе поторопились заключить, что люди жестоки отъ природы и нуждаются для смягченія нравовъ въ благоустроенномъ общежитіи. А между тѣмъ нѣтъ существа болѣе кроткаго, чѣмъ человѣкъ въ первобытномъ состояніи, когда, равно удаленный природою отъ неразумія животныхъ и пагубной просвѣщенности гражданина и побуждаемый и инстинктомъ, и разумомъ лишь къ огражденію себя отъ угрожающаго ему зла, онъ удерживается естественной сострадательностью отъ причиненія зла кому бы то ни было. Ничто не влечетъ его вредить другимъ, хотя бы даже

другіе причинили ему какой-нибудь вредъ, ибо, согласно аксіомѣ глубокомысленнаго философа Локка, *обиды не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ собственности.*

Нужно замѣтить, однако, что возникающій общественный бытъ и установившіяся теперь между людьми отношенія потребовали отъ нихъ качествъ, отличныхъ отъ тѣхъ, которыми обладали они по первоначальной своей природѣ. Такъ какъ къ человѣческимъ поступкамъ стали прилагать нравственный критерій, и, до появленія законовъ, каждый былъ единственнымъ судьей и мстителемъ полученныхъ имъ оскорбленій, то доброта, умѣстная въ естественномъ состояніи, была уже неумѣстна въ нарождающемся обществѣ. Наказанія должны были становиться болѣе суровыми, по мѣрѣ того, какъ учащались случаи нанесенія оскорбленій, и страхъ мести долженъ былъ замѣнить узду закона. Хотя люди стали уже менѣе незлобивыми, а естественная сострадательность подверглась уже нѣкоторому измѣненію. все же этотъ періодъ въ развитіи человѣческихъ способностей, лежащій какъ разъ посединѣ между косностью первобытнаго состоянія и возбужденной дѣятельностью, на которую толкаетъ насъ наше самолюбіе, былъ, по всей вѣроятности, эпохой наиболѣе счастливой и наиболѣе продолжительной. Чѣмъ болѣе размышляешь объ этомъ состояніи, тѣмъ болѣе крѣпнетъ убѣжденіе, что оно было менѣе всего подвержено переворотамъ и было наилучшимъ для человѣка (16), и что онъ могъ выйти изъ него лишь вслѣдствіе какой-либо роковой случайности, которой для блага человѣчества слѣдовало бы никогда не происходить. Примѣръ дикарей, которыхъ почти всегда застаютъ на этой ступени развитія, доказываетъ, какъ мнѣ кажется, что родъ человѣческій долженъ былъ оставаться на ней вѣчно, что состояніе это является истинною юностью міра, и что весь послѣдующій прогрессъ, ведущій, повидимому къ совершенствованію индивидуума, ведетъ, на самомъ дѣлѣ, къ одряхлѣнію рода.

Пока люди довольствовались сельскими хижинами, шили себѣ одежды изъ звѣриныхъ шкуръ съ помощью древесныхъ колючекъ или рыбьихъ костей, украшали себя перьями или раковинами, разрисовывали свое тѣло въ различные цвѣта, улучшали или дѣлали болѣе красивыми свои луки и стрѣлы, выдалбливали острыми камнями немудрящія рыбачьи лодки или выдѣлывали съ помощью тѣхъ же камней грубые музыкальные инструменты, словомъ, пока они выполняли лишь такія работы, которыя были подъ силу одному, и разрабатывали лишь такія искусства, которыя не требовали сотрудничества многихъ людей, они жили свободными, здоровыми, добрыми и счастливыми, насколько могли быть таковыми по своей природѣ, и продолжали наслаждаться всей прелестью независимыхъ отношеній. Но съ той минуты, какъ человѣкъ сталъ нуждаться въ помощи другого, съ той минуты, какъ люди замѣтили, что одному полезно имѣть запасъ пищи, достаточный для двухъ, равенство исчезло, возникла собственность, сталъ неизбѣженъ трудъ, и обширные лѣса превратились въ веселыя нивы, которыя нужно было поливать человѣческимъ потомъ, и на которыхъ скоро взошли и расцвѣли вмѣстѣ въ посѣвами рабство и нищета.

Великій переворотъ этотъ произвело изобрѣтеніе двухъ искусствъ: обработки металловъ и земледѣлія. Въ глазахъ поэта—золото и серебро, а въ глазахъ философа—желѣзо и хлѣбъ цивилизовали людей и погубили родъ человѣческій. Ни то, ни другое не было извѣстно дикарямъ Америки, которые и остались потому навсегда дикарями. Остальные народы пребывали, повидимому, въ состояніи варварства, пока были знакомы лишь съ однимъ изъ этихъ искусствъ, и одной изъ важнѣйшихъ причинъ, почему въ Европѣ утвердилась если не болѣе ранняя, то, по крайней мѣрѣ, болѣе высокая и прочная цивилизація, чѣмъ въ другихъ частяхъ свѣта, является то, что она такъ богата желѣзомъ и представляетъ такія благопріятныя условія для хлѣбопашества.

Трудно догадаться, какъ удалось людямъ познакомиться съ желѣзомъ и научиться имъ пользоваться. Невѣроятно, чтобы они сами вздумали добывать металлъ изъ-подъ земли и подвергать его необходимой обработкѣ, чтобы расплавить его, не зная еще, что можетъ изъ этого выйти; съ другой стороны, нельзя приписать этого открытія содѣйствію какого-нибудь случайнаго пожара, такъ какъ залежи металловъ образуются только въ сухихъ и лишенныхъ всякой растительности мѣстахъ, и мы можемъ даже сказать, что природа приняла всѣ предосторожности, чтобы скрыть отъ людей эту роковую тайну. Остается думать, что людямъ помогло какое-нибудь чрезвычайное обстоятельство, что какой-нибудь извергающій расплавленные металлы вулканъ внушилъ имъ мысль подражать дѣятельности природы. Но тогда нужно все же предположить, что они обладали достаточнымъ мужествомъ и достаточной предусмотрительностью, чтобы взяться за столь трудную работу и предвидѣть тѣ выгоды, которыя сулила она имъ въ отдаленномъ будущемъ, а для этого они должны были быть болѣе развиты въ умственномъ отношеніи, чѣмъ были они, по всей вѣроятности, въ то время.

Что касается земледѣлія, то принципъ его былъ извѣстенъ задолго до того, какъ люди начали имъ заниматься Нельзя думать, чтобы у людей, постоянно питавшихся растительной пищей, не явилось въ скоромъ времени представленія о томъ, какими путями идетъ природа, заставляя размножаться растенія. Но обратились они къ земледѣльческому промыслу, вѣроятно, лишь очень поздно, частью потому, что деревья, доставлявшія имъ пищу, наряду съ охотой и рыболовствомъ, не нуждались въ ихъ заботахъ, частью потому, что не умѣли пользоваться хлѣбными злаками, частью же потому, что не имѣли земледѣльческихъ орудій или достаточной предусмотрительности, чтобы предвидѣть будущія выгоды, или же средствъ помѣшать другимъ завладѣть плодами ихъ труда. Когда люди сдѣлали

больше успѣховъ въ промышленности, то можно думать, что долгое время они ограничивались тѣмъ, что разрыхляли заостренными камнями или палками землю вокругъ своихъ хижинъ для посадки кое-какихъ овощей и кореньевъ, прежде чѣмъ научились воздѣлывать хлѣбныя растенія и пріобрѣли орудія, необходимыя для земледѣлія въ широкихъ размѣрахъ. Мы не упомянули еще объ одномъ. Чтобы посвятить силы свои этому занятію, чтобы засѣивать поля, нужно рѣшиться кое-чѣмъ пожертвовать, чтобы получить нѣчто болѣе значительное впослѣдствіи, а такая предусмотрительность совершенно не вяжется со всѣмъ умственнымъ складомъ дикаря, которому, какъ я говорилъ уже, трудно поутру думать о томъ, что понадобится ему вечеромъ.

Чтобы заставить родъ человѣческій заняться земледѣліемъ, необходимо было, какъ мы видимъ, изобрѣтеніе другихъ искусствъ. Съ тѣхъ поръ, какъ одни люди начали плавить и ковать желѣзо, другіе должны были кормить ихъ. Чѣмъ больше увеличивалось число ремесленниковъ, тѣмъ меньше оставалось рукъ для добыванія всѣмъ одинаково необходимой пищи, но не меньше ртовъ для ея потребленія; и такъ какъ однимъ нужны были съѣстные припасы въ обмѣнъ на ихъ желѣзо, то другіе открыли въ концѣ концовъ тайну, какъ воспользоваться желѣзомъ для усиленнаго производства съѣстныхъ припасовъ; отсюда возникли, съ одной стороны, земледѣліе, а съ другой, искусство обрабатывать металлы и расширять область ихъ примѣненія.

За первыми попытками обработки земель неизбѣжно послѣдовалъ ихъ раздѣлъ, а за признаніемъ собственности первыя правила справедливости. Чтобы предоставлять каждому то, что ему принадлежитъ, нужно, чтобы каждый могъ чѣмъ-нибудь владѣть. Вмѣстѣ съ тѣмъ, когда люди начали загадывать о будущемъ и увидѣли, что всѣмъ имъ есть что терять, всякій сталъ страшиться возмездія за вредъ, который могъ причинить другому. Такое происхожденіе правовыхъ началъ

тѣмъ болѣе естественна, что нельзя представить себѣ идею собственности возникшей внѣ круга тѣхъ отношеній, которыя создаются промышленностью, ибо нельзя указать, на чемъ могъ основываться человѣкъ, присваивая себѣ вещи, не имъ сдѣланныя, какъ не на затраченномъ имъ трудѣ. Одинъ только трудъ, давая земледѣльцу право на произведенія обработанной имъ земли, даетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ право и на землю, по крайней мѣрѣ, до жатвы; такъ продолжается изъ года въ годъ, и владѣніе, становясь непрерывнымъ, легко превращается въ право собственности. Когда древніе,—говоритъ Гроцій,—дали Церерѣ прозвище Законодательницы, а справлявшійся въ честь ея праздникъ именовали *θесмофоріями**), то они желали этимъ показать, что раздѣлъ земель повелъ къ возникновенію новаго права, т. е. права, основаннаго на собственности и отличнаго отъ покоящагося на естественномъ законѣ.

При такомъ положеніи вещей равенство могло бы сохраниться, если бы люди обладали одинаковыми дарованіями, и если бы, напримѣръ, расходованіе желѣза всегда находилось въ полномъ равновѣсіи съ потребленіемъ хлѣба. Но равномѣрность, ничѣмъ не поддерживаемая, скоро была нарушена. Болѣе сильный работалъ успѣшнѣе, болѣе ловкій извлекалъ бо́льшую выгоду изъ своего труда, болѣе изобрѣтательный находилъ средство сократить свой трудъ, земледѣлецъ могъ больше нуждаться въ желѣзѣ, чѣмъ кузнецъ въ хлѣбѣ, и наоборотъ, и при одинаковой затратѣ труда, одинъ получалъ большой доходъ, тогда какъ другой еле-еле перебивался. Такимъ образомъ, естественное неравенство возрастало вмѣстѣ съ неравенствомъ въ условіяхъ жизни, и различія между людьми, увеличившись, благодаря различію внѣшнихъ обстоятельствъ, стали болѣе ощутительными, сильнѣе сказывались въ послѣдствіяхъ и начали въ той же мѣрѣ вліять на судьбу отдѣльныхъ лицъ.

---

*) Отъ θεσμός, законъ, и φέρω, несу. Прим. перев.

Разъ произошли всѣ отмѣченныя нами событія, то остальное не трудно уже себѣ представить. Я не стану описывать постепеннаго изобрѣтенія другихъ искусствъ, развитія языковъ, испытаній, которымъ подвергались дарованія, и примѣненій, которыя они находили себѣ, неравенства состоянія и злоупотребленія богатствами и всѣхъ подробностей, связанныхъ съ указанными фактами, которыя каждый легко можетъ восполнить. Я ограничусь тѣмъ, что брошу бѣглый взглядъ на родъ человѣческій, перенесенный въ этотъ новый строй жизни.

Всѣ способности наши получили теперь полное развитіе. Память и воображеніе напряженно работаютъ, самолюбіе всегда насторожѣ, мышленіе стало дѣятельнымъ, и умъ почти достигъ уже предѣла доступнаго ему совершенства. Всѣ наши естественныя способности исправно несутъ уже свою службу; положеніе и участь человѣка стали опредѣляться не только на основаніи его богатства и той власти приносить пользу или вредъ другимъ, какой онъ располагаетъ, но также на основаніи ума, красоты, силы или ловкости, заслугъ или дарованій, а такъ какъ только эти качества могли вызывать уваженіе, то нужно было имѣть ихъ или дѣлать видъ, что имѣешь. Выгоднѣе было казаться не тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности; быть и казаться—это для того времени уже вещи различныя, и это различіе вызвало появленіе ослѣпляющаго высокомѣрія, обманчивой хитрости и пороковъ, составляющихъ ихъ свиту. Съ другой стороны, изъ свободнаго и независимаго, какимъ былъ человѣкъ первоначально, онъ превратился какъ бы въ подвластнаго всей природѣ, особенно же ему подобнымъ, рабомъ которыхъ до нѣкоторой степени онъ становится, даже становясь ихъ господиномъ. Если онъ богатъ, онъ нуждается въ ихъ услугахъ, если онъ бѣденъ, то нуждается въ ихъ помощи, и даже при среднемъ достаткѣ онъ все равно не въ состояніи обойтись безъ нихъ. Онъ долженъ, поэтому, постоянно стараться заинтересовать ихъ

въ своей судьбѣ, заставить ихъ находить дѣйствительную или мнимую выгоду въ томъ, чтобы содѣйствовать его благополучію, а это дѣлаетъ его лукавымъ и изворотливымъ съ одними, надменнымъ и жестокимъ съ другими, и ставить его въ необходимость обманывать тѣхъ, въ комъ онъ нуждается, если онъ не можетъ заставить ихъ себя бояться и не находитъ выгоднымъ у нихъ заискивать. Ненасытное честолюбіе, страсть увеличивать свое благосостояніе, не столько въ виду истинныхъ потребностей, сколько для того, чтобы стать выше другихъ, внушаютъ всѣмъ людямъ низкую склонность вредить другъ другу и тайную зависть, тѣмъ болѣе опасную, что желая вѣрнѣе нанести ударъ, она часто прикрывается личиной благожелательности. Словомъ, конкуренція и соперничество съ одной стороны, а съ другой противоположность интересовъ и скрытое желаніе обогатиться на счетъ другого—таковы ближайшія послѣдствія возникновенія собственности, таковы неотлучные спутники нарождающагося неравенства.

Прежде чѣмъ изобрѣтены были особые знаки, замѣняющіе всякія цѣнности, богатство могло состоять почти исключительно въ земляхъ и стадахъ скота, являвшихся единственными реальными благами, которыми могли владѣть люди. Но когда поземельныя владѣнія, переходившія по наслѣдству изъ рода въ родъ, настолько увеличились въ числѣ и размѣрахъ, что покрыли собою всю землю, и соприкасались между собою, то одни изъ нихъ могли возрастать уже только на счетъ другихъ. Тѣ люди, которые остались ни при чемъ, благодаря тому, что слабость или безпечность помѣшали имъ въ свою очередь пріобрѣсти земельные участки, стали бѣдняками, ничего ни потерявъ, потому что не измѣнились, когда все измѣнилось вокругъ нихъ, и принуждены были получать пропитаніе изъ рукъ богатыхъ или же похищать его у нихъ. Отсюда возникли мало-по-малу, въ зависимости отъ различій въ

характерѣ тѣхъ и другихъ, господство и рабство или насилія и грабежи. Богатые же съ своей стороны, едва ознакомившись съ удовольствіемъ властвовать, стали скоро презирать всѣхъ остальныхъ и, пользуясь прежними рабами для подчиненія новыхъ, только и помышляли, что о порабощеніи и угнетеніи своихъ сосѣдей, подобно прожорливымъ волкамъ, которые, разъ отвѣдавъ человѣческаго мяса, отвергаютъ всякую другую пищу и желаютъ пожирать только людей.

Такимъ образомъ, наиболѣе могущественные или наиболѣе бѣдствующіе, основываясь на своей силѣ или своихъ нуждахъ, стали приписывать себѣ своего рода право на имущество другого, равносильное въ ихъ глазахъ праву собственности, и за уничтоженіемъ равенства послѣдовали жесточайшія смуты. Захваты богатыхъ, разбои бѣдныхъ, разнузданныя страсти и тѣхъ и другихъ, заглушая естественное состраданіе и слабый еще голосъ справедливости, сдѣлали людей скупыми, честолюбивыми и злыми. Началась безконечная борьба между правомъ сильнаго и правомъ перваго завладѣвшаго, приводившая къ постояннымъ столкновеніямъ и убійствамъ (17). Возникающее общество стало театромъ ожесточеннѣйшей войны. Погрязшій въ преступленіяхъ и порокахъ и впавшій въ отчаяніе родъ человѣческій не могъ уже ни вернуться назадъ, ни отказаться отъ сдѣланныхъ имъ злосчастныхъ пріобрѣтеній; употребляя во зло свои способности, которыя могли служить лучшимъ его украшеніемъ, онъ готовилъ себѣ въ грядущемъ только стыдъ и позоръ и самъ привелъ себя на край гибели.

Attonitus novitate mali, divesque miserque.
Effugere optat opes, et quae modo voverat odit *).

Въ концѣ концовъ люди не могли не задуматься надъ своимъ печальнымъ положеніемъ и обрушивши-

---

*) Ovid. *Metam.*, Lib. XI, V, 127: Зла новизной пораженъ, богачъ и бѣднякъ въ то же время, Радъ бы бѣжать онъ теперь отъ сокровищъ, недавно желанныхъ.

мися на нихъ бѣдствіями. Особенно скоро должны были понять богатые, насколько невыгодна для нихъ вѣчная война, такъ какъ всѣ издержки на нее ложились на ихъ плечи, и опасность для жизни въ ней было взаимной, а для имущества—односторонней. Сверхъ того они хорошо видѣли, что, какъ бы ни пытались они замаскировать свои захваты, въ основѣ ихъ лежало шаткое и произвольно-установленное право; то, что было пріобрѣтено силою, могло быть силою же у нихъ и отнято, и имъ не на что было бы жаловаться. Даже тѣ, которыхъ обогатила промышленность, почти не имѣли возможности основать свое владѣніе на лучшемъ правѣ. Они могли, правда, сказать: «Я построилъ эту стѣну; я пріобрѣлъ этотъ участокъ земли своимъ трудомъ». «Но кто же опредѣлилъ границы вашихъ владѣній?—отвѣтили бы имъ тогда.—и почему считаете вы себя въ правѣ требовать отъ насъ вознагражденія за трудъ, котораго мы не возлагали на васъ? Развѣ вы не знаете, что тысячи вашихъ братьевъ погибаютъ или влачатъ жалкое существованіе, нуждаясь въ томъ, что имѣете вы въ избыткѣ, и что нужно было ясно выраженное и единодушное согласіе человѣческаго рода, чтобы присвоить вамъ изъ составляющихъ общее достояніе жизненныхъ средствъ болѣе, чѣмъ необходимо вамъ лично». Не имѣя основательныхъ доводовъ для своего оправданія и достаточныхъ силъ для защиты, легко одолѣвая отдѣльнаго человѣка, но безсильный противъ нападеній разбойничьихъ шаекъ; стоя одинокимъ противъ всѣхъ и не имѣя возможности, вслѣдствіе взаимной зависти, соединиться со своими собратьями противъ враговъ, объединенныхъ надеждою на удачный грабежъ, богатый составилъ, наконецъ, подъ давленіемъ необходимости, планъ наиболѣе обдуманный изъ всѣхъ, возникавшихъ когда-либо въ человѣческомъ умѣ. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы воспользоваться для достиженія своихъ цѣлей силами тѣхъ, которые на него нападали, обратить въ своихъ защитниковъ своихъ

противниковъ, внушить имъ иныя воззрѣнія и дать имъ иныя учрежденія, которыя были бы столь же выгодны для него, насколько неблагопріятно для него было естественное право.

Изобразивъ своимъ сосѣдямъ весь ужасъ того состоянія, которое вооружило ихъ другъ противъ друга и сдѣлало столь же обременительнымъ для нихъ богатство, какъ и нужду, въ которомъ никто не чувствовалъ себя въ безопасности, былъ ли онъ богатъ или бѣденъ, онъ легко нашелъ доводы, на первый взглядъ достаточно убѣдительные, чтобы заставить ихъ служить своимъ намѣреніямъ: «Соединимся, — сказалъ онъ имъ, — чтобы оградить отъ угнетенія слабыхъ, сдержать честолюбивыхъ и обезпечить каждому владѣніе тѣмъ, что принадлежитъ ему. Установимъ основныя правила справедливости и мира, съ которыми всякій обязанъ будетъ сообразоваться, которыя будутъ нелицепріятны и сдѣлаютъ менѣе чувствительными прихоти судьбы, одинаково подчинивъ и могущественнаго, и слабаго взаимнымъ обязанностямъ. Однимъ словомъ, вмѣсто того, чтобы обращать свои силы противъ самихъ же себя, соединимъ ихъ въ одну верховную власть, которая будетъ управлять нами на основаніи мудрыхъ законовъ, оказывать покровительство и защиту всѣмъ членамъ союза, отражать нашихъ общихъ враговъ и поддерживать между нами вѣчное согласіе».

Этого было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы увлечь темныхъ и легковѣрныхъ людей, у которыхъ къ тому же было слишкомъ много счетовъ между собой, чтобы обойтись безъ посредника, и слишкомъ много алчности и честолюбія, чтобы долго существовать безъ властелина. Всѣ устремились навстрѣчу своимъ цѣпямъ, думая упрочить свою свободу. Имъ не трудно было понять преимущества гражданскаго союза, но они не имѣли достаточно опытности, чтобы предвидѣть связанныя съ нимъ опасности. Предугадать, что онъ откроетъ мѣсто злоупотребленіямъ, могли скорѣе всего какъ разъ

тѣ, которые разсчитывали этимъ воспользоваться, и даже мудрые видѣли, что нужно пожертвовать частью свободы для сохраненія остальной, подобно тому какъ раненый позволяетъ отнять себѣ руку, чтобы спасти остальное тѣло.

Таково было, или должно было быть, происхожденіе общества и законовъ, которые еще болѣе увеличили силу богатыхъ (18), безвозвратно уничтожили свободу, навсегда упрочили собственность и неравенство, превратили ловкую узурпацію въ незыблемое право и обрекли къ выгодѣ нѣсколькихъ честолюбцевъ весь родъ человѣческій на трудъ. нищету и рабство. Не трудно видѣть, что установленіе одного общества сдѣлало неизбѣжнымъ возникновеніе всѣхъ остальныхъ, такъ какъ дать отпоръ соединеннымъ силамъ можно было, только соединившись въ свою очередь. Быстро умножаясь и разрастаясь, общества скоро покрыли всю земную поверхность, и во всей вселенной не оставалось уже ни одного уголка, гдѣ можно было бы сбросить съ себя ярмо и отклонить голову отъ меча, часто сжимаемаго неумѣлой рукой и висѣвшаго надъ головой каждаго человѣка. Когда право общественное стало дѣйствующимъ правомъ для всѣхъ гражданъ, то право естественное сохранилось лишь въ сферѣ общенія между государствами, гдѣ, подъ именемъ международнаго, оно было смягчено нѣсколькими молчаливыми соглашеніями, чтобы сдѣлать возможной торговлю и создать нѣкоторую замѣну естественной сострадательности, такъ какъ чувство это, теряя въ отношеніяхъ между обществами почти всю силу, какую имѣетъ оно въ отношеніяхъ между людьми, продолжаетъ жить лишь въ душѣ немногихъ космополитически-настроенныхъ людей, которые не считаются съ призрачными преградами между народами и, подражая создавшему ихъ Верховному Существу, объемлютъ своимъ благоволеніемъ весь родъ человѣческій.

Оставаясь въ отношеніяхъ между собою въ естественномъ состояніи, политическія организаціи скоро

почувствовали тѣ же неудобства, которыя принудили выйти изъ него отдѣльныхъ людей, и состояніе это для большихъ организацій было еще болѣе богато роковыми послѣдствіями, чѣмъ для составлявшихъ ихъ индивидуумовъ. Оно повело къ возникновенію международныхъ войнъ, сраженій, убійствъ и репрессалій, заставляющихъ содрогаться природу и возмущающихъ разумъ. къ возникновенію чудовищныхъ предразсудковъ, которые возвели въ добродѣтель честь, пріобрѣтаемую пролитіемъ человѣческой крови. Самые уважаемые люди пріучились причислять къ своимъ обязанностямъ умерщвленіе имъ подобныхъ. Въ концѣ концовъ люди начали тысячами убивать другъ друга, сами не зная за что, и въ одинъ день битвы совершалось больше убійствъ, при взятіи одного города—больше ужасовъ, чѣмъ въ естественномъ состояніи на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ и на всей земной поверхности. Таковы первыя открывающіяся нашему взору послѣдствія раздѣленія человѣческаго рода на отдѣльныя общества. Вернемся теперь къ ихъ установленію.

Я знаю, что многіе приписываютъ возникновеніе гражданскихъ обществъ другимъ причинамъ, какъ напр.. завоеваніямъ болѣе сильнаго или союзу слабыхъ. Но хотя выборъ опредѣленной причины и не имѣетъ значенія для того, что желаю я установить, однако причина, указанная мною, мнѣ кажется наиболѣе естественной, въ виду слѣдующихъ соображеній: во-первыхъ, на правѣ завоевателя, которое вовсе не является правомъ. нельзя основать какого-нибудь новаго права, такъ какъ завоеватель и покоренные имъ народы навсегда остаются въ состояніи войны, если только побѣжденная нація. снова получивъ полную свободу, не изберетъ своимъ главой своего побѣдителя; пока же этого не случится, всѣ предшествующіе договоры являются, какъ основанные на насиліи, изначала ничтожными, и, слѣдовательно, допуская эту гипотезу, мы должны будемъ сказать, что ни настоящаго общества, ни политической корпо-

раціи, ни иного права, кромѣ права сильнаго, не можетъ, собственно, существовать вовсе. Во-вторыхъ, слова *сильный* и *слабый* — слова двусмысленныя. Для періода времени между установленіемъ права собственности или права перваго завладѣвшаго и возникновеніемъ политическаго управленія смыслъ этихъ выраженій лучше передается словами *бѣдный* и *богатый*, потому что, до появленія законовъ, человѣкъ не имѣлъ иного средства подчинить себѣ своихъ собратьевъ, какъ направить свои удары противъ ихъ имущества или удѣлить имъ часть своего. Въ третьихъ, такъ какъ бѣднымъ нечего было терять, кромѣ ихъ свободы, то большимъ безумiемъ было бы съ ихъ стороны добровольно отказаться отъ единственнаго, остававшагося у нихъ блага, ничего не получивъ за него въ обмѣнъ. Наоборотъ, богатымъ, которые были, такъ сказать, уязвимы въ любой части принадлежавшихъ имъ имуществъ, легче было причинить зло, и, слѣдовательно, имъ больше приходилось заботиться о своей безопасности. Но и помимо всѣхъ этихъ соображеній, разумнѣе предположить, что изобрѣтеніе было сдѣлано тѣми, кому оно приноситъ пользу, а не тѣми, кому оно служитъ во вредъ.

Возникающее управленіе не имѣло еще прочной и правильной формы. Отсутствіе философіи и опытности давало возможность замѣтить лишь громко заявлявшіе о себѣ недостатки, объ исправленіи же остальныхъ начинали думать, лишь по мѣрѣ того, какъ они обнаруживались. Не смотря на всѣ труды мудрѣйшихъ законодателей, политическій строй все же оставался несовершеннымъ, такъ какъ являлся почти всецѣло дѣломъ случая. Онъ былъ далекъ отъ совершенства съ самаго начала, съ теченіемъ же времени могли быть выяснены его недостатки, найдены средства къ ихъ устраненію, но не исправлены его коренные пороки. Дѣлались перестройки, тогда какъ нужно было снести все до основанія и убрать старые матеріалы, какъ сдѣлалъ это Ликургъ въ Спартѣ, а затѣмъ уже выстроить хорошее

зданіе. Всѣ общественныя отношенія опредѣлялись первоначально нѣсколькими соглашеніями общаго характера, соблюдать которыя обязывались частныя лица, и за соблюденіе которыхъ передъ каждымъ изъ нихъ ручалась община. Нужно было, чтобы опытъ показалъ, насколько несовершенно было подобное государственное устройство, какъ легко было нарушителямъ закона избѣгнуть осужденія и наказанія за неправомѣрные поступки, единственнымъ свидѣтелемъ и судьей которыхъ являлось само общество; нужно было, чтобы законъ стали обходить всевозможными способами, чтобы люди пришли, наконецъ, къ мысли довѣрить частнымъ лицамъ опасное сокровище, называемое общественной властью, и возложить на магистратовъ заботу объ исполненіи народныхъ рѣшеній. Предположеніе же, что правители были избраны до того, какъ образовался союзъ, и что исполнители законовъ существовали ранѣе самихъ законовъ, не заслуживаетъ серьезной критики.

Не болѣе вѣроятнымъ представляется также, чтобы народы съ самаго же начала бросились въ объятья неограниченнаго повелителя, не выговоривъ въ свою пользу ни какихъ-либо льготъ, ни возможности отступленія, и чтобы гордые и вольнолюбивые люди не изобрѣли лучшаго средства обезпечить общую безопасность, какъ отдать себя въ рабство. Для чего поставили они надъ собою властителей, какъ не для того, чтобы они защищали ихъ и охраняли ихъ имущество, свободу и жизнь, являющіяся составными элементами ихъ бытія? Если, разсматривая различныя отношенія, существующія или могущія существовать между людьми, мы должны признать, что для человѣка не можетъ быть ничего худшаго, какъ видѣть себя предоставленнымъ произволу другого, то не противно ли было бы здравому смыслу передать въ руки одного правителя всѣ тѣ блага, для защиты которыхъ людямъ нужна была его помощь. Что могъ предложить онъ имъ въ вознагражденіе за уступку столь высокаго права? и если бы онъ осмѣлился все же пот-

ребовать этой уступки подъ тѣмъ предлогомъ, что это необходимо для ихъ защиты, то развѣ ему не отвѣтили бы словами басни: «Что же худшаго можетъ сдѣлать намъ врагъ?» Безспорной является, поэтому, и должна составлять основное положеніе государственнаго права та истина, что народы поставили надъ собою правителей для защиты своей свободы, а не для установленія своего рабства. «Для того и имѣемъ мы государя,— говорилъ Плиній Траяну,—чтобы онъ избавилъ насъ отъ необходимости имѣть господина» *).

Политики высказывали о любви къ свободѣ такіе же софизмы, какъ философы о естественномъ состояніи. На основаніи того, что они видятъ, они судятъ о вещахъ совершенно несходныхъ, которыхъ никогда не видѣли, и приписываютъ людямъ естественную склонность къ рабству, въ виду того, что его покорно переносятъ тѣ люди, которые находятся у нихъ передъ глазами. Но они забываютъ, что о свободѣ можно сказать то же, что о невинности и добродѣтели. Цѣну имъ люди сознаютъ лишь до тѣхъ поръ, пока ими обладаютъ, а, потерявъ ихъ, теряютъ и вкусъ къ нимъ. «Я знаю утѣхи твоей страны,—сказалъ Бразидъ одному сатрапу,—но ты не можешь знать тѣхъ удовольствій, которыми пользуемся мы въ своемъ отечествѣ».

Какъ дикій конь вздымаетъ гриву, бьетъ ногою землю и дѣлаетъ бѣшенные прыжки, едва завидѣвъ удила, тогда какъ хорошо выѣзженный терпѣливо переноситъ и хлыстъ и шпоры, такъ дикарь не склонитъ свою голову подъ ярмо, которое безропотно носитъ человѣкъ цивилизованный, и предпочтетъ самую тревожную свободу самой спокойной подвластности. Не на основаніи глубокаго паденія порабощенныхъ народовъ нужно судить о томъ, склоненъ ли отъ природы человѣкъ къ рабству или свободѣ, но на основаніи тѣхъ чудесъ, которыя совершаютъ всѣ свободные народы, чтобы обезпечить

---

*) Paneg., 45. Прим. перев.

себя отъ угнетенія. Я знаю, что первые не устаютъ превозносить миръ и спокойствіе, которыми пользуются они въ своихъ оковахъ и miserrimam servitutem pacem appellant; *) но когда я вижу, что вторые приносятъ въ жертву удовольствія, покой, богатство, могущество и даже жизнь для сохраненія одного только блага, столь ничтожнаго въ глазахъ тѣхъ, которые потеряли его; когда я вижу, какъ животныя, рожденныя свободными и ненавидящія неволю, разбиваютъ себѣ голову о рѣшетку своей тюрьмы; когда я вижу, какъ орды нагихъ дикарей презираютъ европейскія наслажденія и смѣются надъ голодомъ, огнемъ, желѣзомъ и смертью для сохраненія своей независимости, то ясно сознаю, что не рабамъ пристало разсуждать о свободѣ.

Что касается отеческой власти, отъ которой многіе производятъ неограниченное правленіе и все общество, то, не прибѣгая къ доказательствамъ, выставленнымъ противъ этого положенія Локкомъ и Сиднеемъ, достаточно будетъ указать, что ничто на свѣтѣ не отстоитъ дальше отъ жестокаго характера деспотизма, какъ эта власть, больше приносящая выгодъ подвластному, чѣмъ повелѣвающему; что, по закону природы, отецъ остается господиномъ дитяти лишь до тѣхъ поръ, пока оно нуждается въ его помощи, а затѣмъ они становятся равными, и сынъ, вполнѣ независимый съ этого времени отъ отца, обязанъ оказывать ему лишь уваженіе, а не повиновеніе, ибо признательность это — обязанность, которую слѣдуетъ исполнять, но исполненія которой никто не въ правѣ требовать. Вмѣсто того, чтобы утверждать, что гражданское общество происходитъ отъ отеческой власти, слѣдовало бы сказать, наоборотъ, что сама эта власть отъ него главнымъ образомъ получаетъ свою силу. Индивидуумъ сталъ признаваться отцомъ многихъ дѣтей лишь съ тѣхъ поръ, какъ всѣ дѣти стали жить подлѣ него. Въ имуществѣ отца, котораго онъ

---

*) Жалкое рабство называютъ миромъ (Тацитъ, Hist., IV, 17).

является полнымъ хозяиномъ, мы видимъ узы, удерживающія въ зависимости его дѣтей. Въ его власти сдѣлать ихъ своими наслѣдниками лишь въ томъ случаѣ, если они заслужили это неуклоннымъ исполненіемъ его желаній. Но подданнымъ нечего ждать подобныхъ милостей отъ своего деспота. Они принадлежатъ или должны, по крайней мѣрѣ, по его мнѣнію, принадлежать ему вмѣстѣ со всѣмъ, чѣмъ они владѣютъ, и имъ приходится видѣть особую благосклонность его въ томъ, что онъ оставляетъ имъ кое-что изъ ихъ имущества. Онъ поступаетъ справедливо, разоряя ихъ, и оказываетъ имъ милость, позволяя имъ жить.

Продолжая изучать факты съ точки зрѣнія права, мы найдемъ не болѣе правдоподобнымъ и добровольное установленіе тираніи. Трудно было бы доказать правомѣрность договора, налагающаго обязанности лишь на одного изъ участниковъ, предоставляющаго одной сторонѣ все, а другой ничего, и клонящагося къ невыгодѣ того, кто добивался его заключенія. Ничего общаго съ этой отвратительной системой не имѣетъ въ настоящее время управленіе мудрыхъ и достойныхъ монарховъ, особенно же королей Франціи, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ ихъ эдиктовъ, лучше же всего изъ слѣдующаго мѣста знаменитаго декрета, изданнаго въ 1667 отъ имени и по приказанію Людовика XIV: «Пусть не говорятъ, что суверенъ не подчиненъ законамъ своего государства, такъ какъ обратное этому положеніе есть истина общенароднаго права, сознаніе которой пыталась иногда затемнить лесть, но которую хорошіе государи всегда охраняли, какъ божественную покровительницу ихъ государствъ. Насколько болѣе правильно сказать вмѣстѣ съ мудрымъ Платономъ, что для полнаго счастья государства нужно, чтобы государь повиновался законамъ, а законъ былъ справедливъ и всегда имѣлъ своею цѣлью общественное благо». Я не стану изслѣдовать вопроса о томъ не унижаетъ ли человѣкъ, благороднѣйшимъ свойствомъ котораго является свобода, свое естество, не

ставитъ ли онъ себя на одинъ уровень съ порабощеннымъ инстинкту животнымъ и не оскорбляетъ ли онъ даже своего Создателя, отказываясь безъ всякихъ оговорокъ отъ драгоцѣннѣйшаго изъ его даровъ, подчиняя себя необходимости совершать запрещенныя имъ преступленія въ угоду жестокому или безумному властелину, и не большее ли негодованіе должно вызывать въ божественномъ Художникѣ обезчещеніе, его прекраснѣйшаго созданія, чѣмъ даже его гибель. Я оставлю, если угодно, въ сторонѣ авторитетное мнѣніе Барбейрака, рѣшительно заявляющаго, вслѣдъ за Локкомъ, что никто не можетъ продать свою свободу и подчиниться произвольной власти другого, который располагалъ бы имъ по своему усмотрѣнію; *такъ какъ это значило бы*,—прибавляетъ онъ,—*продать свою жизнь, хозяевами которой мы не за правъ считать себя.* Я спрошу только: какое право имѣютъ тѣ, что не боятся такъ унизить себя самихъ, подвергать такому же безчестію свое потомство и отказываться за него отъ тѣхъ благъ, которыми оно обязано не ихъ щедрости, и безъ которыхъ сама жизнь становится въ тягость тому, кто ея достоинъ.

Пуффендорфъ говоритъ, что совершенно такъ же, какъ передаемъ мы другому свое имущество посредствомъ соглашеній и договоровъ, мы можемъ отказаться въ чью-либо пользу и отъ своей свободы. Такое разсужденіе мнѣ кажется весьма неосновательнымъ, ибо, во-первыхъ, отчуждаемое мною имущество становится въ глазахъ моихъ дѣйствительно чужимъ, и мнѣ безразлично, будутъ ли злоупотреблять имъ или нѣтъ, тогда какъ для меня далеко не безразлично, будутъ ли злоупотреблять моей свободой, и я не могу, не принимая на себя вины за то зло, совершить которое меня заставятъ, позволить обратить себя въ орудіе преступленія. Сверхъ того, такъ какъ право собственности возникло вслѣдствіе соглашенія между людьми, то всякій можетъ распоряжаться по своему желанію тѣмъ, чѣмъ онъ владѣетъ. Но не такъ дѣло обстоитъ съ важнѣйшими да-

рами природы, каковы жизнь и свобода. Пользоваться ими предоставлено всякому, но чтобы мы имѣли право себя лишать ихъ, это, по меньшей мѣрѣ, сомнительно: отнимая у себя первую, мы уничтожаемъ свое существо, а отнимая вторую, мы унижаемъ его, насколько это въ нашей власти, и такъ какъ никакое земное благо не можетъ вознаградить насъ за нихъ, то отказываться отъ нихъ за какую бы то ни было цѣну, это значило бы оскорблять одновременно и природу и разумъ. Но если бы и можно было отчуждать свою свободу, какъ свое имущество, то все же разница была бы весьма значительной по отношенію къ дѣтямъ, которыя пользуются имуществомъ ихъ отца, лишь вслѣдствіе перенесенія на нихъ его правъ, тогда какъ свобода — это даръ, полученный ими отъ природы, въ силу одного того, что они — люди, и, слѣдовательно, лишать ихъ этой свободы родители ихъ не имѣютъ никакого права. Такъ что для установленія рабства нужно было произвести насиліе надъ природой, а чтобы сдѣлать право это постояннымъ, нужно было бы измѣнить ее, и тѣ юристы, которые съ важностью заявили, что дитя рабыни рождается рабомъ, изрекли въ сущности, что человѣкъ рождается не-человѣкомъ.

Мнѣ кажется яснымъ, поэтому, что управленіе не началось съ владычества, основаннаго на произволѣ, которое является лишь его извращеніемъ, послѣдней ступенью его развитія и снова приводитъ къ господству одного лишь права сильнаго, средствомъ къ устраненію котораго оно должно было первоначально служить. Но если начало его и было таково, то владычество это, будучи по природѣ своей неправомѣрнымъ, не можетъ служить основой ни гражданскихъ правъ, ни, слѣдовательно, сознательно установленнаго людьми неравенства.

Не вдаваясь теперь въ ожидающія еще своей очереди изслѣдованія о природѣ основного договора, на которомъ зиждется всякое управленіе, я ограничусь тѣмъ, что буду здѣсь считать, согласно общепринятому мнѣнію, возникновеніе политической корпораціи слѣд-

ствіемъ договора народа съ избранными имъ правителями, договора, которымъ обѣ стороны обязуются соблюдать установленные ими законы, являющіеся связующими нитями ихъ союза. Такъ какъ народъ, приступая къ устройству общественныхъ отношеній, соединилъ всѣ частныя воли въ одну общую волю, то всѣ постановленія, въ которыхъ выразилась эта воля, становятся основными законами, обязывающими всѣхъ гражданъ государства, безъ исключенія, причемъ одинъ изъ этихъ законовъ опредѣлялъ порядокъ избранія и власть магистратовъ, уполномоченныхъ наблюдать за исполненіемъ остальныхъ. Власть эта простиралась на все, что служило поддержанію государственнаго строя, но не была достаточной для его измѣненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ установлены были почести, которыя усиливали въ гражданахъ уваженіе къ законамъ и ихъ исполнителямъ, а для послѣднихъ и личныя прерогативы, вознаграждавшія ихъ за тяжелый трудъ, котораго требовали хорошее управленіе. Магистраты, съ своей стороны, обязывались пользоваться ввѣренной имъ властью согласно намѣреніямъ довѣрителей, обезпечить каждому спокойное владѣніе тѣмъ, что принадлежитъ ему, и неизмѣнно отдавать предпочтеніе общественной пользѣ передъ собственными интересами.

Прежде чѣмъ опытъ указалъ, или знаніе человѣческой души заставило предвидѣть злоупотребленія, неизбѣжныя при подобномъ государственномъ устройствѣ, оно должно было казаться тѣмъ болѣе совершеннымъ, что тѣ лица, которыя обязаны были заботиться о его сохраненіи, сами были наиболѣе въ немъ заинтересованы. Такъ какъ магистратура была установлена, и всѣ права ея опредѣлены—одними основными законами, то съ уничтоженіемъ послѣднихъ, магистраты перестали бы быть законными, а народъ не обязанъ уже былъ бы имъ повиноваться, и такъ какъ не магистраты, а законы составляютъ главнѣйшее условіе для возникновенія и существованія государства,

то каждый ipso jure вернулся бы въ состояніе естественной свободы.

Стоитъ подумать нѣсколько внимательнѣе, и мы найдемъ новыя данныя, подтверждающія эти соображенія, и увидимъ, что основной общественный договоръ вовсе не былъ по природѣ своей нерасторжимымъ. Если не было высшей власти, которая могла бы поручиться за вѣрность контрагентовъ соглашенію и заставить ихъ выполнить взаимныя обязательства, то стороны оставались единственными судьями въ собственномъ дѣлѣ, и каждая изъ нихъ имѣла право отказаться отъ договора, лишь только увидѣла бы, что другая нарушаетъ его условія, или что условія эти стали для нея не выгодными. На этомъ принципѣ можетъ быть, какъ мнѣ кажется, основано право односторонняго отказа отъ соглашенія. Къ тому же—поскольку мы имѣемъ дѣло съ чисто-человѣческими учрежденіями, какъ мы до сихъ поръ и предполагали,—разъ магистратъ, держащій въ рукахъ своихъ всю власть и получающій всѣ выгоды отъ соглашенія, имѣетъ все же право отказаться отъ своей власти, то тѣмъ болѣе долженъ имѣть право отказаться отъ своей зависимости народъ, которому приходится расплачиваться за всѣ ошибки своихъ правителей. Но страшные раздоры и безконечныя неурядицы, которыя неизбѣжно повлекло бы за собою это опасное право, лучше всего другого показываютъ, насколько правительственный строй въ человѣческихъ обществахъ нуждался въ болѣе прочной основѣ, чѣмъ нашъ разумъ, и насколько необходимо было для общественнаго мира вмѣшательство божественной воли, чтобы придать верховной власти характеръ святости и неприкосновенности, который отнялъ бы у подданныхъ страшное право распоряжаться ею. Если бы религія не принесла людямъ иной пользы, кромѣ этой, то и этого было бы достаточно, чтобы всѣ они прониклись къ ней любовью и пріобрѣли ее, даже со всѣми злоупотребленіями, которымъ открываетъ она мѣсто, такъ какъ она сберегаетъ

больше крови, чѣмъ проливаетъ ее фанатизмъ. Будемъ продолжать, однако, изложеніе нашей гипотезы.

Различныя формы государственнаго устройства обязаны своимъ происхожденіемъ большей или меньшей рѣзкости различій между людьми въ эпоху установленія государства. Если одинъ человѣкъ выдѣлялся среди всѣхъ другихъ своимъ могуществомъ, доблестью, богатствомъ или вліяніемъ, то его одного и избирали магистратомъ, и государство становилось монархическимъ. Если многія лица, почти равныя между собой, возвышались надъ остальными, то ихъ избирали совмѣстно, и получалось аристократія. Тѣ, у которыхъ богатства и дарованія были распредѣлены болѣе равномѣрно, которые менѣе удалились отъ естественнаго состоянія, оставляли верховное управленіе въ рукахъ всѣхъ гражданъ и основывали государство демократическое. Время показало, какая изъ этихъ формъ была для людей болѣе выгодной. Одни подчинялись только законамъ, а другимъ скоро пришлось повиноваться властителямъ. Граждане желали сохранить свободу, подданные же думали только о томъ, какъ бы отнять ее у своихъ сосѣдей, такъ какъ не въ силахъ были помириться съ тѣмъ, что другіе пользуются благомъ, которымъ сами они не могли уже пользоваться. Однимъ словомъ, на одной сторонѣ—богатства и завоеванія, а на другой—счастье и добродѣтель.

Въ этихъ различныхъ правительственныхъ системахъ всѣ должности были первоначально выборными, и если богатство не оказывалось рѣшающимъ, то предпочтеніе отдавалось достоинству, съ которымъ связано естественное вліяніе, или возрасту, дающему опытность въ дѣлахъ и хладнокровіе въ ихъ обсужденіи. Старѣйшины у евреевъ, спартанскіе геронты и даже этимологія слова s e i g n e u r показываютъ какимъ уваженіемъ пользовалась нѣкогда старость. Чѣмъ чаще выборъ падалъ на людей преклоннаго возраста, тѣмъ чаще должны были происходить выборы, и сильнѣе чувствовались связан-

ныя съ ними затрудненія: начинаются интриги, образуются политическіе кружки, ожесточается борьба партій, и вспыхиваютъ междуусобныя войны; кровь гражданъ приносилась въ жертву воображаемому счастью государства, и оставалось уже сдѣлать одинъ только шагъ, чтобы впасть въ анархію предшествующей эпохи. Честолюбивые правители воспользовались этими обстоятельствами, чтобы закрѣпить свои должности за своими семьями. Народъ, привыкшій уже къ зависимости, спокойствію и удобствамъ, не въ состояніи уже былъ разбить свои оковы и согласился увеличить свое рабство, чтобы упрочить свое спокойствіе. Такимъ образомъ, правители, сдѣлавшись наслѣдственными, привыкли смотрѣть на свою магистратуру, какъ на семейное имущество, а на самихъ себя, какъ на собственниковъ государства, котораго первоначально были лишь слугами; привыкли называть своихъ согражданъ своими рабами, причислять ихъ, какъ домашнихъ животныхъ, къ принадлежащимъ имъ вещамъ, а самихъ себя называть богоравными и царями царей.

Если мы прослѣдимъ за прогрессомъ неравенства въ связи съ этими различными переворотами, то увидимъ, что возникновеніе законовъ и права собственности было начальнымъ пунктомъ этого прогресса, установленіе магистратуры—вторымъ, а третьимъ и послѣднимъ—измѣненіе правомѣрной власти въ основанную на произволѣ; такъ что различіе между богатымъ и бѣднымъ было узаконено первой эпохой, различіе между сильнымъ и слабымъ—второй, а третьей—различіе между господиномъ и рабомъ. Это—послѣдняя ступень неравенства, тотъ предѣлъ, къ которому приводятъ всѣ остальныя, если только новые перевороты не уничтожатъ совершенно управленія или не приблизятъ его къ правомѣрному устройству.

Чтобы понять необходимость этого прогресса, нужно обратить вниманіе не столько на мотивы установленія гражданскаго союза, сколько на форму, которую при-

нимаетъ онъ во время своего существованія и неудобства, къ которымъ онъ приводитъ. Тѣ же пороки, которые сдѣлали необходимыми общественныя учрежденія, сдѣлали неизбѣжными и тѣ злоупотребленія, которымъ открываютъ они мѣсто. Такъ какъ, за исключеніемъ одной Спарты, гдѣ главной задачей закона было руководить воспитаніемъ дѣтей, и гдѣ Ликургъ создалъ нравы, почти избавлявшіе его отъ необходимости присоединять къ нимъ законы,—законы, въ общемъ менѣе сильные, чѣмъ страсти, только сдерживаютъ людей, но не измѣняютъ ихъ, то легко было бы доказать, что управленія,—которое, не извращаясь и не измѣняясь, всегда служило бы той цѣли, служить которой было призвано въ моментъ возникновенія,—не было никакой надобности и учреждать, и что страна, въ которой никто не обходитъ законовъ и не злоупотребляетъ правительственной властью, не нуждается ни въ правительствѣ, ни въ законахъ.

Различія политическія неизбѣжно влекутъ за собою различія, имѣющія значеніе только въ частной жизни гражданъ. Когда возрастаетъ неравенство между народомъ и его правителями, то немедленно становится болѣе ощутительнымъ и неравенство между частными лицами и безконечно видоизмѣняется, въ зависимости отъ страстей, дарованій и случайныхъ обстоятельствъ. Магистратъ не могъ бы захватить незаконную власть, не окруживъ себя своими ставленниками, съ которыми ему приходится дѣлиться своимъ могуществомъ. Сверхъ того, граждане позволятъ угнетать себя лишь въ томъ случаѣ, если, увлекаемые слѣпымъ честолюбіемъ и лучше видя то, что находится подъ ними, а не надъ ними, будутъ болѣе дорожить господствомъ, чѣмъ независимостью, и согласятся носить оковы, чтобы имѣть возможность налагать ихъ на другихъ. Трудно заставить повиноваться того, кто не стремится властвовать, и самому искусному политику не удается поработить людей, которые не желаютъ ничего другого, кромѣ свободы.

Но неравенство легко возрастаетъ среди людей съ честолюбивой и низкой душою, всегда готовыхъ поставить на карту свое счастье и господствовать или подчиняться почти съ одинаковой охотой, въ зависимости отъ того, повезло ли имъ или нѣтъ. Въ концѣ концовъ должно было наступить время, когда глаза народа были настолько ослѣплены, что достаточно было его руководителямъ сказать ничтожнѣйшему изъ людей: «Будь великимъ, и пусть будетъ великимъ твой родъ», и онъ начиналъ казаться великимъ всѣмъ окружающимъ и себѣ самому, а его потомки еще болѣе возвышались по мѣрѣ того, какъ удалялись отъ него. Чѣмъ болѣе отдаленной и неясной была причина, тѣмъ сильнѣе было ея дѣйствіе; чѣмъ больше насчитывалось въ семьѣ тунеядцевъ, тѣмъ болѣе становилась она знаменитой.

Если бы здѣсь было умѣстно входить въ подробности, я легко объяснилъ бы, какъ, помимо даже вліянія политическихъ учрежденій, неравенство значенія и могущества частныхъ лицъ становится неизбѣжнымъ, лишь только, объединившись въ общество, они начинаютъ сравнивать себя другъ съ другомъ и считаться съ тѣми различіями, которыя замѣчаютъ они другъ въ другѣ, благодаря повседневному общенію. Различій этихъ множество; но такъ какъ главными изъ нихъ, въ общемъ, являются богатство, знатность, общественное положеніе, могущество и личное достоинство, и въ обществѣ люди сравниваютъ себя другъ съ другомъ на основаніи именно этихъ различій, то я доказалъ бы, что согласіе или борьба между этими различными силами являются самымъ надежнымъ показателемъ хорошаго или дурного государственнаго устройства. Я выяснилъ бы, что изъ этихъ четырехъ видовъ неравенства личныя качества обусловливаютъ возникновеніе всѣхъ остальныхъ, и что всѣ они сводятся, въ концѣ концовъ, къ богатству, такъ какъ оно наиболѣе непосредственно содѣйствуетъ благосостоянію, легче всего можетъ быть передаваемо, и при его помощи не трудно купить все осталь-

ное. Соображеніе это даетъ возможность довольно точно судить о томъ, насколько тотъ или иной народъ удалился отъ первоначальнаго своего состоянія и далеко ли ушелъ по пути къ крайнему предѣлу упадка. Я отмѣтилъ бы, какъ заставляетъ снѣдающее всѣхъ насъ стремленіе къ славѣ, почестямъ и отличіямъ развивать и сравнивать таланты и силы, какъ возбуждаетъ и умножаетъ оно страсти и, дѣлая людей соперниками или даже врагами, вызываетъ ежедневно рѣзкія перемѣны въ ихъ судьбѣ, успѣхи и катастрофы всякаго рода, заставляя сталкиваться на одномъ пути многихъ претендентовъ. Я показалъ бы, что этому желанію обратить на себя вниманіе другихъ, этой страсти выдвинуться, принуждающей насъ почти всегда жить внѣ самихъ себя, мы обязаны и лучшимъ и худшимъ, что есть въ людяхъ; имъ мы обязаны нашими добродѣтелями и пороками, нашими знаніями и заблужденіями, нашими завоевателями и философами, т.-е. многимъ дурнымъ и только немногимъ хорошимъ. Я доказалъ бы, наконецъ, что если горсть могущественныхъ и богатыхъ находится на верху величія и счастья, тогда какъ народныя массы пресмыкаются въ невѣжествѣ и нищетѣ, то это происходитъ оттого, что первые цѣнятъ блага, которыми пользуются, лишь постольку, поскольку другіе лишены ихъ, и, оставаясь въ тѣхъ же условіяхъ, перестали бы чувствовать себя счастливыми, если бы народъ пересталъ быть несчастнымъ.

Но подробности эти, сами по себѣ, могли бы доставить матеріалъ для значительнаго сочиненія, въ которомъ умѣстно было бы взвѣсить преимущества и невыгоды всякой организаціи управленія, въ сравненіи съ правовымъ строемъ естественнаго состоянія, и разсмотрѣть различныя формы, въ которыхъ проявлялось неравенство до сего дня, и въ которыхъ можетъ оно проявиться въ послѣдующіе вѣка, въ зависимости отъ природы государственнаго устройства и неизбѣжныхъ на большомъ протяженіи времени переворотовъ.

Мы увидѣли бы народъ, угнетаемый внутри государства дѣйствіемъ тѣхъ мѣръ предосторожности, которыя принималъ онъ противъ того, что угрожало ему извнѣ; мы увидѣли бы, какъ растетъ угнетеніе, и угнетенные не знаютъ, гдѣ его границы, и какими правомѣрными средствами располагаютъ они, чтобы остановить его развитіе; мы увидѣли бы, какъ умираютъ мало-по-малу гражданскія права и національныя вольности, и протесты слабыхъ начинаютъ считаться мятежнымъ ропотомъ; мы увидѣли бы, какъ политика ограничила извѣстнымъ числомъ наемниковъ кругъ лицъ, удостоивающихся чести защищать общее дѣло; какъ возникаетъ отсюда неизбѣжность налоговъ, и упавшій духомъ земледѣлецъ даже въ мирное время покидаетъ свои поля и бросаетъ плугъ, чтобы опоясаться мечемъ; мы увидѣли бы возникновеніе вредныхъ и дикихъ правилъ условной чести; увидѣли бы, какъ защитники родины становятся рано или поздно ея врагами, всегда готовыми обратить свое оружіе противъ своихъ же сограждан, и поняли бы, что должно наступить время, когда они скажутъ угнетателю ихъ родины:

Pectore si fratris gladium juguloque parentis
Condere me jubeas, gravidaeque in viscera partu
Conjugis, invita peragam tamen omnia dextra*).

Благодаря крайнему неравенству въ условіяхъ жизни и благосостояніи, благодаря различію страстей и дарованій, благодаря искусствамъ, просто безполезнымъ, и искусствамъ вреднымъ, благодаря знаніямъ показнымъ и поверхностнымъ, возникаетъ множество предразсудковъ, равно противныхъ разуму, счастью и добродѣтели; мы увидѣли бы, какъ правители старательно поддерживаютъ все, что можетъ ослабить объединившихся людей, раздѣляя ихъ, все, что можетъ поселить въ обществѣ видимое согласіе и посѣять сѣмена дѣйствительнаго раз-

*) Lucan., Lib. I, V, 378: Если мечемъ поразить повелишь мнѣ любимаго брата, иль дорогого отца, иль супругу съ младенцемъ въ утробѣ, сердце сожмется въ груди, но исполнитъ рука приказанье.

дора, все, что можетъ внушить различнымъ классамъ взаимное недовѣріе и ненависть, приводя въ столкновеніе ихъ права и интересы, и усилить этимъ всѣхъ ихъ одинаково сдерживающую власть.

Среди этихъ смутъ и переворотовъ постепенно поднимаетъ свою уродливую голову деспотизмъ и, пожирая все, что найдетъ благого и здороваго въ различныхъ частяхъ государства, начинаетъ попирать ногами законы и народъ и прочно водворяется на развалинахъ республики. Времена, предшествующія этой послѣдней перемѣнѣ, должны быть временами смутъ и бѣдствій; но, въ концѣ концовъ, все поглощается чудовищемъ, и у народовъ нѣтъ болѣе ни правителей, ни законовъ,— есть только тираны. Съ этой минуты не можетъ уже быть рѣчи о нравственности и добродѣтели, ибо повсюду, гдѣ царить деспотизмъ, cui ex honesto nulla est spes, онъ не терпитъ наряду съ собой иного властителя. Голосъ совѣсти и долга долженъ умолкнуть, когда онъ говоритъ, и рабамъ остается одна только добродѣтель — слѣпое повиновеніе.

Это—послѣдній предѣлъ неравенства, крайняя точка, замыкающая кругъ и соприкасающаяся съ нашей исходной точкой. Здѣсь всѣ люди снова становятся равными, такъ какъ всѣ они ничего собою не представляютъ. У подданныхъ нѣтъ иного закона, кромѣ воли ихъ повелителя, а у самого повелителя иныхъ руководящихъ правилъ, кромѣ его страстей; и потому понятіе о добрѣ и принципы справедливости снова исчезаютъ. Здѣсь все сводится къ одному праву сильнаго, и слѣдовательно, возникаетъ новое естественное состояніе, отличающееся отъ того, съ котораго мы начали, тѣмъ, что то было состояніе чисто-естественное, тогда какъ это послѣднее является плодомъ крайняго упадка. Но разница между этими двумя состояніями такъ не велика, и договоръ объ управленіи настолько расторгнутъ деспотизмомъ, что и деспотъ остается властителемъ лишь до тѣхъ поръ, пока остается наиболѣе сильнымъ, и когда дру-

гимъ удается отнять у него власть, ему не приходится жаловаться на насиліе. Возстаніе, приводящее къ умерщвленію или сверженію съ престола какого-нибудь султана, — актъ, настолько же правомѣрный, какъ и тѣ, которые совершалъ онъ наканунѣ, распоряжаясь жизнью или имуществомъ своихъ подданныхъ. Одна только сила служила ему опорой, сила его и ниспровергла; все совершается, слѣдовательно, сообразно естественному порядку, и каковъ бы ни былъ исходъ этихъ быстрыхъ и частныхъ переворотовъ, никто не можетъ жаловаться на несправедливость другого, а развѣ только на свое неблагоразуміе и свое несчастье.

Отыскивая и изучая забытые и заглохшіе пути, которыми пришелъ человѣкъ изъ естественнаго состоянія въ общественное, возстановляя съ помощью указанныхъ мною промежуточныхъ этаповъ тѣ, которые заставляетъ меня обойти молчаніемъ недостатокъ времени или не въ силахъ представить мнѣ мое воображеніе, — всякій внимательный читатель будетъ, безъ сомнѣнія, пораженъ безмѣрностью пространства, раздѣляющаго эти два состоянія. Въ этой медленной послѣдовательности событій онъ найдетъ рѣшеніе безконечнаго множества нравственныхъ и политическихъ задачъ, которыхъ не могутъ рѣшить наши философы. Онъ пойметъ, что родъ человѣческій въ одну эпоху — не то же, что родъ человѣческій въ другую эпоху, и что Діогенъ не могъ найти человѣка, потому что искалъ среди своихъ современниковъ человѣка временъ минувшихъ. Катонъ, — скажетъ этотъ читатель, — умеръ вмѣстѣ съ Римомъ и его свободой, потому что ему не было мѣста въ его вѣкѣ, и величайшій изъ людей лишь удивлялъ тотъ міръ, которымъ управлялъ бы пятью столѣтіями раньше. Словомъ, онъ объяснитъ себѣ, какъ душа и страсти человѣка, незамѣтно измѣняясь, пріобрѣли, такъ сказать, иную природу; почему съ теченіемъ времени стали иными предметы нашихъ потребностей и удовольствій; почему первобытный человѣкъ постепенно

исчезаетъ, и общество представляется глазамъ мудреца лишь собраніемъ искусственныхъ людей съ дѣланными страстями, которыя являются плодомъ новыхъ отношеній и не имѣютъ истиннаго основанія въ природѣ. Выводы нашихъ соображеній вполнѣ подтверждаются наблюденіемъ. Дикарь и человѣкъ цивилизованный настолько различаются по всему душевному складу своему и своимъ стремленіямъ, что одного повергло бы въ отчаяніе то, что для другого составляетъ высшее счастье. Первый помышляетъ только о спокойствіи и свободѣ: онъ желаетъ только жить и оставаться празднымъ, и даже стоическое спокойствіе духа не сравнится съ его глубокой индифферентностью ко всему окружающему. Наоборотъ, гражданинъ вѣчно дѣятеленъ; онъ работаетъ въ потѣ лица и причиняетъ себѣ всевозможныя мученія, чтобы найти занятія, еще болѣе тяжелыя; онъ трудится до самой смерти и даже идетъ ей навстрѣчу, чтобы обезпечить себѣ возможность существованія, или отказывается отъ жизни, чтобы пріобрѣсти безсмертіе; онъ заискиваетъ у вельможъ, которыхъ ненавидитъ, и у богачей, которыхъ презираетъ, и не останавливается ни передъ чѣмъ, чтобы удостоиться чести служить имъ; онъ надменно хвастается своей низостью и ихъ покровительствомъ и, гордясь своимъ рабствомъ, говоритъ съ презрѣніемъ о тѣхъ, которые лишены чести раздѣлять его. Какое зрѣлище представили бы для караиба тяжелые и завидные труды европейскаго министра. Развѣ не предпочелъ бы этотъ безпечный дикарь самую жестокую смерть ужасамъ подобной жизни, часто не смягчаемымъ даже отраднымъ сознаніемъ исполненнаго долга! Чтобы онъ могъ видѣть цѣль всѣхъ этихъ заботъ, нужно, чтобы слова *могущество* и *извѣстность* имѣли для него опредѣленный смыслъ, чтобы онъ понялъ, что есть родъ людей, придающихъ значеніе тому, какъ смотритъ на нихъ остальной міръ, умѣющихъ считать себя счастливыми и довольными на основаніи свидѣтельства другого, а не свидѣтельства собственныхъ

чувствъ. Такова истинная причина всѣхъ этихъ различій. Дикарь живетъ въ себѣ самомъ, а человѣкъ общежительный всегда внѣ самого себя; онъ можетъ жить лишь во мнѣніи другихъ, и одно только это мнѣніе даетъ ему, такъ сказать, ощущеніе его бытія. Въ мои намѣренія не входитъ объяснять, какъ развивается въ людяхъ, благодаря такимъ свойствамъ ихъ духа глубокое равнодушіе къ добру и злу, наряду съ пристрастіемъ къ высоконравственнымъ рѣчамъ, какъ все сводится къ внѣшности, все становится дѣланнымъ и притворнымъ, и честь, и дружба, и добродѣтель, а часто и самые пороки, такъ какъ люди открыли въ концѣ концовъ тайну выдавать и ихъ за особыя достоинства; короче сказать, какъ произошло то, что, привыкнувъ спрашивать у другихъ, что представляемъ мы собою, и никогда не рѣшаясь спросить объ этомъ самихъ себя, мы имѣемъ теперь, не смотря на всю нашу философію, гуманность и воспитанность, не смотря на всѣ наши высокіе принципы, одну только обманчивую и пустую внѣшность, честь безъ добродѣтели, разумъ безъ мудрости и удовольствія безъ счастья. Мнѣ достаточно доказать, что не таково первобытное состояніе человѣка, и что одно только общество и порождаемое имъ неравенство такъ измѣнили и извратили всѣ наши естественныя склонности.

Я попытался изложить исторію происхожденія и развитія неравенства, возникновенія политическихъ обществъ и злоупотребленій, которымъ открываютъ они мѣсто, насколько все это можетъ быть выведено изъ природы человѣка, при свѣтѣ одного только разума и независимо отъ священныхъ догмъ, дающихъ верховной власти санкцію божественнаго права. Изъ изложенія этого видно, что неравенство, почти ничтожное въ естественномъ состояніи, усиливается и растетъ въ зависимости отъ развитія нашихъ способностей и успѣховъ человѣческаго ума и становится, наконецъ, прочнымъ и правомѣрнымъ, благодаря возникновенію собственности

и законовъ. Изъ него слѣдуетъ далѣе, что нравственное неравенство, узаконенное однимъ только положительнымъ правомъ, противно праву естественному, поскольку оно не совпадаетъ съ неравенствомъ физическимъ. Это различіе достаточно ясно показываетъ. что должны мы думать о томъ видѣ неравенства, которое царитъ среди всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, такъ какъ естественное право, какъ бы мы его не опредѣляли, очевидно не можетъ допустить, чтобы дитя властвовало надъ старцемъ, чтобы глупецъ руководилъ мудрецомъ, и горсть людей утопала въ роскоши, тогда какъ огромное большинство народа нуждается въ самомъ необходимомъ.

Примѣчанія.

(1) Геродотъ разсказываетъ, что послѣ убіенія Лже-Смердиса семь освободителей Персіи собрались для совѣщанія о томъ, какую форму правленія слѣдуетъ установить въ государствѣ. Отанесъ рѣшительно высказался въ пользу республики. Мнѣніе это должно казаться тѣмъ болѣе страннымъ въ устахъ сатрапа, что, не говоря уже о томъ, что и самъ онъ могъ имѣть притязаніе на царскую власть, вельможи болѣе всего на свѣтѣ боятся такого устройства управленія, которое можетъ заставить ихъ относиться къ людямъ съ уваженіемъ. На слова Отанеса, какъ и слѣдовало ожидать, никто не обратилъ вниманія, и видя, что другіе собираются приступить къ избранію монарха, онъ, не желая ни повиноваться, ни властвовать, добровольно уступилъ остальнымъ претендентамъ свое право на престолъ, потребовавъ, вмѣсто всякаго вознагражденія, лишь свободы и независимости для себя и своихъ потомковъ, что и было ему предоставлено. Если бы даже Геродотъ и не сообщилъ намъ ничего объ ограниченіяхъ, какими была обставлена эта привилегія, необходимо было бы все же предположить, что таковыя существовали. Иначе Отанесъ, не признавая надъ собою никакого закона и никому не обязанный давать отчета, оказался бы всемогущимъ въ государствѣ, и даже болѣе могущественнымъ, чѣмъ самъ царь. Невѣроятно было бы,

впрочемъ, чтобы человѣкъ, способный при такихъ обстоятельствахъ удовольствоваться подобной привилегіей, склоненъ былъ злоупотреблять ею. И мы, дѣйствительно, не видимъ, чтобы право это повело хотя бы къ малѣйшимъ неурядицамъ въ государствѣ по винѣ Отанеса или его потомковъ.

(2) Съ самаго же начала я съ довѣріемъ сошлюсь на одно изъ свидѣтельствъ, особенно цѣнныхъ въ глазахъ философовъ, такъ какъ оно исходитъ отъ человѣка высоко-одареннаго и благороднаго, какихъ только они способны находить и понимать.

«Какъ ни важно для насъ знать самихъ себя, мы знаемъ, кажется, все, что угодно, другое лучше, чѣмъ себя самихъ. Такъ какъ природа снабдила насъ органами, единственное назначеніе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы служить нашему самосохраненію, то мы пользуемся ими лишь для воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній. Мы стремимся лишь распространиться во-внѣ и существовать внѣ насъ самихъ. Слишкомъ занятые умноженіемъ функцій нашихъ чувствъ и увеличеніемъ сферы внѣшнихъ проявленій нашего существа, мы рѣдко пользуемся тѣмъ внутреннимъ чувствомъ, которое сводитъ насъ къ истиннымъ предѣламъ нашего *я* и отдаляетъ отъ насъ все, что не принадлежитъ къ нему. А между тѣмъ это и есть то чувство, которымъ мы должны пользоваться, если желаемъ познать себя, единственное чувство, при помощи котораго мы могли бы судить о себѣ самихъ. Но какъ возбудить дѣятельность этого чувства, дать ему возможность проявиться во всей его силѣ? Какъ освободить душу, въ которой она таится, отъ всѣхъ заблужденій нашего разума. Мы утратили привычку прибѣгать къ ея помощи, она осталась безъ должнаго развитія среди суетолоки тѣлесныхъ чувствъ и изсушена огнемъ нашихъ страстей; сердце, умъ и чувства—все объединилось въ стремленіи вредить ей» (Buffon: «Hist. Nat». De la nature de l'homme).

(3) Измѣненія, которыя должна была произвести въ тѣлосложеніи человѣка долгая привычка ходить на двухъ ногахъ, сходство, замѣчаемое между его руками и передними ногами четвероногихъ, наблюденія надъ ихъ манерой ходить — все это можетъ возбудить сомнѣнія относительно того, какой способъ двигаться долженъ быть признанъ болѣе естественнымъ для человѣка. Всѣ дѣти ходятъ сначала на четверенькахъ и нуждаются въ нашемъ примѣрѣ и нашихъ урокахъ, чтобы пріучиться стоять выпрямившись. — Нѣкоторые дикіе народы, какъ напримѣръ, готтентоты, мало заботясь о своихъ дѣтяхъ, позволяютъ имъ такъ долго ходить на четверенькахъ, что потомъ имъ стоитъ большого труда отучить ихъ отъ этого. Существуетъ нѣсколько примѣровъ четвероногихъ людей. Я могу, между прочимъ, указать на ребенка, найденнаго въ 1344 г. въ Гессенѣ. Онъ былъ вскормленъ волками и говорилъ впослѣдствіи при дворѣ ландграфа Генриха, что предпочелъ бы, если бы это отъ него зависѣло, вернуться къ своимъ волкамъ, а не жить среди людей. Онъ настолько привыкъ ходить, какъ эти животныя, что нужно было привязывать къ нему деревянныя дощечки, чтобы заставить его стоять и сохранять равновѣсіе на двухъ ногахъ. То же было съ ребенкомъ, найденнымъ въ 1694 г. въ лѣсахъ Литвы и жившимъ среди медвѣдей. Онъ не обнаруживалъ, — говоритъ де-Кондильякъ, — никакихъ признаковъ разсудка, ходилъ на четверенькахъ, не умѣлъ говорить и издавалъ звуки, нисколько не напоминавшіе человѣческую рѣчь. Маленькій ганноверскій дикарь, котораго привели очень давно къ англійскому двору, лишь съ величайшимъ трудомъ могъ заставить себя ходить на двухъ ногахъ, а въ 1719 въ Пиренеяхъ нашли двухъ другихъ дикарей, которые бѣгали по горамъ совершенно такъ же, какъ четвероногія животныя. Могутъ возразить, что, ходя на четверенькахъ, люди должны были бы отказаться отъ возможности пользоваться руками, которая даетъ намъ такія преимуще-

ства, но—не говоря о томъ, что примѣръ обезьянъ показываетъ, что руками можно прекрасно пользоваться двоякимъ способомъ,—это доказывало бы только то, что человѣкъ можетъ дать членамъ своего тѣла болѣе выгодное назначеніе, чѣмъ дала имъ природа, а не то, что природа желала, чтобы человѣкъ ходилъ не такъ, какъ она его учитъ.

Мнѣ кажется, однако, что можно привести гораздо болѣе вѣскіе доводы въ пользу того, что человѣкъ—существо двуногое. Во-первыхъ, если бы удалось доказать, что строеніе человѣческаго тѣла могло быть первоначально инымъ и лишь впослѣдствіи стать такимъ, какимъ мы его видимъ, то этого было недостаточно еще, чтобы заключить, что такъ оно и произошло въ дѣйствительности, и, доказавъ возможность этихъ измѣненій, нужно было бы еще доказать, по крайней мѣрѣ, ихъ вѣроятность. Сверхъ того, если руки человѣка могли, повидимому, такъ же служить ему, въ случаѣ надобности для передвиженія, какъ и ноги, то это единственное наблюденіе, благопріятное разсматриваемому взгляду, наряду со множествомъ, ему противорѣчащихъ. Важнѣйшими изъ нихъ являются слѣдующія. Голова человѣка такъ соединена съ туловищемъ, что, если бы онъ ходилъ на четверенькахъ, — взоры его не имѣли бы горизонтальнаго направленія, какъ у всѣхъ другихъ животныхъ и у него самого, когда онъ стоитъ на двухъ ногахъ, а устремлялись бы прямо въ землю, что очень мало благопріятствовало бы, конечно, сохраненію индивидуума. Хвостъ, котораго нѣтъ у человѣка, и который не нуженъ ему, когда онъ ходитъ на двухъ ногахъ, очень полезенъ четвероногимъ, и ни одно изъ нихъ не лишено его. Молочныя железы женщины помѣщено очень удобно для нея, какъ для существа двуногого, такъ какъ она можетъ держать дитя свое на рукахъ, но ни у одного четвероногаго сосцы не находятся на этомъ мѣстѣ, такъ какъ это было бы очень для нихъ неудобно. Ходя на четверенькахъ, намъ пришлось бы, въ виду

того, что заднія ноги были бы слишкомъ длинны, въ сравненіи съ передними, ползать на колѣняхъ, и, слѣдовательно, человѣкъ представлялъ бы собою въ общемъ животное, непропорціонально сложенное и плохо приспособленное къ ходьбѣ. Если бы онъ ставилъ ступню плашмя, какъ и ладонь руки, то его заднія ноги имѣли бы однимъ суставомъ менѣе, чѣмъ ноги другихъ животныхъ, а если бы онъ становился на землю только концомъ ступни, что и пришлось бы ему, безъ сомнѣнія, дѣлать, то предплюсна, помимо того, что она состоитъ изъ многихъ костей, была бы слишкомъ толста, а сочлененія, соединяющія ее съ плюсневыми костями и берцовой костью, лежали бы на слишкомъ близкомъ разстояніи одно отъ другого, чтобы ноги человѣка могли имѣть такую же гибкость, какъ у другихъ животныхъ.

Примѣръ дѣтей, находящихся въ томъ возрастѣ, когда естественныя силы еще не развиты, а члены не окрѣпли, ровно ничего не доказываетъ, и я могъ бы съ такимъ же правомъ сказать, что собаки не должны ходить, такъ какъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль послѣ рожденія, онѣ только ползаютъ.

Частные факты значатъ очень мало, въ сравненіи съ тѣмъ, что встрѣчаемъ мы у всѣхъ людей, хотя бы они принадлежали къ тѣмъ племенамъ, которыя, не имѣя никакихъ сношеній съ другими народами, ничего не могли отъ нихъ позаимствовать. Ребенокъ, покинутый въ лѣсу, прежде чѣмъ онъ научился ходить, и вскормленный какимъ-нибудь животнымъ, будетъ подражать примѣру своей кормилицы и пытаться ходить такъ же, какъ она. Привычка можетъ дать ему сноровку, которой не обладаетъ онъ отъ природы, и, какъ безрукіе научаются благодаря долгимъ упражненіямъ дѣлать ногами то же, что дѣлаемъ мы руками, такъ и онъ пріучится пользоваться руками для той же цѣли, для которой пользуемся мы ногами.

(4) Если среди моихъ читателей найдутся настолько мало знакомые съ естественными науками, чтобы затруднять меня своими сомнѣніями относительно предполагаемаго мною естественнаго плодородія земли, то я отвѣчу имъ слѣдующимъ мѣстомъ изъ «Естественной исторіи» Бюффона:

«Такъ какъ растенія извлекаютъ гораздо больше пищи изъ воздуха и воды, чѣмъ изъ земли, то, изгнивая, они возвращаютъ землѣ больше, чѣмъ получаютъ отъ нея. Кромѣ того, лѣсъ, задерживая испаренія, заставляетъ глубже проникать дождевую воду, и въ лѣсу, который долго сохраняютъ, не вырубая, слой земли, благопріятной для размноженія растеній, долженъ значительно увеличиваться. Но животныя возвращаютъ землѣ меньше, чѣмъ берутъ у нея, а люди уничтожаютъ огромное количество лѣсныхъ деревьевъ и другихъ растеній для сожиганія ихъ и другихъ надобностей, и потому слой плодородной земли въ населенной странѣ долженъ постоянно уменьшаться, пока почва не станетъ такою же, какъ въ каменистой Аравіи и другихъ провинціяхъ Востока — страны населенной раньше всѣхъ остальныхъ, — гдѣ она состоитъ лишь изъ соли и песковъ, такъ какъ соль, находящаяся въ растеніяхъ и животныхъ, остается, прочія же составныя части разсѣиваются въ воздухѣ». (Preuves de la théorie de la Terre, art. 7).

Къ этому можно прибавить, въ качествѣ фактическаго доказательства, указаніе на то, что почти всѣ необитаемые острова, открытые въ теченіе послѣднихъ столѣтій, изобиловали всевозможной растительностью, а исторія сообщаетъ намъ объ огромныхъ лѣсахъ, которые приходилось вырубать по всей землѣ, по мѣрѣ того какъ она населялась и цивилизовалась. Кромѣ того, я присоединю еще три слѣдующія замѣчанія: во-первыхъ, изъ всѣхъ растеній, возмѣщающихъ почвѣ, по указанію Бюффона, тѣ необходимыя для растительности вещества, которыя теряетъ она, благодаря животнымъ, на первомъ мѣстѣ нужно поставить лѣсныя деревья,

которыя, вслѣдствіе своей высоты и густолиственности, собираютъ и впитываютъ въ себя больше воды и паровъ, чѣмъ всѣ другія растенія; во-вторыхъ, ухудшеніе почвы, выражающееся въ убыли необходимыхъ для растеній веществъ, должно ускоряться по мѣрѣ того, какъ все большее пространство земли подвергается обработкѣ, а ея жители, съ развитіемъ промышленности, уничтожаютъ все большее и большее количество различныхъ ея произведеній. Третье и самое важное замѣчаніе состоитъ въ томъ, что плоды деревьевъ доставляютъ животнымъ болѣе обильную пищу, чѣмъ всѣ остальныя растенія. Къ этому выводу я пришелъ путемъ собственныхъ наблюденій, сравнивая произведенія двухъ одинаковыхъ по размѣрамъ и качеству участковъ земли, изъ которыхъ одинъ былъ засаженъ каштановыми деревьями, а другой засѣянъ хлѣбомъ.

(5) Наиболѣе общими признаками, отличающими плотоядныхъ четвероногихъ отъ остальныхъ животныхъ этой группы, являются форма зубовъ и устройство кишечника. Животныя, питающіяся только растеніями (лошадь, быкъ, овца, заяцъ и др.), имѣютъ плоскіе зубы, у плотоядныхъ же (у кошки, собаки, волка, лисицы и др.) они заострены. Что касается кишекъ, то у питающихся растительной пищей есть нѣсколько такихъ (какъ напримѣръ, ободочная кишка), какихъ нѣтъ у плотоядныхъ. Человѣкъ, имѣющій такіе же зубы и такую же кишечную систему, какъ животныя, питающіяся плодами, долженъ быть, повидимому, причисленъ къ ихъ классу. Мнѣніе это подтверждается не одними только анатомическими наблюденіями: ему очень благопріятны и памятники древней литературы. «Дикеархъ,—говоритъ св. Іеронимъ,—сообщаетъ въ своихъ «Греческихъ древностяхъ», что въ царствованіе Сатурна, когда земля была еще плодородной безъ всякой обработки, ни одинъ человѣкъ не ѣлъ мяса, а всѣ питались плодами и овощами, произраставшими въ дикомъ состояніи» (Lib. II, adv. Jovinian.). Мнѣніе это имѣетъ за себя и сообщенія многихъ современ-

ныхъ путешественниковъ. Такъ Франциск Корреаль говоритъ, между прочимъ, что жители Лукійскихъ о-вовъ, переселенные испанцами на о-ва Кубу и С. Доминго и въ др. мѣста,—умирали, когда пробовали ѣсть мясо. Отсюда видно, что я пренебрегаю многими преимуществами, которыми могъ бы воспользоваться. Такъ какъ добыча—почти единственный поводъ къ столкновеніямъ между плотоядными животными, а травоядныя живутъ всегда въ мирѣ, то очевидно, что роду человѣческому, если онъ принадлежалъ къ послѣдней группѣ, легче было существовать въ естественномъ состояніи, и что въ такомъ случаѣ у него должно было быть гораздо меньше нужды и поводовъ его покинуть.

(6) Всѣ знанія, требующія размышленій, всѣ знанія, пріобрѣтаемыя посредствомъ сочетанія понятій и развивающіяся лишь постепенно, совершенно недоступны, повидимому, уму дикаря, вслѣдствіе отсутствія у него общенія съ ему подобными, т. е. вслѣдствіе отсутствія орудія этого общенія и потребностей, дѣлающихъ его необходимымъ. Его знанія и промыслы ограничиваются умѣніемъ прыгать, бѣгать, драться, метать камни и взлѣзать на деревья. Но если ему извѣстны только эти искусства, то они извѣстны ему зато гораздо лучше, чѣмъ намъ, потому что мы меньше его въ нихъ нуждаемся. Такъ какъ они зависятъ только отъ тѣлесныхъ упражненій и не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя передаются отъ одного индивидуума къ другому и совершенствуются путемъ такой передачи, то и первый человѣкъ можетъ сдѣлать въ нихъ такіе же успѣхи, какъ и отдаленнѣйшіе его потомки.

Сообщенія путешественниковъ полны примѣрами силы и мужества людей, живущихъ въ дикомъ и полудикомъ состояніи. Почти не меньше превозносятъ они ихъ ловкость и проворство, и такъ какъ наблюдать всѣ эти вещи можетъ всякій, у кого есть глаза, то нѣтъ основанія не вѣрить въ этомъ случаѣ показаніямъ очевидцевъ. Я приведу нѣсколько взятыхъ на удачу примѣровъ изъ первыхъ попавшихся мнѣ подъ руку книгъ.

«Готтентоты,—говоритъ Кольбенъ,—болѣе искусны въ рыбной ловлѣ, чѣмъ живущіе въ Капской области европейцы. Одинаково успѣшно занимаются они этимъ промысломъ съ сѣтями, удочкой и острогой, какъ въ морскихъ бухтахъ, такъ и въ рѣкахъ. Не менѣе ловко ловятъ они рыбу руками. Плаваютъ они безподобно, а манера плавать ихъ удивительна и совершенно своеобразна. Во время плаванія они держатъ тѣло въ вертикальномъ положеніи, а руки высунутыми изъ воды, такъ что можно подумать, что они идутъ по-суху. Во время самаго сильнаго волненія, когда по морю ходятъ волны, высотой съ гору, они какъ бы пляшутъ на гребняхъ волнъ, поднимаясь и опускаясь вмѣстѣ съ ними, какъ кусокъ пробки».

«Готтентоты,—говоритъ далѣе тотъ же авторъ,—отличаются удивительной ловкостью на охотѣ, а легкость ихъ въ бѣгѣ превосходитъ всякое воображеніе». Онъ удивляется, что они не пользуются чаще своимъ проворствомъ ко вреду тѣхъ, кому приходится имѣть съ ними дѣло, что иногда, впрочемъ, случается, какъ видно изъ приводимаго имъ примѣра: «Одинъ голландскій матросъ, высадившійся у мыса Доброй Надежды, поручилъ готтентоту донести вслѣдъ за нимъ до города свертокъ табаку, фунтовъ въ двадцать. Когда они отошли на нѣкоторое разстояніе отъ оставшихся на берегу, готтентотъ спросилъ голландца, умѣетъ ли онъ бѣгать.—«Бѣгать?—отвѣтилъ тотъ,—конечно умѣю, и даже очень хорошо» -- Посмотримъ!—сказалъ туземецъ и, пустившись бѣжать вмѣстѣ съ табакомъ, почти немедленно скрылся изъ глазъ. Пораженный такой удивительной быстротой бѣга, матросъ и не подумалъ его преслѣдовать, и не видалъ уже больше ни табака, ни носильщика.

«Они отличаются такой зоркостью взгляда и вѣрностью руки, до которыхъ далеко европейцамъ. На разстояніи сотни шаговъ они попадаютъ камнемъ въ цѣль, величиною въ въ полъ-су, и всего удивительнѣе то, что

при этомъ они не останавливаютъ подобно намъ взгляда на предметѣ, въ который цѣлятся, а все время находятся въ движеніи и дѣлаютъ всевозможныя ужимки. Можно подумать, что камень ихъ несетъ невидимая рука».

Патеръ дю-Тетръ говоритъ о дикаряхъ Антильскихъ о-вовъ почти то же, что Кольбенъ о готтентотахъ. Особенно превозноситъ онъ мѣткость, съ какой поражаютъ они своими стрѣлами птицъ на лету и плавающую рыбу, которую достаютъ затѣмъ, ныряя за ней въ воду. Сѣверо-американскіе дикари не меньше славятся своей силой и ловкостью; а вотъ примѣръ, который можетъ дать понятіе о томъ, въ какой мѣрѣ обладаютъ этими качествами индѣйцы Южной Америки.

Въ 1746 г. одинъ индѣецъ изъ Буэносъ-Айреса, приговоренный къ работамъ на галерахъ въ Кадиксѣ, предложилъ губернатору выкупить свою свободу, подвергнувъ риску свою жизнь во время общественнаго празднества. Онъ вызвался напасть одинъ-на-одинъ на самаго яростнаго быка, безъ иного оружія въ рукахъ, кромѣ веревки, повалить его на землю, связать его веревкой такъ, какъ ему укажутъ, осѣдлать его, взнуздать, сѣсть на него верхомъ, вступить затѣмъ въ сраженіе съ двумя другими разъяренными быками, которыхъ выпустятъ изъ торилью, и убить ихъ одного за другимъ въ ту минуту, когда будетъ ему это приказано. Просьба его была удовлетворена. Индѣецъ сдержалъ слово и исполнилъ все, что обѣщалъ. О томъ, какъ совершилъ онъ все это, и о подробностяхъ сраженія можно справиться на стр. 262 перваго тома «Observations sur l'Histoire naturelle» Готье.

(7) «Продолжительность жизни лошадей,—говоритъ Бюффонъ,—находится, какъ и у всѣхъ другихъ животныхъ, въ соотвѣтствіи съ временемъ ихъ роста. Человѣкъ, растущій до пятнадцати лѣтъ, можетъ жить въ шесть или семь разъ дольше, т.-е. до 80 или 90 лѣтъ. Лошадь, время роста которой равняется четыремъ годамъ, можетъ жить въ шесть или семь разъ дольше,

т. е. до двадцати пяти или тридцати лѣтъ. Примѣры, противорѣчащіе этому правилу, настолько рѣдки, что въ нихъ не слѣдуетъ видѣть исключенія, на которыхъ можно было бы основать какіе-нибудь выводы. Такъ какъ простыя лошади растутъ быстрѣе, чѣмъ породистыя, то и живутъ онѣ меньше и старѣютъ уже къ четырнадцати годамъ». (Hist. Nat., Du cheval).

(8) Мнѣ кажется, что между животными плотоядными и питающимися растительной пищей существуетъ различіе, еще болѣе общее, чѣмъ указанное мною въ примѣчаніи 5, такъ какъ оно распространяется и на птицъ. Это различіе состоитъ въ числѣ дѣтенышей, которое никогда не превышаетъ двухъ въ одномъ пометѣ у животныхъ, питающихся растеніями, и бываетъ обыкновенно болѣе значительнымъ у животныхъ плотоядныхъ. Въ этомъ отношеніи легко узнать намѣренія природы по числу сосцовъ. Ихъ никогда не бываетъ болѣе двухъ паръ у самокъ животныхъ перваго вида, какъ напр., у кобылы, коровы, козы, лани, овцы и т. д., и всегда шесть или восемь паръ у самокъ остальныхъ, какъ напр., у самокъ собаки, кошки, волка, тигра и т. д. Курица, гусь, утка, — птицы, такъ же охотно питающіяся животной пищей, какъ и орелъ, ястребъ и сова, кладутъ и высиживаютъ большое число яицъ, тогда какъ голубь, горлица и птицы, питающіяся исключительно зернами, почти никогда не кладутъ и не высиживаютъ болѣе двухъ яицъ за одинъ разъ. Причину этого различія можно видѣть въ томъ, что животныя, питающіяся травой и иными растеніями, проводятъ почти весь день въ поѣданіи пищи и потому не могутъ кормить многихъ дѣтенышей, между тѣмъ какъ плотоядныя насыщаются въ очень короткое время и могутъ безъ труда часто возвращаться къ дѣтенышамъ, а затѣмъ снова уходить на охоту и вознаграждать себя такимъ образомъ за большой расходъ молока. Все это требуетъ спеціальныхъ наблюденій и размышленій, но здѣсь имъ не мѣсто, и мнѣ достаточно указать на

этотъ наиболѣе общій порядокъ, установленный природой, въ которомъ мы можемъ видѣть новое основаніе выдѣлить человѣка изъ класса плотоядныхъ животныхъ и отнести его къ видамъ, питающимся растительной пищей.

(9) Одинъ знаменитый писатель, перечисливъ хорошія и дурныя стороны человѣческой жизни и сравнивъ оба итога, нашелъ, что послѣдній значительно превышаетъ первый, и что жизнь въ общемъ является для человѣка подаркомъ сомнительной цѣнности. Я не удивляюсь такому заключенію, такъ какъ онъ имѣлъ въ виду только организацію человѣка, живущаго въ обществѣ, и можно думать, что, углубившись до человѣка въ естественномъ состояніи, онъ пришелъ бы къ совершенно инымъ результатамъ. Онъ замѣтилъ бы, вѣроятно, что у человѣка почти нѣтъ иныхъ несчастій, кромѣ тѣхъ, которыя онъ самъ себѣ причинилъ, и природа была бы такимъ образомъ оправдана. Сдѣлать себя столь глубоко несчастными намъ стоило не малыхъ усилій. Если съ одной стороны бросить взглядъ на безмѣрный трудъ, затраченный людьми, на разработанныя ими науки, изобрѣтенныя ими искусства, на приведенныя въ дѣйствіе силы, засыпанныя пропасти, срытыя горы, снесенныя скалы, на сдѣланныя судоходными рѣки, распаханныя земли, вырытыя озера, осушенныя болота, огромныя зданія, воздвигнутыя на сушѣ, и корабли съ многочисленными командами матросовъ на морѣ, а съ другой стороны взвѣсить повнимательнѣе проистекающія изъ всего этого преимущества для счастія человѣческаго рода, то нельзя не быть пораженнымъ несоотвѣтствіемъ между тѣмъ и другимъ и не проникнуться сожалѣніемъ къ ослѣпленію человѣка, заставляющему его въ угоду свойственной ему безумной гордости и какому-то пустому самообожанію неудержимо стремиться навстрѣчу всему, что только можетъ сдѣлать его несчастнымъ и что заботливо отдалила отъ него благодѣтельная природа.

Люди — злы. Печальный повседневный опытъ избавляетъ насъ отъ необходимости доказывать это положеніе. А между тѣмъ отъ природы человѣкъ добръ; я полагаю, что мнѣ удалось доказать это. Что же могло такъ извратить его духовную природу, если не измѣненія, которымъ подверглась его организація, не успѣхи его на пути прогресса и пріобрѣтенныя имъ знанія. Какъ бы ни восхищались вы человѣческимъ обществомъ, все же остается несомнѣнной истиной, что оно неизбѣжно заставляетъ людей ненавидѣть другъ друга, приводя въ столкновеніе ихъ интересы, и заставляетъ ихъ оказывать другъ другу призрачныя услуги и причинять на дѣлѣ всевозможныя несчастія. Что должны мы думать о такомъ общеніи, гдѣ разумъ каждаго частнаго лица подсказываетъ ему правила, прямо противоположныя тѣмъ, которыя коллективный общественный разумъ внушаетъ всему общественному союзу. гдѣ каждый видитъ для себя выгоду въ несчастіи другого? Нѣтъ, быть можетъ, ни одного состоятельнаго человѣка, которому алчные наслѣдники, и часто даже его собственныя дѣти не желали-бы тайкомъ смерти, ни одного судна на морѣ, извѣстіе о крушеніи котораго не было бы пріятной новостью для какого-нибудь купца, ни одного дома, котораго не желалъ бы видѣть въ пламени вмѣстѣ со всѣми, находящимися въ немъ бумагами, какой-нибудь недобросовѣстный должникъ; ни одного народа, который не радовался бы несчастьямъ своихъ сосѣдей. Намъ оказываются выгодными невзгоды нашихъ ближнихъ, и проигрышъ одного почти всегда способствуетъ благосостоянію другого. Но еще ужаснѣе то, что общественныя бѣдствія являются предметомъ ожиданій и надеждъ множества частныхъ лицъ. Однимъ нужны болѣзни, другимъ моръ, третьимъ война, четвертымъ голодъ. Я видѣлъ чудовищныхъ людей, которые плакали отъ горя, узнавъ о предстоящемъ урожаѣ, а огромный и ужасный лондонскій пожаръ, лишившій жизни и иму-

щества столькихъ несчастныхъ, обогатилъ, быть можетъ, больше десяти тысячъ человѣкъ. Монтэнь порицаетъ, какъ извѣстно, аѳинянина Демада, добившагося наказанія гробовщика, который продавалъ слишкомъ дорого свои гробы и наживался на смерти своихъ согражданъ, но соображеніе, на которомъ онъ основывается при этомъ, а именно то, что въ такомъ случаѣ пришлось бы наказывать всѣхъ людей поголовно, очевидно, только подтверждаетъ соображенія, высказанныя мною. Загляните, не обольщаясь пустыми изъявленіями благожелательности, въ глубину сердецъ и подумайте о томъ, что долженъ представлять собой тотъ строй жизни, при которомъ люди принуждены расточать другъ другу ласки и въ то же время готовить другъ другу гибель, при которомъ они рождаются врагами по обязанности и плутами изъ расчета. Если мнѣ скажутъ, что общество такъ устроено, что каждому выгодно служить другимъ, то я отвѣчу, что это было бы очень хорошо, если бы только для него не являлось еще болѣе выгоднымъ, вредить имъ. Нѣтъ законной выгоды, которая не превышалась бы выгодой незаконной, и вредъ, причиненный ближнему, всегда приноситъ большій доходъ, чѣмъ оказанныя ему услуги. Остается только найти средство обезпечить себѣ безнаказанность, и для достиженія этой цѣли могущественные пускаютъ въ ходъ всю свою силу, а слабые всю свою хитрость.

Дикарь, когда ему удалось пообѣдать, — въ мирѣ со всей природой и другъ ему подобнымъ. Если ему приходится порой оспаривать пищу у другого, онъ не вступитъ въ драку, не сравнивъ предварительно трудность побѣды съ трудностью отыскать пищу въ другомъ мѣстѣ, и такъ какъ гордость не играетъ роли въ сраженіи, то дѣло ограничивается нѣсколькими ударами кулака. Побѣдитель ѣстъ, побѣжденный идетъ искать счастья, и миръ воцаряется снова. Не такова жизнь человѣка въ обществѣ. Ему нужно сперва добыть необходимое, а потомъ лишнее;

затѣмъ начинается погоня за удовольствіями, затѣмъ за безмѣрными богатствами, затѣмъ за подвластными, затѣмъ за рабами. У него нѣтъ ни минуты отдыха; и всего болѣе странно то, что чѣмъ менѣе естественны и насущны потребности, тѣмъ сильнѣе разгораются страсти и — еще хуже — тѣмъ легче удовлетворять ихъ. И послѣ длиннаго ряда удачъ, поглотивъ множество сокровищъ и обездоливъ множество людей, нашъ герой начнетъ истреблять всѣхъ окружающихъ, пока не останется единственнымъ повелителемъ вселенной. Такова въ общихъ чертахъ нравственная картина, если не жизни человѣческой, то, по крайней мѣрѣ, тайныхъ сердечныхъ притязаній цивилизованнаго человѣка.

Сравните безпристрастно состояніе гражданина съ состояніемъ дикаря и, оставивъ покамѣстъ въ сторонѣ черствость характера перваго изъ нихъ. его потребности и несчастія, разочтите, если можете, сколько новыхъ дверей открылъ онъ страданіямъ и смерти. Если вы вспомните объ изнуряющихъ насъ душевныхъ терзаніяхъ, о подрывающихъ наши физическія и нравственныя силы бурныхъ страстяхъ, о чрезмѣрномъ трудѣ бѣдняковъ и еще болѣе опасной изнѣженности богатыхъ, заставляющихъ однихъ умирать отъ нужды, а другихъ отъ излишествъ; если вы подумаете о чудовищной смѣси различныхъ веществъ, изъ которой состоитъ наша пища, о вредныхъ приправахъ, объ испорченныхъ припасахъ, о фальсифицированныхъ лекарствахъ, о плутняхъ тѣхъ, которые ими торгуютъ, и ошибкахъ тѣхъ, которые ихъ прописываютъ, о ядовитыхъ свойствахъ сосудовъ, въ которыхъ ихъ приготовляютъ; если вы примете во вниманіе эпидемическія болѣзни, порождаемыя дурнымъ воздухомъ въ мѣстахъ со скученнымъ населеніемъ, болѣзни, вызываемыя изнѣженностью нашего образа жизни, постоянными переходами изъ теплыхъ помѣщеній на открытый воздухъ и обратно, привычкой одѣвать и снимать платье безъ должныхъ предосторожностей и всѣми заботами.

которыя сдѣлала настолько необходимыми наша чрезмѣрная чувствительность, что пренебреженіе ими или отсутствіе ихъ часто стоятъ намъ жизни или здоровья; если вы присоедините къ этому итогу пожары и землетрясенія, которые, испепеляя и разрушая цѣлые города, губятъ тысячами ихъ жителей; словомъ, если вы окинете однимъ взглядомъ опасности, которыя безпрестанно нагромождаютъ всѣ эти причины надъ нашими головами, то вы поймете, какъ дорого заставляетъ насъ расплачиваться природа за то, что мы пренебрегаемъ ея наставленіями.

Я не стану повторять здѣсь того, что сказалъ уже въ другомъ мѣстѣ о войнѣ. Но хорошо было бы, если бы освѣдомленные люди пожелали или отважились хоть разъ огласить во всѣхъ подробностяхъ злодѣянія, совершаемыя въ арміяхъ поставщиками съѣстныхъ припасовъ и содержателями госпиталей. Тогда всякому было бы видно, что ихъ плохо скрытыя продѣлки, благодаря которымъ самыя блестящія арміи таютъ быстрѣе воска, губятъ больше солдатъ, чѣмъ оружіе непріятеля. Не менѣе внушительныя цифры далъ бы подсчетъ людей погибающихъ ежегодно на морѣ отъ голода, цынги, нападеній пиратовъ, огня и кораблекрушеній. Ясно также, что надо отнести на счетъ существованія собственности, а слѣдовательно и общества, убійства, отравленія, грабежи на большихъ дорогахъ и даже наказанія за эти преступленія, наказанія, необходимыя для предупрежденія еще большаго зла, но отнимающія за убійство одного человѣка жизнь у другого или у нѣсколькихъ другихъ, а потому удваивающія на дѣлѣ размѣръ убыли въ человѣческомъ родѣ. Сколько омерзительныхъ средствъ помѣшать рожденію людей и обмануть природу! Къ этой цѣли ведутъ и отвратительныя, противоестественныя склонности, оскорбляющія прекраснѣйшее созданіе природы, склонности, совершенно неизвѣстныя ни дикарямъ, ни животнымъ и обязанныя своимъ возникновеніемъ только развращенному вообра-

женію цивилизованнаго человѣка; къ ней ведутъ и тайные искусственные выкидыши, достойные плоды разврата и извращенныхъ понятій о чести; къ ней ведутъ и оставленіе безъ помощи или умерщвленіе множества дѣтей, жертвъ нищеты ихъ родителей или ложнаго и дикаго стыда ихъ матерей; къ ней ведетъ, наконецъ, и изувѣченіе тѣхъ несчастныхъ, часть жизни которыхъ и все потомство приносятся въ жертву прихотливому вкусу любителей пѣнія или—еще хуже—чудовищной ревности нѣкоторыхъ мужчинъ. Въ послѣднемъ случаѣ это изувѣченіе является двойнымъ поруганіемъ природы, въ виду того отношенія, какое встрѣчаютъ къ себѣ тѣ, которые ему подверглись, и тѣхъ обязанностей, для которыхъ они предназначаются.

Но не видимъ ли мы тысячи случаевъ, болѣе частыхъ и опасныхъ, когда родительскія права явно становятся въ разрѣзъ съ требованіями гуманности. Сколько дарованій и стремленій загублено и подавлено безразсуднымъ самовластіемъ отцовъ! Сколько мы видимъ людей, которые могли бы выдвинуться на подходящемъ для нихъ поприщѣ и умираютъ несчастными и безславными, служа дѣлу, къ которому не чувствуютъ никакого призванія. Сколько счастливыхъ, хоть и неравныхъ, браковъ было расторгнуто или расшатано, сколько было обезчещено вѣрныхъ и любящихъ супругъ благодаря господствующему строю отношеній, имѣющему такъ мало общаго съ естественнымъ! Сколько нелѣпыхъ союзовъ заключено по расчету, вопреки требованіямъ любви и разума! Сколько честныхъ и добродѣтельныхъ супруговъ отравляютъ другъ другу жизнь, потому что другъ къ другу не подходятъ! Сколько юныхъ и несчастныхъ жертвъ скупости ихъ родителей бросаются въ объятія порока или влачатъ въ слезахъ печальное существованіе, томясь въ нерасторжимыхъ узахъ, ненавистныхъ сердцу и связанныхъ однимъ только золотомъ! Сколь счастливыми можемъ назвать мы порою тѣхъ, которыя были настолько мужественны или даже настолько добро-

дѣтельны, чтобы лишить себя жизни, прежде чѣмъ дикое насиліе заставило ихъ проводить ее въ преступленіяхъ и отчаяніи! Простите мнѣ, безутѣшные отцы и матери, мнѣ больно отягчать вашу скорбь; но пусть послужитъ она вѣчнымъ и страшнымъ примѣромъ всякому, кто осмѣливается, во имя природы, насиловать одно изъ священнѣйшихъ ея правъ.

Если я говорилъ только о неудачно-составленныхъ союзахъ, являющихся плодомъ нашего общественнаго строя, то значитъ ли это, что тѣ, при заключеніи которыхъ главную роль играли любовь и симпатія, не имѣютъ своей тѣневой стороны? Что, если бы я вздумалъ показать, какимъ опасностямъ подвергается родъ человѣческій въ самомъ своемъ источникѣ, въ священнѣйшемъ изъ всѣхъ союзовъ. Мы не рѣшаемся слушаться голоса природы, не подумавъ предварительно о благосостояніи, и уродливая организація гражданскаго общества такъ перемѣшала добродѣтели и пороки, что воздержаніе стало мѣрой предупрежденія преступленій, а отказъ дать жизнь себѣ подобному — актомъ человѣколюбія! Но не будемъ поднимать завѣсу, скрывающую столько ужасовъ, и удовольствуемся указаніемъ на зло, предоставивъ другимъ отыскать средства его исцѣленія.

Прибавьте къ этому множество вредныхъ производствъ, сокращающихъ жизнь и разрушающихъ здоровье, каковы, напримѣръ, работы въ рудникахъ и обработка различныхъ металловъ и минераловъ, особенно же свинца, мѣди, ртути, кобальта, мышьяка и реальгара; цѣлый рядъ иныхъ опасныхъ ремеслъ, ежедневно отнимающихъ жизнь у множества рабочихъ (а таковы занятія кровельщиковъ, плотниковъ, каменотесовъ и работающихъ въ каменоломняхъ); примите все это во вниманіе, говорю я, и вы увидите въ возникновеніи и развитіи обществъ причину подмѣченнаго не однимъ философомъ уменьшенія численности человѣческаго рода.

Роскошь, развитіе которой невозможно предупредить тамъ, гдѣ люди гонятся за удобствами и почетомъ,

скоро доводитъ до крайнихъ предѣловъ то зло, начало которому положено возникновеніемъ общества. Оправдываемая обыкновенно тѣмъ, что она доставляетъ заработокъ бѣднякамъ,—которыхъ, по настоящему, не должно было бы вовсе существовать, — она разоряетъ всѣхъ остальныхъ и липаетъ рано или поздно государство населенія.

Роскошь—средство, гораздо болѣе опасное, чѣмъ то зло, которое она будто бы исцѣляетъ, и сама по себѣ является худшимъ изъ золъ, какія могутъ существовать въ государствѣ, будь оно большимъ или малымъ. Чтобы кормить толпы слугъ и нищихъ, которыхъ она сама же размножаетъ, она угнетаетъ и разоряетъ земледѣльца и гражданина, и подобна въ этомъ отношеніи знойному южному вѣтру, который, покрывая траву и деревья прожорливыми насѣкомыми, лишаетъ пищи полезныхъ животныхъ и несетъ съ собою голодъ и смерть всюду, куда проникаетъ его дыханіе.

Благодаря обществу и порождаемой имъ роскоши возникаютъ свободныя и механическія искусства, торговля, литература и множество иныхъ безполезныхъ вещей, способствующихъ процвѣтанію промышленности, обогащающихъ и разрушающихъ государства. Причина этой гибели очень не сложна. Не трудно видѣть, что земледѣліе по природѣ своей должно быть наименѣе прибыльнымъ изъ всѣхъ промысловъ, такъ какъ продукты его болѣе всего необходимы людямъ, и слѣдовательно, цѣна на нихъ должна соотвѣтствовать платежнымъ силамъ наиболѣе бѣдныхъ. На этомъ же принципѣ можно основать то правило, что доходность промысловъ въ общемъ должна быть обратно-пропорціональна ихъ полезности, что наиболѣе полезные изъ нихъ должны оказаться въ концѣ концовъ въ наибольшемъ пренебреженіи. Отсюда видно, что должны мы думать объ истинной пользѣ, приносимой промышленностью, и о дѣйствительныхъ результатахъ ея прогресса.

Таковы очевидныя причины всѣхъ бѣдствій, въ ко-

торыя повергаетъ въ концѣ концовъ богатство наиболѣе прославившіеся народы. По мѣрѣ того какъ развиваются и достигаютъ процвѣтанія промышленность и искусства, земледѣлецъ становится все болѣе презираемымъ; подавленный налогами, необходимыми для поддержанія роскоши, осужденный на тяжелый трудъ и вѣчный голодъ, онъ бросаетъ свои поля и идетъ въ города искать хлѣба, который онъ долженъ былъ бы доставлять туда. Чѣмъ больше ослѣпляютъ столицы взоры безсмысленной черни, тѣмъ болѣе должно скорбѣть душою при видѣ покинутыхъ деревень, невоздѣланныхъ полей и дорогъ, наводненныхъ несчастными гражданами, превратившимися въ нищихъ и воровъ и обреченныхъ кончить рано или поздно жалкое существованіе на плахѣ или подъ заборомъ. Такъ государства, обогащаясь, подтачиваютъ въ то же время свои силы и лишаютъ себя населенія, и могущественнѣйшія монархіи, положившія не мало труда на то, чтобы сдѣлаться богатыми и безлюдными, становятся, въ концѣ концовъ, добычей бѣдныхъ народовъ, которые поддаются погубному искушенію завоевать ихъ, обогащаютъ и ослабляютъ себя, въ свою очередь, чтобы быть впослѣдствіи покоренными и истребленными другими народами.

Пусть не откажутся объяснить намъ, что могло вызвать къ существованію полчища варваровъ, наводнявшія въ продолженіе столькихъ вѣковъ Европу, Азію и Африку. Чему обязаны были они своей поразительной численностью? Процвѣтанію искусствъ, мудрости законовъ или превосходной организаціи управленія? Пусть возьмутъ на себя трудъ наши ученые сообщить намъ, почему, вмѣсто того, чтобы такъ размножаться, эти дикіе и звѣроподобные люди безъ знаній, безъ законовъ, безъ нравственности и безъ воспитанія, не истребляли ежеминутно другъ друга, оспаривая другъ у друга пищу и мѣсто для охоты; пусть объяснятъ они намъ, какъ хватило смѣлости у этихъ несчастныхъ хотя бы только взглянуть въ лицо такимъ развитымъ и просвѣщеннымъ

людямъ, какими мы тогда были, людямъ, обладавшимъ такой прекрасной военной дисциплиной и такими превосходными кодексами мудрѣйшихъ законовъ? Почему, наконецъ, послѣ того какъ цивилизовались сѣверныя страны, и было затрачено столько усилій, чтобы научить людей взаимнымъ обязанностямъ и искусству вести пріятную и мирную совмѣстную жизнь, съ сѣвера не выходятъ уже тѣ несмѣтныя полчища людей, которыя выбрасывалъ онъ изъ своихъ нѣдръ въ былыя времена. Я боюсь, что иные склонны будутъ отвѣтить мнѣ въ концѣ концовъ, что всѣ эти великія вещи: искусство, науки и законы были весьма мудро изобрѣтены людьми, въ качествѣ благодѣтельной моровой язвы, чтобы предупредить чрезмѣрное размноженіе человѣчества, такъ какъ имѣлись основанія опасаться, что отведенный намъ для поселенія міръ окажется въ концѣ концовъ слишкомъ тѣснымъ для своихъ обитателей.

Такъ что же? Значитъ нужно разрушить общества, уничтожить различіе между моимъ и твоимъ, вернуться въ лѣса и жить тамъ вмѣстѣ съ медвѣдями? Вывести такое заключеніе было бы въ духѣ моихъ противниковъ, но я предпочитаю избавить ихъ отъ этого стыда, заранѣе устранивъ его. Вы, до слуха которыхъ не достигъ божественный голосъ; вы, считающіе единственнымъ назначеніемъ вашего рода мирно дойти до конца короткаго жизненнаго пути; вы, которые можете оставить въ стѣнахъ городовъ ваши пагубныя пріобрѣтенія, вашъ безпокойный умъ, развращенное сердце и разнузданныя желанія,—верните себѣ, такъ какъ это въ вашей власти, вашу былую невинность, исконную невинность человѣческаго рода; идите въ лѣса, чтобы не видѣть и не вспоминать преступленій вашихъ современниковъ, ине бойтесь унизить вашъ родъ, отказавшись отъ пріобрѣтенныхъ имъ знаній, чтобы отказаться отъ пріобрѣтенныхъ имъ пороковъ! Но люди, подобные мнѣ, въ которыхъ страсти навсегда уничтожили первобытную простоту, которые не способны уже питаться травой и

желудями и обходиться безъ законовъ и правителей; тѣ, которые удостоились въ лицѣ своего родоначальника внимать божественнымъ наставленіямъ; тѣ, которые не поймутъ и не оцѣнятъ стремленія придать внезапно человѣческимъ поступкамъ нравственную высоту, не достигнутую на протяженіи вѣковъ. словомъ, всѣ тѣ, которые убѣждены, что божественный голосъ призвалъ весь родъ человѣческій къ знаніямъ и блаженству небесныхъ духовъ,—будутъ стараться, подвизаясь въ добродѣтеляхъ, проявлять которыя возлагаютъ они на себя обязанность, просвѣщая свой умъ ихъ познаніемъ, заслужить ожидающую ихъ вѣчную награду; они будутъ уважать священныя узы общества. будутъ любить своихъ ближнихъ и отдавать на служеніе имъ всѣ свои силы; они будутъ оказывать неизмѣнное повиновеніе законамъ и тѣмъ людямъ, которые являются ихъ творцами и исполнителями; особенно же будутъ почитать они добрыхъ и мудрыхъ государей, которые сумѣютъ предупредить, исцѣлить или сдѣлать менѣе замѣтнымъ великое множество преступленій и золъ. постоянно грозящихъ подавить насъ своею тяжестью; они будутъ воодушевлять ревность этихъ достойныхъ правителей, указывая имъ, безъ страха и лести, на величіе ихъ задачи и суровость ихъ долга; и тѣмъ не менѣе они будутъ презирать тотъ строй, который можетъ держаться лишь благодаря помощи столькихъ достойныхъ людей, чаще желаемой, чѣмъ обрѣтаемой, и который несмотря на всѣ ихъ заботы, все же приноситъ людямъ больше бѣдствій, и притомъ бѣдствій дѣйствительныхъ, чѣмъ выгодъ, хотя бы только воображаемыхъ.

(10) Изъ людей, которыхъ мы знаемъ, на основаніи собственныхъ наблюденій или по сообщеніямъ историковъ и путешественниковъ, одни обладаютъ чернымъ цвѣтомъ кожи, другіе бѣлымъ, третьи краснымъ; одни носятъ длинные волосы, у другихъ они короткіе и курчавые; одни почти сплошь покрыты шерстью, у другихъ нѣтъ даже бороды. Существовали, да, можетъ быть, суще-

ствуютъ и теперь, племена людей исполинскаго роста, и, хотя весьма возможно, что въ сказаніи о пигмеяхъ мы имѣемъ дѣло съ баснословными преувеличеніями, то все же извѣстно, что ростъ лапландцевъ и особенно гренландцевъ значительно ниже средняго роста человѣка. Утверждаютъ даже, что существуютъ цѣлые народы, снабженные хвостами, какъ четвероногія животныя, и, если даже не относиться со слѣпымъ довѣріемъ къ сообщеніямъ Геродота и Ктесія, то все же на основаніи ихъ можно прійти къ тому весьма правдоподобному заключенію, что, если бы можно было произвести серьезныя наблюденія въ тѣ времена, когда въ образѣ жизни различныхъ народовъ было еще менѣе сходства, чѣмъ теперь, то различія въ наружности и тѣлосложеніи людей оказались бы значительно болѣе рѣзкими. Всѣ эти факты, которые легко подтвердить безспорными доказательствами, могутъ удивлять только того, кто не привыкъ обращать вниманія на что-либо иное, кромѣ окружающихъ его предметовъ, и не имѣетъ понятія о могущественномъ вліяніи различій въ климатѣ, воздухѣ, пищѣ, образѣ жизни и—что еще важнѣе—о поразительныхъ результатахъ, къ какимъ приводитъ непрерывное дѣйствіе однѣхъ и тѣхъ же причинъ въ теченіе времени, достаточнаго для смѣны длиннаго ряда поколѣній. Въ нашъ вѣкъ, когда торговля, путешествія и завоеванія все болѣе и болѣе сближаютъ различные народы, мы видимъ, что и національныя особенности все болѣе и болѣе сглаживаются, и каждый, напримѣръ, можетъ замѣтить, что современные французы — уже не тѣ высокіе, свѣтлокожіе и бѣлокурые люди, которыхъ описывали латинскіе историки, хотя время и примѣсь крови франковъ и норманновъ, также свѣтлокожихъ и бѣлокурыхъ, должны были бы возстановить въ ихъ естественномъ тѣлосложеніи и въ окраскѣ ихъ кожи то, что могло быть отнято ослаблявшими вліяніе природныхъ условій сношеніями съ римлянами. Всѣ эти наблюденія надъ различіями, которыя тысячи причинъ могли

производить, и производили, въ человѣческомъ родѣ, возбуждаютъ во мнѣ сомнѣніе относительно того, не являются ли человѣкоподобныя животныя, отнесенныя путешественниками, безъ достаточно внимательныхъ изслѣдованій, къ числу животныхъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ внѣшнихъ отличій въ ихъ тѣлосложеніи или потому только, что они не умѣютъ говорить, не животными, а истинными дикарями, племя которыхъ, разсѣянное когда-то въ лѣсахъ, не имѣло случая развить ни одну изъ своихъ скрытыхъ способностей, не усовершенствовалось ни въ какомъ отношеніи и осталось въ первобытномъ и естественномъ состояніи. Приведемъ одинъ, относящійся сюда примѣръ.

«Въ королевствѣ Конго, — говоритъ переводчикъ «Исторіи Путешествій»,—встрѣчается множество тѣхъ большихъ животныхъ, которыхъ въ Остъ-Индіи называютъ *оранъ-утанами*. Они занимаютъ какъ бы среднее мѣсто между человѣческимъ родомъ и павіанами. Бэттль разсказываетъ, что въ лѣсахъ Майомбы, въ королевствѣ Лоанго встрѣчаются два вида чудовищъ, изъ которыхъ одни, болѣе значительныя по величинѣ, называются pongo, а другія enjoco. Первыя совершенно похожи на человѣка, но толще и выше ростомъ. Они имѣютъ человѣческія лица, но только съ очень глубоко сидящими глазами. Ихъ руки, щеки и уши свободны отъ шерсти, за исключеніемъ рѣсницъ, которыя у нихъ очень длинны. Хотя тѣло ихъ почти сплошь покрыто шерстью, но шерсть эта не очень густа; цвѣтъ же ея темный. Единственная часть тѣла, которой отличаются они отъ человѣка, это — ноги, такъ какъ онѣ лишены у нихъ икръ. Ходятъ они выпрямившись и часто держатся при этомъ рукою за волоса на шеѣ. Живутъ они въ лѣсахъ; спятъ на деревьяхъ и часто дѣлаютъ себѣ тамъ родъ шалаша, защищающаго ихъ отъ дождя. Пищей служатъ имъ плоды и дикіе орѣхи, мяса же они никогда не ѣдятъ. Негры имѣютъ обыкновеніе, проходя черезъ лѣса, зажигать тамъ на ночь костры, и имъ нерѣдко случается

видѣть, какъ утромъ, по ихъ уходѣ, понго занимаютъ ихъ мѣсто у огня и не удаляются, пока онъ не погаснетъ. Но, обладая большой ловкостью, они недостаточно сообразительны, чтобы поддерживать его, подбавляя дровъ. «Иногда они ходятъ толпами и убиваютъ пробирающихся черезъ лѣса негровъ. Они нападаютъ даже на слоновъ, когда тѣ приходятъ отыскивать пищу въ населенныя ими мѣста, и такъ донимаютъ ихъ ударами кулака и палки, что тѣ съ ревомъ обращаются въ бѣгство. Понго никогда не удается поймать живыми, потому что они такъ сильны, что и десяти человѣкъ недостаточно было бы, чтобы овладѣть хотя бы однимъ изъ нихъ; но негры захватываютъ часто молодыхъ животныхъ, убивъ мать, за тѣло которой съ силой цѣпляется ея дѣтеныпъ. Когда одно изъ этихъ животныхъ умираетъ, то остальные покрываютъ его кучей вѣтвей и листьевъ. Перчесъ прибавляетъ, что изъ разговора съ Бэттлемъ онъ узналъ, что понго унесъ у него маленькаго негра, который провелъ затѣмъ цѣлый мѣсяцъ среди этихъ животныхъ, которыя, какъ подмѣтилъ этотъ негритенокъ, не дѣлаютъ никакого зла захваченнымъ ими людямъ, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, если тѣ не слѣдятъ пристально за ними. Второго вида чудовищъ Бэттль не описалъ.

«Дапперъ подтверждаетъ, что королевство Конго изобилуетъ животными, которыя въ Индіи носятъ названіе орангъ-утанговъ, т. е. «жителей лѣсовъ», а въ Африкѣ называются quoja morro. Это животное,—говоритъ онъ, — поразительно походитъ на человѣка, и у нѣкоторыхъ путешественниковъ являлась даже мысль, что оно произошло отъ женщины и обезьяны; но вздорное предположеніе это отвергаютъ даже негры. Одно изъ этихъ животныхъ привезено было изъ Конго въ Голландію и поднесено принцу Оранскому Фридриху-Генриху. Оно было ростомъ съ трехлѣтняго ребенка, отличалось умѣренной полнотой и коренастымъ, но пропорціональнымъ, сложеніемъ и было очень проворно и

живо. Ноги его были мясисты и сильны, передняя часть тѣла обнажена, спина же покрыта черною шерстью. Лицо его, на первый вглядъ, очень походило на лицо человѣка, но имѣло плоскій и вздернутый носъ; уши у него были также человѣческія. Грудь его—это была самка—была хорошо развита, пупокъ вдавленъ, плечи были очень хорошо сложены, руки оканчивались пятью пальцами, какъ у человѣка, а икры и пятки были толсты и мясисты. Оно часто ходило на двухъ ногахъ и могло поднимать и носить значительныя тяжести. Когда оно хотѣло пить, то снимало одной рукой крышку съ сосуда, а другою поддерживало его за дно. Кончивъ пить, оно очень граціозно обтирало губы. Ложась спать, оно клало голову на подушку и такъ ловко укрывалось одѣяломъ, что его можно было принять за лежащаго въ постели человѣка. Негры разсказываютъ объ этомъ животномъ много удивительнаго. Они увѣряютъ, что оно не только насилуетъ женщинъ и дѣвушекъ, но отваживается нападать и на вооруженныхъ людей. Весьма вѣроятно, что эти животныя—сатиры древнихъ; быть можетъ, о нихъ говоритъ и Меролла, сообщающій, что негры захватываютъ иногда на охотѣ дикихъ мужчинъ и женщинъ».

Объ этихъ же антропоморфныхъ животныхъ рѣчь идетъ и въ третьемъ томѣ той же «Исторіи путешествій», гдѣ они называются *бего* и *мандриллами*. Но и приведенныхъ сообщеній достаточно, чтобы видѣть, что «чудовища» эти имѣютъ, судя по описанію ихъ у путешественниковъ, поразительное сходство съ представителями человѣческаго рода, и что различія между ними и послѣдними менѣе значительны, чѣмъ тѣ, которыя можемъ встрѣтить мы между самими людьми. Изъ приведенныхъ нами мѣстъ не ясно, на какомъ основаніи писатели согласно отказываются дать этимъ животнымъ имя дикихъ людей, но легко можно предположить, что причиной этому служитъ ихъ глупость, а также то обстоятельство, что они не умѣютъ говорить. Но осно-

нія эти являются шаткими для тѣхъ, которые знаютъ, что органъ рѣчи прирожденъ человѣку, сама же рѣчь вовсе ему не прирождена, для тѣхъ, которые знаютъ, насколько могла возвысить живущаго въ обществѣ человѣка надъ уровнемъ первобытнаго его состоянія его способность къ совершенствованію. Нѣсколько строкъ, въ которыхъ умѣщаются эти описанія, даютъ уже намъ возможность судить о томъ, какъ плохо наблюдали человѣкоподобныхъ животныхъ и какими предубѣжденными глазами на нихъ смотрѣли. Такъ напримѣръ, ихъ называютъ чудовищами и, тѣмъ не менѣе, признаютъ, что они размножаются. Въ одномъ мѣстѣ Бэттль говоритъ, что понго убиваютъ проходящихъ черезъ лѣса негровъ, а въ другомъ мѣстѣ Перчесъ прибавляетъ, что они не причиняютъ имъ никакого зла, даже когда похищаютъ ихъ, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, если негры не слѣдятъ пристально за тѣмъ, что они дѣлаютъ. Понго собираются вокругъ костровъ, зажженныхъ неграми, когда послѣдніе покидаютъ ихъ, и уходятъ въ свою очередь, когда огонь потухаетъ. Таковъ фактъ; а вотъ объясненіе, которое даетъ ему наблюдатель: *Обладая большой ловкостью, они не настолько сообразительны, чтобы поддерживать огонь, подбавляя дровъ.* Я желалъ бы знать, откуда извѣстно Бэттлю и компилятору его Перчесу, что понго уходятъ по глупости, а не потому, что имъ просто такъ хочется. Климатъ Лоанго дѣлаетъ огонь мало необходимымъ для животныхъ, и сами негры зажигаютъ костры не столько для того, чтобы защитить себя отъ холода, сколько для того, чтобы отгонять дикихъ звѣрей. Весьма понятно, поэтому, что понго, когда они достаточно позабавятся видомъ пламени или достаточно согрѣются, становится скучно, и они уходятъ отыскивать пищу. Для того же, чтобы насытиться имъ нужно много времени, такъ какъ они не ѣдятъ мяса. Сверхъ того извѣстно, что почти всѣ животныя, не исключая и человѣка, отъ природы лѣнивы и стараются избѣжать какихъ бы то ни было заботъ, если только

онѣ не представляются безусловно необходимыми. Странно слышать, наконецъ, что понго, силу и ловкость которыхъ такъ превозносятъ, которые умѣютъ хоронить своихъ покойниковъ и дѣлать себѣ палатки изъ вѣтвей, не умѣютъ подбросить въ огонь дровъ. Я помню, что видѣлъ однажды, какъ обезьяна дѣлала какъ разъ то самое, чего, какъ увѣряютъ насъ, не могутъ сдѣлать понго. Правда, такъ какъ мысли мои не направлялись еще тогда на этотъ предметъ, то я самъ сдѣлалъ ту же ошибку, въ которой упрекаю теперь нашихъ путешественниковъ, а именно не позаботился выяснить, имѣла ли обезьяна намѣреніе поддержать огонь, или же просто — какъ склоненъ я теперь думать — подражала дѣйствіямъ человѣка. Какъ бы то ни было, мы можемъ считать вполнѣ доказаннымъ, что обезьяна не представляетъ собою разновидности человѣка, не только потому, что она лишена способности говорить, но главнымъ образомъ потому, что этотъ видъ животныхъ лишенъ, какъ намъ это достовѣрно извѣстно, способности совершенствоваться, являющейся отличительнымъ признакомъ человѣческаго рода. Надъ понго же не было произведено достаточно тщательныхъ наблюденій, чтобы мы могли прійти относительно нихъ къ такому же выводу. Есть, впрочемъ, одинъ способъ, посредствомъ котораго даже самые грубые наблюдатели могли бы съ несомнѣнностью установить принадлежатъ ли орангъ-утанги и другія подобныя существа къ человѣческому роду, но, помимо того, что для опыта этого недостаточно было бы одного поколѣнія, его должно считать невыполнимымъ и потому, что нужно было бы, чтобы предполагаемое стало истиннымъ, прежде чѣмъ къ нему можно было бы приступить, не погрѣшая противъ требованій нравственности.

Въ своихъ слишкомъ поспѣшныхъ заключеніяхъ люди недостаточно просвѣщеннаго ума склонны впадать въ крайности. Наши путешественники, не задумываясь, причислили къ животнымъ, подъ названіемъ понго,

мандриллъ и орангъ-утанговъ, тѣ самыя существа, которыя древніе подъ именемъ сатировъ, фавновъ и сильвановъ, превратили въ боговъ. Быть можетъ, послѣ болѣе точныхъ изслѣдованій они оказались бы не звѣрями и не богами, а людьми. Покамѣстъ же мы имѣемъ столько же основаній довѣрять въ этомъ де-Мероллѣ, лицу духовному и очевидцу, который, несмотря на всю его наивность, былъ все же человѣкомъ умнымъ, какъ и купцу Бэттлю, Даппперу, Перчесу и другимъ компиляторамъ.

Къ какому заключенію пришли бы подобные наблюдатели относительно ребенка, найденнаго въ 1694 г., о которомъ я говорилъ уже выше (примѣчаніе 3)? Онъ не обнаруживалъ никакихъ признаковъ разума, ходилъ на четверенькахъ, не умѣлъ говорить и испускалъ звуки, очень мало напоминавшіе человѣческую рѣчь. Прошло не мало времени,—продолжаетъ философъ, у котораго заимствовалъ я этотъ фактъ,—прежде чѣмъ смогъ онъ произнести хоть нѣсколько словъ, но и тогда онъ произносилъ ихъ довольно нескладно. Какъ только научился онъ говорить, его спросили о прежнемъ его состояніи, но онъ помнилъ столько же, сколько мы помнимъ о томъ, что происходило съ нами въ колыбели. Если бы ребенокъ этотъ попалъ на свое несчастье въ руки нашихъ путешественниковъ, то, замѣтивъ, что онъ не умѣетъ говорить, и найдя его очень глупымъ, они рѣшили бы, безъ сомнѣнія, отпустить его снова въ лѣсъ или помѣстить въ звѣрпнецъ, а затѣмъ разсказывали бы о немъ въ своихъ прекрасныхъ сочиненіяхъ, какъ о весьма любопытномъ животномъ, имѣющемъ значительное сходство съ человѣкомъ.

Хотя уже три или четыре столѣтія жители Европы наводняютъ остальныя части свѣта и издаютъ постоянно все новые и новые сборники сообщеній о своихъ путешествіяхъ, я убѣжденъ, что изъ всѣхъ людей мы знаемъ однихъ только европейцевъ. Но этого еще мало. Благодаря смѣшнымъ предразсудкамъ, не исчезнувшимъ еще

и среди писателей, каждый изъ нихъ даетъ намъ подъ громкимъ названіемъ изслѣдованія о человѣкѣ почти всегда только изслѣдованіе о людяхъ своей страны. Отдѣльные люди могутъ странствовать сколько имъ угодно по бѣлу свѣту, но философія не путешествуетъ, повидимому, вовсе, и потому философія одного народа очень мало пригодна для какого-нибудь другого. Причина этому ясна, поскольку, по крайней мѣрѣ, дѣло идетъ объ отдаленныхъ странахъ. Дальнія путешествія предпринимаютъ въ большинствѣ случаевъ только четыре разряда людей: моряки, купцы, солдаты и миссіонеры. Но врядъ ли можно ожидать, чтобы изъ первыхъ трехъ категорій вышли хорошіе наблюдатели. Что же касается представителей четвертой, то, если бы даже они и не имѣли, какъ всѣ другіе, своихъ сословныхъ предразсудковъ, то все же надо думать, что они, поглощенные своимъ высокимъ призваніемъ, не склонны были бы посвящать свое время изслѣдованіямъ, сводящимся, на первый взглядъ къ простому любопытству и способнымъ отвлечь ихъ отъ болѣе важныхъ трудовъ, къ которымъ они себя предназначаютъ. Сверхъ того, чтобы успѣшно проповѣдывать Евангеліе, нужно только благочестивое рвеніе, такъ какъ Богъ дастъ остальное, для изученія же людей нужны дарованія, которыми Богъ надѣляетъ не всякаго, и которыя не всегда являются удѣломъ святыхъ. Нѣтъ книги о путешествіяхъ, въ которой мы не нашли бы описаній нравовъ и обычаевъ, но странно видѣть, что люди, описавшіе такъ много вещей, сообщаютъ только то, что всякому извѣстно, что они сумѣли увидѣть на другомъ концѣ свѣта только то, что ничего не стоило имъ узнать, не покидая своей улицы, и что истинныя черты различія между народами, поражающіе всякаго сколько-нибудь наблюдательнаго человѣка, почти всегда ускользали отъ ихъ взоровъ. Отсюда возникло и удивительное правило, ставшее общимъ мѣстомъ нашей философіи. Оно гласитъ: «Люди повсюду одинаковы, и такъ какъ повсюду они имѣютъ одни тѣ же страсти и пороки, то

нѣтъ большой пользы въ попыткахъ охарактеризовать различные народы». А между тѣмъ, утверждать это почти такъ же разумно, какъ сказать, что Петра нельзя отличить отъ Ивана, такъ какъ у нихъ обоихъ есть носъ, ротъ и глаза.

Неужели никогда не возродятся тѣ блаженныя времена, когда толпа не бралась философствовать, но за то Платоны, Ѳалесы и Пиѳагоры, охваченные пылкой жаждой знанія, совершали огромныя путешествія только для того, чтобы обогатить свой умъ новыми свѣдѣніями, и отправлялись въ далекіе края, чтобы сбросить съ себя иго національныхъ предразсудковъ, научиться познавать людей на основаніи сходства и различій между ними и пріобрѣсти тѣ универсальныя познанія, которыя не принадлежатъ одному вѣку и одной странѣ, но имѣютъ цѣну во всѣ времена и повсюду, являясь какъ бы общей наукой мудрыхъ?

Всѣ восхищаются щедростью нѣсколькихъ любознательныхъ людей, которые, не остановившись передъ большими расходами, предприняли или поручили другимъ предпринять путешествія на востокъ, пригласивъ для участія въ нихъ ученыхъ и живописцевъ, чтобы срисовывать развалины и дешифрировать или списывать надписи; но мнѣ трудно понять, какъ въ нашъ вѣкъ, когда такъ принято гордиться обширными познаніями, не нашлось двухъ людей, достаточно дружныхъ и богатыхъ, одинъ деньгами, а другой дарованіями, которые оба любили бы славу и стремились заслужить безсмертіе, изъ которыхъ одинъ пожертвовалъ бы десятью тысячами экю изъ своихъ средствъ, а другой десятью годами своей жизни, чтобы совершить достойное удивленія и памяти кругосвѣтное путешествіе и заняться хоть разъ изученіемъ не камней и растеній, а людей и нравовъ, и у которыхъ, послѣ того какъ потрачено было столько вѣковъ на обозрѣваніе и измѣреніе зданія, явилось бы, наконецъ, желаніе, познакомиться съ его обитателями.

Академики, объѣхавшіе сѣверную часть Европы и

южную часть Америки, ставили себѣ задачей посѣтить ихъ скорѣе въ качествѣ геометровъ, чѣмъ въ качествѣ философовъ, но такъ какъ они были и тѣми и другими, то страны, посѣщенныя и описанныя Лакондаминомъ, Мопертюи и другими учеными, нельзя считать совершенно неизвѣстными. Ювелиръ Шарденъ, совершившій путешествіе въ духѣ Платона, далъ описаніе Персіи, не оставляющее желать ничего лучшаго. Китай, повидимому, основательно изученъ іезуитами. Кемпферъ даетъ сносное представленіе о томъ немногомъ, что видѣлъ онъ въ Японіи. Но за исключеніемъ того, что извѣстно намъ изъ этихъ сообщеній, мы ничего не знаемъ о народахъ Ость-Индіи, посѣщавшейся лишь тѣми европейцами, которые болѣе заботились о наполненіи своихъ кошельковъ, чѣмъ своихъ головъ. Вся Африка съ ея многочисленными жителями, столь же своеобразными по ихъ характеру, какъ и по цвѣту ихъ кожи, ждетъ еще своихъ изслѣдователей. Вся земля покрыта народами, извѣстными намъ только по имени, а мы беремся судить о человѣческомъ родѣ. Предположимъ, что такіе люди, какъ Монтескье, Бюффонъ, Дидро, Дюкло, Даламберъ и Кондильякъ, предприняли бы путешествіе съ цѣлью просвѣтить своихъ соотечественниковъ, изучили и описали бы со свойственнымъ имъ умѣніемъ Турцію, Египетъ, Варварійскія земли, Марокскую имперію, Гвинею, землю каффровъ, внутреннюю часть Африки и восточные ея берега, Малабаръ, Монголію, берега Ганга, королевства Сіамъ, Пегу и Ава, Китай, Монголію и въ особенности Японію; а затѣмъ въ другомъ полушаріи Мексику, Перу, Чили, Магеллановы земли, не оставивъ безъ вниманія и дѣйствительныхъ или миѳическихъ патагонцевъ, Тукуманъ, а если возможно, то и Парагвай, Бразилію и, наконецъ, землю карибовъ, Флориду и всѣ страны, населенныя дикарями. Это было бы путешествіе, наиболѣе важное изъ всѣхъ, когда-либо совершавшихся, путешествіе, которое потребовало бы отъ его участниковъ величайшей заботливости. Предположимъ

далѣе, что эти новые Геркулесы, вернувшись изъ своихъ достопамятныхъ странствованій, написали бы на досугѣ естественную, моральную и политическую исторію всего, что они видѣли. Тогда мы сами увидѣли бы возникающій изъ-подъ пера ихъ новый міръ и лучше познали бы нашъ старый. Я утверждаю, что если бы подобные наблюдатели установили, что такое-то животное—человѣкъ, а такое-то — дѣйствительно животное, то имъ нужно было бы вѣрить; но было бы большой наивностью, полагаться въ этомъ дѣлѣ на невѣжественныхъ путешественниковъ, относительно которыхъ порой является желаніе возбудить тотъ самый вопросъ, рѣшать который они берутся относительно другихъ живыхъ существъ.

(11) Мнѣ кажется, что это совершенно очевидно, и я не могу понять, въ чемъ видятъ наши философы источникъ всѣхъ тѣхъ страстей, которыя приписываютъ они человѣку въ естественномъ состояніи. За исключеніемъ физически-необходимаго, того, что требуетъ сама природа, всѣ остальныя наши потребности обязаны своимъ происхожденіемъ привычкѣ, до появленія которой они вовсе не были потребностями, или же нашимъ желаніямъ; желать же мы можемъ лишь то, что въ состояніи мы познать. Отсюда слѣдуетъ, что предметомъ желаній дикаря можетъ быть лишь то, что ему извѣстно, а такъ какъ ему не извѣстно ничего такого, чѣмъ бы онъ не владѣлъ или не могъ безъ труда овладѣть, то спокойствіе души и ограниченность ума достигаютъ въ немъ крайнихъ своихъ предѣловъ.

(12) Въ «Гражданскомъ управленіи» Локка я нахожу соображенія, противорѣчащія высказаннымъ мною взглядамъ и притомъ слишкомъ подкупающія своей кажущейся правдоподобностью, чтобы я могъ позволить себѣ обойти ихъ молчаніемъ. «Такъ какъ цѣлью союза между самцомъ и самкой,—говоритъ этотъ философъ,—является не только произведеніе на свѣтъ потомства, но и продолженіе рода, то союзъ этотъ долженъ про-

должаться и послѣ рожденія дѣтенышей, по крайней мѣрѣ, въ теченіе такого времени, какое необходимо для кормленія и охраненія этихъ дѣтенышей, т. е. до тѣхъ поръ, пока они не будутъ въ состояніи сами добывать себѣ все необходимое. Мы видимъ, что правило это, установленное безконечной мудростью Творца для всѣхъ его созданій, постоянно и точно соблюдается всѣми тварями, стоящими ниже человѣка. У животныхъ травоядныхъ продолжительность общенія между самцомъ и самкой не превышаетъ времени, нужнаго для полового акта, такъ какъ одного молока матери достаточно, чтобы кормить дѣтенышей, пока они не станутъ способны питаться травою, и потому самецъ ограничивается произведеніемъ ихъ на свѣтъ и не заботится уже затѣмъ ни о самкѣ, ни о дѣтенышахъ, которымъ онъ не можетъ оказать никакой помощи въ добываніи пищи. Что же касается хищныхъ животныхъ, то у нихъ сожительство между самцомъ и самкой длится болѣе значительное время по той причинѣ, что мать не можетъ кормиться сама и кормить въ то же время своихъ дѣтенышей добычей, пойманной ею одною, такъ какъ этотъ способъ добыванія пищи и болѣе труденъ и болѣе опасенъ, чѣмъ свойственный травояднымъ. Помощь самца является, поэтому, безусловно необходимой для поддержанія общей семьи,—если позволено мнѣ будетъ воспользоваться этимъ выраженіемъ—которая, прежде чѣмъ дѣтеныши въ состояніи будутъ сами отправляться за добычей, можетъ существовать лишь благодаря совмѣстнымъ заботамъ самца и самки. То же замѣчаемъ мы и у птицъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ домашнихъ, живущихъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ постоянное обиліе пищи освобождаетъ отца отъ заботъ о прокормленіи дѣтенышей. Мы видимъ, что, пока находящіеся въ гнѣздѣ птенцы нуждаются въ пищѣ, самецъ и самка приносятъ имъ ее. вплоть до того времени, когда они научатся летать и смогутъ сами заботиться о своемъ пропитаніи.

«Въ этомъ заключается, по моему мнѣнію, и глав-

ная, если не единственная причина того, почему самецъ и самка въ человѣческомъ родѣ обязаны вести болѣе продолжительную совмѣстную жизнь, чѣмъ другія живыя существа. Женщина становится способна къ зачатію, а обыкновенно и снова становится беременной и рождаетъ новое дитя задолго до того, какъ предыдущее сможетъ обходиться безъ помощи родителей и своими силами добывать себѣ все необходимое. Такъ какъ отецъ обязанъ заботиться о тѣхъ, кого произвелъ онъ на свѣтъ, и при томъ заботиться въ продолженіи долгаго времени. то на немъ лежитъ также обязанность жить въ супружескомъ союзѣ съ той самой женщиной, которая родила ему ихъ, и оставаться въ этомъ союзѣ гораздо дольше, чѣмъ другія твари, дѣтеныши которыхъ могутъ уже добывать себѣ средства къ жизни безъ чужой помощи, раньше чѣмъ наступаетъ время рожденія новыхъ, и у которыхъ связь между самцомъ и самкой прерывается, поэтому, сама собою. И тотъ и другая пользуются полной свободой, пока пора, вызывающая обыкновенно у животныхъ стремленіе къ спарпванію, не побудитъ ихъ вступить въ новые союзы. И здѣсь нельзя достаточно надивиться мудрости Создателя, который надѣливъ человѣка свойствами, позволяющими ему заботиться не только о настоящемъ, но и о будущемъ, пожелалъ въ то же время устроить такъ, чтобы союзъ между мужчиной и женщиной продолжался гораздо дольше, чѣмъ сожительство между самцомъ и самкой у другихъ созданій; мужчина и женщина имѣютъ болѣе поводовъ проявлять трудолюбіе, интересы же ихъ оказываются болѣе объединенными, такъ какъ имъ приходится содержать дѣтей и позаботиться о томъ, чтобы оставить имъ какое-нибудь имущество. И что же, въ самомъ дѣлѣ, могло бы болѣе гибельно отозваться на участи дѣтей, чѣмъ безформенность и неустойчивость супружескаго союза и возможность легкаго и частаго его расторженія?»

Та же любовь къ истинѣ, которая заставила меня добросовѣстно изложить эти соображенія, побуждаетъ

меня сопроводить ихъ нѣсколькими замѣчаніями, если не для того, чтобы опровергнуть ихъ, то, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы лучше освѣтить интересующій насъ вопросъ.

1) Прежде всего замѣчу, что нравственныя доказательства не имѣютъ большой силы тамъ, гдѣ дѣло идетъ о физическихъ отношеніяхъ, и что они болѣе пригодны для объясненія существующихъ фактовъ, чѣмъ для установленія реальнаго существованія этихъ фактовъ. А къ этому именно роду относятся доказательства, которыми пользуется Локкъ въ приведенномъ мною мѣстѣ; ибо, хотя для человѣческаго рода и было бы выгодно, чтобы союзъ между мужчиной и женщиной продолжался въ теченіе долгаго времени, но отсюда еще не слѣдуетъ, что такъ оно и было установлено природой; иначе пришлось бы сказать, что она установила также гражданское общество, искусства, торговлю и все прочее, что считается полезнымъ для людей.

2) Не знаю, откуда взялъ Локкъ, что у хищныхъ животныхъ союзъ между самцомъ и самкой продолжается дольше, чѣмъ у травоядныхъ, и что первый помогаетъ у нихъ второй кормить дѣтенышей. Мы не видимъ, чтобы у собаки, кошки, медвѣдя или волка самецъ въ большей степени отличалъ свою самку отъ всѣхъ другихъ самокъ того же вида, чѣмъ отличаютъ ихъ баранъ, быкъ, олень и самцы другихъ четвероногихъ. Наоборотъ, помощь самца для прокормленія дѣтенышей была бы, повидимому, особенно необходима самкѣ у тѣхъ видовъ, которые питаются только травой, такъ какъ у нихъ матери приходится въ теченіе долгаго времени пастись и, слѣдовательно, оставлять на весь этотъ срокъ безъ пищи своихъ дѣтенышей, тогда какъ медвѣдица или волчица съѣдаютъ въ одну минуту свою добычу и имѣютъ затѣмъ много времени, чтобы, не испытывая уже голода, кормить молокомъ своихъ дѣтенышей. Соображеніе это подтверждается наблюденіемъ надъ различіемъ въ числѣ сосцовъ и соотвѣтствующемъ числѣ

дѣтенышей у плотоядныхъ и травоядныхъ животныхъ, о которомъ я говорилъ уже въ примѣчаніи 8. Если наблюденіе это будетъ признано правильнымъ и достаточно общимъ, то въ виду того, что женщина имѣетъ лишь одну пару сосцовъ и рожаетъ обыкновенно за разъ лишь одного ребенка, у насъ будетъ еще больше основаній сомнѣваться въ томъ, что родъ человѣческій является отъ природы плотояднымъ. Слѣдовательно, чтобы прійти къ тому заключенію, къ какому пришелъ Локкъ, нужно было бы, кажется, вывернуть разсужденіе его на изнанку. Не болѣе основательнымъ является то же раздѣленіе и по отношенію къ птицамъ. Кого же въ самомъ дѣлѣ можно было бы убѣдить, что союзъ между самцомъ и самкой болѣе продолжителенъ у ястребовъ и воронъ, чѣмъ у горлицъ? У насъ есть два вида домашнихъ птицъ, которые могутъ послужить яркимъ примѣромъ того, насколько противорѣчитъ фактамъ система нашего ученаго. Голубь, питающійся только зернами, живетъ въ союзѣ со своей самкой, и они кормятъ дѣтей общими силами, а селезень, прожорливость котораго всѣмъ извѣстна, знать не знаетъ ни своей самки, ни птенцовъ и не оказываетъ имъ никакой помощи въ добываніи пищи; у куръ, птицъ также плотоядныхъ, пѣтухъ нисколько не заботится о своихъ цыплятахъ. Такъ что, если у другихъ видовъ, самецъ раздѣляетъ со своей самкой заботу о прокормленіи дѣтенышей, то это происходитъ потому, что птенцы, которые не могутъ первое время летать, и которыхъ не можетъ кормить молокомъ ихъ мать, гораздо менѣе способны обойтись безъ помощи отца, чѣмъ дѣтеныши четвероногихъ, которымъ, въ теченіе нѣкотораго времени, по крайней мѣрѣ, достаточно вымени ихъ матери.

3) Нельзя признать прочно установленнымъ и тотъ главный фактъ, который Локкъ кладетъ въ основу всего своего разсужденія. Чтобы узнать, становилась ли женщина въ естественномъ состояніи, какъ онъ утверждаетъ это, снова беременной и рожала ли она новаго ребенка

задолго до того, какъ предыдущій пріобрѣтетъ возможность самостоятельно заботиться объ удовлетвореніи своихъ потребностей, нужны были бы опыты, которыхъ Локкъ, конечно, не производилъ, и которыхъ никто не въ состояніи произвести. Постоянное сожительство мужа и жены представляетъ такія благопріятныя условія для возникновенія новой беременности, что трудно думать, чтобы случайная встрѣча или одно половое влеченіе приводило такъ же часто къ этому послѣдствію въ естественномъ состояніи, какъ приводитъ къ нему супружескій союзъ. Медленное слѣдованіе одного состоянія беременности за другимъ могло способствовать тому, что дѣти рождались болѣе сильными, и наряду съ этимъ женщины сохраняли, быть можетъ, до болѣе поздняго возраста способность къ зачатію, когда меньше злоупотребляли ею въ молодости. Что касается дѣтей, то есть много основаній думать, что ихъ силы и органы развиваются у насъ медленнѣе, чѣмъ въ томъ естественномъ состояніи, которое имѣю я въ виду. Врожденная слабость, которую наслѣдуютъ они отъ своихъ родителей, заботливое укутываніе ихъ и стѣсненіе всѣхъ ихъ движеній, изнѣженность, въ которой ихъ воспитываютъ, а можетъ быть также и замѣна молока ихъ матери другимъ, все тормозитъ и замедляетъ развитіе ихъ природныхъ способностей. Необходимость ознакомленія со множествомъ вещей, на которыхъ постоянно останавливаютъ ихъ вниманіе, оставляя въ то же время безъ всякаго упражненія ихъ тѣлесныя силы, также служитъ значительной помѣхой ихъ росту, и если бы, вмѣсто того, чтобы обременять и утомлять всевозможными способами ихъ умъ, имъ предоставляли развивать свое тѣло постоянными движеніями, которыхъ требуетъ, повидимому, природа, то вѣроятно, они гораздо раньше оказывались бы въ состояніи ходить, пользоваться своими силами для достиженія различныхъ цѣлей и заботиться объ удовлетвореніи своихъ потребностей.

4) Наконецъ, Локкъ въ лучшемъ случаѣ доказываетъ,

что мужчина могъ имѣть побужденіе оставаться подлѣ женщины, когда у нея былъ ребенокъ, но онъ вовсе не доказываетъ, что онъ долженъ былъ оставаться подлѣ нея до родовъ, въ теченіе девяти мѣсяцевъ ея беременности. Если такая-то женщина не внушаетъ никакого участія мужчинѣ въ теченіе девяти мѣсяцевъ, если даже онъ забываетъ ее, то почему будетъ онъ оказывать ей поддержку послѣ родовъ? Почему будетъ помогать онъ ей воспитывать дитя, относительно котораго онъ не знаетъ даже, принадлежитъ ли оно ему, и рожденія котораго онъ не могъ ни желать, ни предвидѣть. Локкъ считаетъ, повидимому, доказаннымъ то, что представляется спорнымъ. Важно знать не то, почему мужчина останется подлѣ женщины послѣ родовъ, а то, почему будетъ жить онъ подлѣ нея послѣ зачатія. Когда влеченіе удовлетворено, мужчина не нуждается въ данной женщинѣ, а женщина въ данномъ мужчинѣ. Послѣдній не заботится, а, быть можетъ, и не имѣетъ никакого представленія о послѣдствіяхъ своихъ дѣйствій. Одинъ идетъ въ одну сторону, другая въ другую, и нѣтъ вѣроятія, чтобы черезъ девять мѣсяцевъ они помнили другъ о другѣ. Этотъ родъ памяти, благодаря которому индивидуумъ предпочитаетъ для половыхъ сношеній такой-то именно индивидуумъ всѣмъ другимъ, требуетъ, какъ доказываю я въ текстѣ, болѣе развитого или болѣе развращеннаго ума, чѣмъ можемъ мы приписать человѣку въ томъ животномъ состояніи, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь. Другая женщина можетъ такъ же удовлетворить вновь возникшія желанія мужчины, какъ и та, съ которою сходился онъ раньше, а другой мужчина можетъ замѣнить для женщины прежняго. если предположить, что у нея пробудится половое влеченіе въ періодъ беременности, возможность чего представляется, однако, довольно сомнительной; если же влеченіе это не возникало у женщины въ естественномъ состояніи послѣ зачатія, то число обстоятельствъ, препятствующихъ союзу ея съ мужчиной, еще болѣе возрастаетъ, такъ какъ въ такомъ

случаѣ она не нуждалась ни въ томъ мужчинѣ, отъ котораго забеременѣла, ни въ какомъ-либо иномъ. Ничто не побуждало, слѣдовательно, мужчину отыскивать ту же женщину, и ничто не побуждало женщину отыскивать того же мужчину. Разсужденіе Локка разсыпается, такимъ образомъ въ прахъ, и вся діалектика этого философа не предохранила его отъ той же ошибки, которую совершаютъ Гоббсъ и другіе. Имъ предстояло объяснить фактъ, относящійся къ естественному состоянію, т. е. къ тому состоянію, когда люди жили изолированно, и у человѣка не было побужденій оставаться подлѣ такого то именно человѣка, а быть можетъ, что еще хуже, у людей вообще не было побужденій оставаться другъ подлѣ друга; а между тѣмъ они не позаботились перенестись за грань эпохи общественнаго быта, т. е. тѣхъ временъ, когда у людей всегда есть много основаній оставаться другъ подлѣ друга, и мужчина часто имѣетъ основаніе оставаться подлѣ такого-то именно мужчины или такой-то именно женщины.

(13) Я остерегусь вдаваться въ философскія размышленія, которыя слѣдовало бы посвятить выгодамъ и неудобствамъ, связаннымъ съ изобрѣтеніемъ языковъ. Не мнѣ позволятъ нападать на общераспространенныя заблужденія, и ученые люди слишкомъ чтятъ свои предразсудки, чтобы терпѣливо выслушивать мои «парадоксы». Предоставимъ, поэтому, слово тѣмъ людямъ, которымъ не ставили въ преступленіе того, что они рѣшались иногда принимать сторону разума, а не ходячихъ воззрѣній.

«Nec quidquam felicitati humani generis decederet, si pulsa tol linguarum peste et confusione unam artem callerent mortales, et signis, motibus gestibusque licitum foret quidvis explicare. Nunc vero ita comparatum est, ut animalium quae vulgo bruta creduntur melior longe quam nostra hac in parte videatur conditio utpote quae promptius, et forsan felicius, sensus et cogitationes suas sine interprete significent, quam ulli queant mortales,

proesertim si peregrino utantur sermone. Is. Vossius, De Poemat. cant. et viribus rythmi, p. 66 *).

(14) Платонъ, показывая насколько необходимы понятія о величинахъ и ихъ соотношеніяхъ въ самыхъ простыхъ искусствахъ, не безъ основанія смѣется надъ современными ему писателями, утверждавшими, что Паламедъ изобрѣлъ числа во время осады Трои; какъ будто, говоритъ этотъ философъ, Агамемнону до того времени могло быть неизвѣстно, сколько у него ногъ. Невозможно, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы общество и искусства достигли такого развитія, какого достигли они ко времени осады Трои, если бы люди не знали чиселъ и счисленія. Но то обстоятельство, что числа необходимо было знать, прежде чѣмъ пріобрѣсти другія познанія, не дѣлаетъ болѣе понятнымъ ихъ изобрѣтеніе. Разъ извѣстны имена числительныя, то легко разъяснить ихъ смыслъ и вызвать обозначаемыя этими именами представленія. Но, чтобы изобрѣсти ихъ, нужно было, прежде чѣмъ усвоить себѣ эти представленія, пріобрѣсти, такъ сказать, нѣкоторый навыкъ въ философскихъ размышленіяхъ, пріучиться разсматривать вещи въ ихъ сущности, независимо отъ всякихъ побочныхъ представленій. Абстракція же эта — очень трудна, очень метафизична и мало-естественна, а между тѣмъ, безъ нея, понятій нельзя было бы примѣнять послѣдовательно къ различнымъ видамъ и родамъ, и имена числительныя не могли бы стать общими. Дикарь могъ видѣть отдѣльно свою правую и лѣвую ногу или прилагать къ нимъ обѣимъ вмѣстѣ недѣлимое понятіе «пары» и все же не

*) «Ни мало не повредило бы счастью человѣческаго рода, если бы, отдѣлавшись отъ затрудненій и путаницы, къ которымъ ведетъ существованіе великаго множества языковъ, смертные стали бы придерживаться единообразнаго искусства рѣчи, и если бы можно было изъясняться знаками, движеніями и жестами. Теперь же дѣло обстоитъ такъ, что даже удѣлъ животныхъ, считающихся не разумными, гораздо завиднѣе въ этомъ отношеніи нашего, такъ какъ они выражаютъ свои ощущенія и мысли безъ помощи толмачей, быстрѣе, а можетъ быть и лучше, чѣмъ имѣютъ порою возможность сдѣлать это люди, особенно если имъ приходится говорить на чужомъ языкѣ».

думать о томъ, что у него ихъ двѣ, такъ какъ одно дѣло репрезентативное понятіе, изображающее намъ предметъ, а другое дѣло понятіе численное, опредѣляющее его. Еще труднѣе было бы ему сосчитать до пяти, и хотя, складывая вмѣстѣ ладони своихъ рукъ, онъ могъ замѣтить, что каждому пальцу на одной рукѣ соотвѣтствуетъ палецъ на другой, онъ все же былъ далекъ отъ мысли, что число ихъ на обѣихъ рукахъ одинаково. Онъ такъ же мало зналъ о томъ, сколько у него пальцевъ, какъ и о томъ, сколько у него волосъ, и если бы кто нибудь, объяснивъ ему предварительно, что такое числа, сказалъ ему, что у него столько же пальцевъ на ногахъ, какъ и на рукахъ, то онъ, можетъ быть, очень удивился бы, когда, сличивъ ихъ, нашелъ бы, что это дѣйствительно такъ.

(15) Не слѣдуетъ смѣшивать самолюбіе (l'amour propre) и себялюбіе (l'amour de soi-même), двѣ страсти, весьма различныя по ихъ природѣ и дѣйствію. Себялюбіе — чувство естественное, которое побуждаетъ всякое животное заботиться о самосохраненіи, а у человѣка, направляемое разумомъ и умѣряемое сострадательностью, порождаетъ гуманность и добродѣтель. Самолюбіе — чувство, не присущее намъ отъ природы, чувство искусственное, возникающее лишь въ обществѣ, заставляющее каждаго придавать себѣ больше значенія, чѣмъ всему остальному, побуждающее людей причинять другъ другу всевозможное зло и являющееся истиннымъ источникомъ чести.

Разсчитывая на правильное пониманіе этого, я утверждаю, что въ нашемъ первобытномъ состояніи, въ состояніи вполнѣ — естественномъ, самолюбія не существовало. Такъ какъ каждый отдѣльный человѣкъ видѣлъ въ себѣ самомъ единственнаго наблюдающаго за нимъ зрителя, единственное во всей вселенной существо имъ интересующееся, и единственнаго цѣнителя сего достоинствъ, то нельзя допустить, чтобы въ душѣ его могло зародиться чувство, источникъ котораго — недо-

ступныя ему сравненія. По той же причинѣ человѣкъ этотъ не можетъ чувствовать ни ненависти, ни жажды мщенія, ибо чувства эти возникаютъ изъ представленія о понесенной обидѣ, и такъ какъ оскорбленіе создаютъ презрѣніе и намѣреніе причинить вредъ, а не само зло, то люди, не умѣвшіе оцѣнивать другъ друга и сравнивать себя другъ съ другомъ, могли быть повинны, если это оказывалось для нихъ въ какомъ-нибудь отношеніи выгоднымъ, во многихъ взаимныхъ насиліяхъ, но не въ оскорбленіяхъ. Словомъ, человѣкъ, смотрѣвшій на ему подобныхъ почти такъ же, какъ на животныхъ другого вида, могъ отнимать добычу у болѣе слабаго или отказываться отъ своей въ пользу болѣе сильнаго, видя въ этихъ грабежахъ лишь естественныя явленія, безъ малѣйшаго движенія высокомѣрія или негодованія и безъ иного чувства, кромѣ радости или огорченія по случаю успѣха или неудачи.

(16) Въ высшей степени замѣчательно, что сколько лѣтъ ни бьются европейцы надъ тѣмъ, чтобы пріучить дикарей различныхъ странъ свѣта къ своему образу жизни, они не сумѣли до сихъ поръ завоевать сочувствіе ни одного изъ нихъ, даже при помощи христіанской религіи, такъ какъ миссіонерамъ нашимъ иногда удается сдѣлать дикарей христіанами, но не цивилизованными людьми. Ничто не въ силахъ превозмочь неодолимаго отвращенія, которое чувствуютъ они къ нашимъ нравамъ и къ нашему образу жизни. Если эти бѣдные дикари такъ несчастны, какъ это утверждаютъ, то по какому необъяснимому затменію разсудка упорно отказываются они цивилизоваться по нашему примѣру или научиться жить счастливыми среди насъ, между тѣмъ какъ тысячу разъ случается читать, что французы и другіе европейцы добровольно удаляются къ дикимъ племенамъ и проводятъ среди нихъ всю свою жизнь, не будучи уже въ силахъ разстаться съ такимъ страннымъ образомъ жизни, и встрѣчаются даже миссіонеры, люди, конечно, разсудительные и не увлекающіеся, ко-

торые съ умиленіемъ вспомнаютъ о спокойныхъ и невинныхъ дняхъ, проведенныхъ ими среди этихъ презираемыхъ народовъ? Если мнѣ скажутъ, что они недостаточно просвѣщены, чтобы судить о своемъ состояніи и о нашемъ, то я отвѣчу, что оцѣнка счастья есть скорѣе дѣло чувства, чѣмъ дѣло разума. Сверхъ того отвѣтъ этотъ можетъ быть съ большимъ правомъ обращенъ противъ насъ же самихъ, такъ какъ отъ нашего строя идей дальше до того склада ума, какимъ нужно обладать, чтобы понять привязанность дикарей къ ихъ образу жизни, чѣмъ отъ круга воззрѣній дикарей до такого, который могъ бы сдѣлать имъ понятнымъ образъ жизни людей цивилизованныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ нѣсколькихъ наблюденій они безъ труда замѣтили бы, что цѣною всѣхъ нашихъ усилій мы стараемся достигнуть только двухъ цѣлей: доставить жизненныя удобства себѣ и вызвать уваженіе въ другихъ. Но какъ могли бы мы понять, какое удовольствіе находитъ дикарь въ томъ, чтобы бродить всю жизнь одинокимъ въ лѣсу, удить рыбу или играть на плохой свирѣли, не умѣя извлечь изъ нея ни одного вѣрнаго звука и даже не желая этому научиться.

Много разъ привозили дикарей въ Парижъ, Лондонъ и другіе города. Имъ спѣшили показать нашу роскошь, наши богатства, всѣ наши самыя полезныя и самыя достопримѣчательныя искусства, но все это вызывало въ нихъ только безсмысленное восхищеніе, безъ малѣйшей зависти. Мнѣ вспоминается, между прочимъ, разсказъ о вождѣ одного изъ сѣверо-американскихъ племенъ, привезенномъ лѣтъ тридцать тому назадъ къ англійскому двору. Ему показывали множество различныхъ предметовъ, желая сдѣлать ему такой подарокъ, который пришелся бы ему по вкусу, но ничто, повидимому, не останавливало на себѣ его вниманія. Наше оружіе казалось ему тяжелымъ и неудобнымъ, наша обувь натирала ему ноги, наша одежда стѣсняла его, и онъ отъ всего отказывался. Наконецъ замѣтили, что

взявъ шерстяное одѣяло, онъ съ удовольствіемъ накинулъ его себѣ на плечи. «Вы согласитесь, хоть теперь, сказали ему, что это—вещь полезная?» «Да,—отвѣтилъ онъ,—мнѣ кажется, что оно почти такъ же хорошо, какъ звѣриная шкура». Но онъ не сказалъ бы и этого, если бы ему пришлось поносить его подъ дождемъ.

Быть можетъ, мнѣ скажутъ, что привычка, заставляющая каждаго привязываться къ своему образу жизни, мѣшаетъ дикарямъ оцѣнить хорошія стороны нашего. Но въ такомъ случаѣ должно казаться необычайно страннымъ, что привычка сильнѣе приковываетъ дикарей къ ихъ жалкому существованію, чѣмъ европейцевъ къ ихъ счастью. Но чтобы безповоротно отклонить всякія возраженія, я не стану даже ссылаться на молодыхъ дикарей, которыхъ безуспѣшно старались цивилизовать, не говоря уже о гренландцахъ и исландцахъ, которыхъ пробовали воспитывать и пристраивать въ Даніи, и которые, всѣ до одного, погибли въ скорби и отчаяніи отъ тоски по родинѣ или въ морскихъ волнахъ при попыткѣ достичь вплавь своей страны; я удовольствуюсь тѣмъ, что приведу одинъ хорошо удостовѣренный примѣръ, оцѣнить который по достоинству предлагаю почитателямъ европейской цивилизаціи.

«Всѣхъ усилій голландскихъ миссіонеровъ оказалось недостаточно, чтобы обратить хотя бы одного готтентота. Губернаторъ Капской области Ванъ-деръ-Стель, взявъ одного изъ нихъ къ себѣ съ дѣтства, приказалъ воспитать его въ принципахъ христіанской религіи и въ совершенно европейской обстановкѣ. Его богато одѣвали, научили его многимъ языкамъ, и успѣхи его вполнѣ соотвѣтствовали заботамъ о его воспитаніи. Губернаторъ, возлагавшій большія надежды на его способности, послалъ его въ Индію съ генералъ-коммиссаромъ, который нашелъ въ немъ хорошаго помощника въ своихъ занятіяхъ по дѣламъ компаніи. Послѣ смерти коммиссара онъ вернулся въ Капъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ возвращенія, посѣтивъ нѣкоторыхъ изъ своихъ родствен-

никовъ—готтентотовъ, онъ рѣшилъ снять съ себя европейское платье и снова одѣться въ овечью шкуру. Въ этомъ новомъ одѣяніи онъ вернулся въ фортъ, неся въ рукахъ свертокъ со старымъ платьемъ, и, подавъ его губернатору. онъ обратился къ нему со слѣдующими словами: «Я пришелъ сказать вамъ, что я навсегда отказываюсь отъ этого наряда; я отказываюсь также на всю жизнь отъ христіанской религіи. Я рѣшилъ жить и умереть въ религіи, правилахъ и обычаяхъ моихъ предковъ. Я прошу у васъ только одной милости,—оставить мнѣ это ожерелье и мой охотничій ножъ: я буду хранить ихъ изъ любви къ вамъ». И, не дожидаясь отвѣта Ванъ-деръ-Стеля, онъ убѣжалъ, и его больше никогда не видали въ Капштадтѣ. (*Исторія путешествій*, т. V, стр. 175 франц. перев.).

(17) Мнѣ могли бы возразить, что при подобныхъ неурядицахъ люди не стали бы съ настойчивостью истреблять другъ-друга, а разсѣялись бы по лицу земли, если разсѣянію этому не препятствовали никакія границы. Но во-первыхъ, границами такими были во всякомъ случаѣ границы міра, и если мы вспомнимъ о быстромъ возрастаніи населенія въ естественномъ состояніи, то намъ станетъ ясно, что вся земля должна была быть въ короткое время заселена людьми, принужденными, такимъ образомъ, жить скученно. Сверхъ того, они разсѣялись бы, если бы зло возникло быстро, если бы перемѣна эта совершилась на протяженіи однихъ сутокъ. Но они рождались подъ ярмомъ; они уже привыкли носить его, когда почувствовали его тяжесть, и довольствовались тѣмъ, что ожидали случая его сбросить. Наконецъ, такъ какъ они привыкли уже къ удобствамъ, принуждавшимъ ихъ жить другъ подлѣ друга, то разсѣяться имъ было уже не такъ легко, какъ въ первобытныя времена, когда каждый нуждался лишь въ себѣ самомъ и принималъ извѣстное рѣшеніе, не дожидаясь согласія другого.

(18) Маршалъ де-Виллеръ разсказывалъ, что во время одного изъ его походовъ грандіозныя мошенни-

чества одного поставщика съѣстныхъ припасовъ заставляли страдать и роптать армію. Онъ сдѣлалъ тогда ему суровое внушеніе и пригрозилъ ему, что онъ будетъ повѣшенъ. «Угроза эта меня не страшитъ, — дерзко отвѣтилъ ему плутъ,—смѣю васъ увѣрить, что людей, обладающихъ сотней тысячъ экю, не вѣшаютъ». «Не знаю, какъ это случилось, — наивно прибавлялъ маршалъ,—но онъ въ самомъ дѣлѣ не былъ повѣшенъ, хотя и заслуживалъ этого, какъ никто другой на свѣтѣ».

(19) Даже распредѣляющая справедливость (justice distributive) была бы несовмѣстима съ безусловнымъ равенствомъ естественнаго состоянія, если бы велѣнія ея могли быть проведены въ жизнь въ гражданскомъ обществѣ. Такъ какъ всѣ граждане обязаны оказывать государству услуги, соотвѣтствующія ихъ дарованіямъ и ихъ силамъ, то они должны быть отличаемы и возвышаемы сообразно ихъ заслугамъ. Въ этомъ смыслѣ нужно понимать то мѣсто у Исократа, гдѣ онъ хвалитъ древнихъ аѳинянъ за то, что они сумѣли правильно оцѣнить относительныя преимущества двухъ видовъ равенства, изъ которыхъ одинъ состоитъ въ предоставленіи одинаковыхъ выгодъ всѣмъ гражданамъ безъ различія, а другой въ распредѣленіи ихъ сообразно заслугамъ каждаго. Эти искусные политики, — прибавляетъ оракторъ,—отвергнувъ несправедливое равенство, не различающее добрыхъ отъ злыхъ, неуклонно стремились провести въ жизнь то, которое вознаграждаетъ и наказываетъ каждаго по заслугамъ. Но во-первыхъ, никогда не существовало общества, которое дошло бы до такой степени упадка, чтобы въ немъ не дѣлалось никакого различія между добрыми и злыми, и въ дѣлѣ нравственности, гдѣ законъ не можетъ установить точнаго мѣрила въ руководство магистрату, весьма разумнымъ долженъ быть признанъ такой порядокъ, при которомъ законъ этотъ, чтобы не предоставлять произволу этого магистрата участь и положеніе гражданъ, всвсе запрещаетъ ему оцѣнку лицъ, уполномочивая его оцѣнивать только

поступки. Лишь та чистота нравовъ, которой отличались древніе римляне, дѣлала возможнымъ существованіе цензоровъ, у насъ же подобные трибуналы скоро привели бы къ крушенію всего общественнаго строя. Дѣло общественнаго уваженія—отличать достойныхъ отъ недостойныхъ. Пусть магистратъ судитъ о строгомъ правѣ, истинный же судья нравовъ—народъ, судья нелицепріятный и въ этомъ отношеніи даже просвѣщенный, котораго можно иногда обмануть, но не подкупить. Положеніе гражданъ должно опредѣляться не на основаніи личныхъ ихъ достоинствъ, такъ какъ это значило бы дать въ руки магистратовъ средство примѣнять законъ почти исключительно по собственному ихъ произволу, но на основаніи оказанныхъ ими государству услугъ, поддающихся болѣе точной оцѣнкѣ.

Приложеніе.

Письмо Ж.-Ж. Руссо къ Филополису *).

Вы хотите, М. Г., чтобы я вамъ отвѣтилъ, такъ какъ предлагаете мнѣ вопросы. Дѣло идетъ, къ тому же, о сочиненіи, посвященномъ мною моимъ согражданамъ, и защищая это сочиненіе, я долженъ оправдать ту честь, которую они оказали мнѣ, принявъ его. Я оставляю въ сторонѣ все то, какъ хорошее, такъ и дурное, что относится въ письмѣ вашемъ ко мнѣ лично, такъ какъ второе почти что уравновѣшивается первымъ, такъ какъ я мало этимъ интересуюсь, а публика еще менѣе, и все это нисколько не способствуетъ отысканію истины. Я начну, поэтому, съ того разсужденія вашего, которое считаете вы существеннымъ для разбираемаго мною вопроса.

Общественное состояніе, — говорите вы, — находится въ непосредственной зависимости отъ способностей человѣка и, слѣдовательно, отъ его природы. Желать, чтобы человѣкъ не сталъ существомъ общежительнымъ, значитъ желать, чтобы онъ не былъ человѣкомъ, и возставать противъ человѣческаго общества значитъ нападать на божественное творчество. Позвольте мнѣ предложить вамъ, въ свою очередь, одну задачу, прежде

---

*) Псевдонимъ, скрывавшій извѣстнаго женевскаго метафизика и натуралиста Ш. Боннэ. *Прим. перев.*

чѣмъ разрѣшить вашу. Я избавилъ бы васъ отъ этой окольной дороги, если бы зналъ болѣе прямую. Предположимъ, что нѣсколько ученыхъ открыли однажды секретъ ускорять наступленіе старости и средство побудить людей воспользоваться этимъ необычайнымъ изобрѣтеніемъ. Убѣдить же ихъ было бы, пожалуй, не такъ трудно, какъ можетъ показаться на первый взглядъ, такъ какъ разумъ, этотъ нашъ вѣрный пособникъ во всѣхъ нашихъ глупостяхъ, не преминулъ бы помочь намъ совершить и эту. Чтобы сбросить съ себя иго страстей и наслаждаться отраднымъ душевнымъ спокойствіемъ, философы, а еще болѣе того, люди трезваго образа мыслей, спѣшили бы достичь возраста Нестора и охотно отказывались бы отъ желаній, которыя можно удовлетворить, чтобы избавить себя отъ тѣхъ, которыя приходится заглушать. Только нѣсколько вертопраховъ, сами краснѣя за свою слабость, безразсудно пожелали бы остаться молодыми и счастливыми вмѣсто того, чтобы состарѣться и стать мудрыми.

Предположимъ, что одинъ чудакъ, человѣкъ, склонный къ парадоксамъ, вздумалъ бы тогда упрекать другихъ въ нелѣпости усвоенныхъ ими правилъ, доказывать имъ, что они спѣшатъ навстрѣчу смерти, гонясь за спокойствіемъ, и мелютъ вздоръ, желая быть разсудительными, и что, если имъ суждено современемъ умереть, то они должны, по крайней мѣрѣ, стараться, чтобы это случилось какъ можно позднѣе.

Нечего и говорить, что наши софисты, опасаясь, паденія спроса на ихъ чудодѣйственное средство, поспѣшили бы прервать эту непріятную рѣчь. «Мудрые старцы!—сказали бы они своимъ послѣдователямъ.—Возблагодарите небо за оказанныя вамъ милости и радуйтесь, что такъ послушно повиновались его желаніямъ. Вы дряхлы и немощны, правда, вы страдаете отъ худосочія (таковъ неизбѣжный удѣлъ человѣка!), но вашъ разсудокъ здравъ. Вы не владѣете ни однимъ членомъ вашего тѣла, но тѣмъ свободнѣе ваша голова; вы не

способны дѣйствовать, но говорите, какъ оракулы, и если ваши недуги умножаются съ каждымъ днемъ, то съ каждымъ днемъ прогрессируетъ и ваша философія. Проникнитесь сожалѣніемъ къ бурной юности, которую ея пошлое здоровье лишаетъ благъ, связанныхъ съ вашей слабостью. Какое счастье для васъ ваша немощность, собирающая вокругъ васъ столько искусныхъ аптекарей, у которыхъ больше лекарствъ, чѣмъ у васъ болѣзней, столько свѣдущихъ врачей, основательно изучившихъ вашъ пульсъ и знающихъ по-гречески названіе всѣхъ вашихъ недомоганій, столько ревностныхъ утѣшителей и преданныхъ наслѣдниковъ, любезно сопровождающихъ васъ къ послѣднему часу вашей жизни. Скольких заботъ лишились бы вы, если бы не сумѣли причинить себѣ страданія, сдѣлавшія ихъ необходимыми!»

Развѣ не можемъ мы себѣ представить, что, обратившись затѣмъ къ нашему безразсудному проповѣднику осмотрительности, они сказали бы ему приблизительно слѣдующее: «Остановись, дерзкій витія! Какъ осмѣливаешься ты порицать въ своихъ нечестивыхъ рѣчахъ волю Того, кто создалъ родъ человѣческій? Развѣ состояніе старости не проистекаетъ изъ природы человѣка? Развѣ не естественно для человѣка старѣть? Твои мятежныя слова подрываютъ уваженіе къ естественному закону, а слѣдовательно, и къ волѣ его Создателя. Разъ человѣкъ старѣетъ, значитъ, Богъ желаетъ, чтобы онъ старѣлъ. Развѣ факты не являются выраженіемъ Его воли? Не юнаго человѣка—да будетъ тебѣ это извѣстно!—желалъ создать Богъ, и чтобы какъ можно скорѣе повиноваться Его велѣніямъ, нужно поспѣшить старѣть!»

Предположимъ все это, и я спрошу у васъ, долженъ ли былъ человѣкъ, склонный къ парадоксамъ, молчать или отвѣчать; въ послѣднемъ случаѣ соблаговолите также указать мнѣ, что долженъ былъ онъ говорить. Тогда я попытаюсь отвѣтить на ваше возраженіе.

Такъ какъ вы утверждаете, что исходите, нападая на меня, изъ моей собственной системы, то не забы-

вайте, пожалуйста, что общество, на мой взглядъ, такъ же естественно для человѣческаго рода, какъ дряхлость для индивида, и что народамъ нужны искусства, законы и управленіе. но нужны такъ же, какъ старикамъ костыли. Разница лишь въ томъ, что состояніе старости проистекаетъ изъ одной только природы человѣка, а состояніе общественное проистекаетъ изъ природы человѣка не непосредственно, какъ вы утверждаете, но, какъ я доказалъ, только при содѣйствіи извѣстныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть налицо, но могутъ и не наступить вовсе или, по крайней мѣрѣ, наступить раньше или позже и, слѣдовательно, ускорить прогрессъ или замедлить его. Многія изъ этихъ обстоятельствъ зависятъ даже отъ человѣческой воли. Для полнаго сходства, я долженъ былъ бы предположить, что индивидъ имѣетъ возможность ускорить или замедлить наступленіе своей старости, какъ родъ можетъ ускорить или отсрочить наступленіе своей. Такъ какъ общественный бытъ является крайнимъ предѣломъ, достигнуть котораго люди вольны раньше или позже, то представляется не безполезнымъ указать имъ на опасность идти слишкомъ быстро и на бѣдствія, ожидающія ихъ въ томъ состояніи, которое считаютъ они состояніемъ совершенства ихъ рода.

Въ отвѣтъ на перечисленіе золъ, угнетающихъ людей и являющихся, какъ я утверждаю, дѣломъ ихъ собственныхъ рукъ, вы увѣряете меня, какъ и Лейбницъ, что все существующее — хорошо, и что, такъ разсуждая, мы оправдываемъ Провидѣніе. Я никогда не предполагалъ, чтобы оно нуждалось для своего оправданія въ лейбницевской или какой-нибудь иной философіи. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что философская система, какова бы она ни была, можетъ быть совершеннѣе вселенной, и что для оправданія Провидѣнія аргументы философа могутъ быть убѣдительнѣе божественныхъ твореній. Вдобавокъ, отрицать существованіе зла это—хорошій способъ сложить отвѣтственность

съ его виновниковъ. Стоики нѣкогда съ меньшими усиліями сумѣли сдѣлать себя предметомъ насмѣшекъ.

По словамъ Лейбница и Поппа, все существующее — хорошо. Если существуютъ общества, — значитъ, того требуетъ общее благо; если ихъ нѣтъ, — значитъ, общее благо требуетъ, чтобы ихъ не было; и если бы кто-нибудь убѣдилъ людей вернуться жить въ лѣса, то было бы хорошо, что они туда вернулись. Не слѣдуетъ прилагать къ природѣ вещей понятія о хорошемъ и дурномъ, которое мы составляемъ себѣ на основаніи ихъ отношеній между собою, ибо онѣ могутъ быть хороши относительно извѣстнаго цѣлаго и дурны сами по себѣ. Содѣйствующее общему благу можетъ быть въ данномъ частномъ случаѣ зломъ, отъ котораго позволительно избавиться, когда представляется къ тому возможность. Ибо если зло это, пока мы его испытываемъ, полезно для извѣстнаго цѣлаго, то и противоположное ему благо, которымъ мы стремимся замѣнить его, будетъ съ самаго же возникновенія своего не менѣе полезно для того же цѣлаго. Разъ все хорошо въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, то на этомъ же основаніи, если кто-нибудь стремится измѣнить существующее положеніе вещей, хорошо и то, что онъ къ этому стремится; о томъ же, будетъ ли хорошо или худо, если онъ успѣетъ въ этомъ, можно узнать только изъ фактовъ, а не изъ разсужденій. Нѣтъ, значитъ, ничего недопустимаго въ томъ, чтобы зло въ данномъ частномъ случаѣ было реальнымъ зломъ для того, кто его испытываетъ. Для цѣлаго было благомъ то, что мы стали людьми цивилизованными, такъ какъ мы стали таковыми, но для насъ было бы лучше, конечно, таковыми не становиться. Лейбницъ не вывелъ бы изъ своей системы ничего такого, что могло бы поколебать это предположеніе, и правильно понимаемый оптимизмъ ничего не говоритъ ни въ мою пользу, ни противъ меня.

Но мнѣ приходится возражать не Лейбницу, и не Поппу, а вамъ. Вы же, не различая общаго зла, которое

они отрицаютъ, отъ зла частнаго, котораго они вовсе не отрицаютъ, утверждаете, что разъ вещь существуетъ, то мы не въ правѣ желать, чтобы она существовала въ иномъ видѣ. Но если все хорошо, какъ оно есть, значитъ все было хорошо, какъ оно было тогда, когда не существовало ни законовъ, ни управленія. Но въ такомъ случаѣ введеніе ихъ было, по меньшей мѣрѣ, излишнимъ, и Жанъ-Жаку, согласно вашей системѣ, ничего не стоило бы тогда выйти побѣдителемъ изъ спора съ Филополисомъ. Если все хорошо, какъ оно есть, въ томъ смыслѣ, какъ вы это понимаете, то къ чему исправлять наши пороки, излечивать болѣзни, расѣивать заблужденія? Къ чему наши суды, каѳедры и академіи? Зачѣмъ звать врача, если васъ лихорадитъ? Почему вы знаете, что благо болѣе значительнаго цѣлаго, вамъ неизвѣстнаго, не требуетъ, чтобы у васъ былъ жаръ, и что здоровье обитателей Сатурна или Сиріуса не пострадаетъ отъ улучшенія вашего? Пусть все идетъ само собою, чтобы все шло хорошо. Если все такъ хорошо, какъ только можетъ быть, то вы должны осуждать всякую дѣятельность, такъ она неизбѣжно производитъ нѣкоторыя измѣненія въ современномъ ея проявленію положеніи вещей. Нельзя ни до чего коснуться, не совершая зла, и человѣку остается одна только добродѣтель — полнѣйшій квіетизмъ. Наконецъ, если все хорошо въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, то хорошо, что существуютъ лапландцы, эскимосы, алгонкины и караибы, обходящіеся безъ нашей цивилизаціи, готтентоты, надъ ней смѣющіеся, и нѣкій женевецъ, одобряющій ихъ. Самъ Лейбницъ согласился бы съ этимъ.

Человѣкъ таковъ,—говорите вы, —какъ того требовало мѣсто, которое ему суждено было занять въ природѣ. Но люди настолько различаются между собою, въ зависимости отъ мѣста и времени, что, руководствуясь подобной логикой, мы принуждены были бы, идя отъ частнаго къ общему, дѣлать выводы, очень противо-

рѣчивые и малоубѣдительные. Достаточно одной географической ошибки, чтобы превратить въ груду развалинъ эту мнимо-научную доктрину, выводящую то, что должно быть, изъ того, что находится у насъ передъ глазами. «Пусть бобры прячутся въ норы,—скажетъ индѣецъ,—человѣкъ же долженъ спать подъ открытымъ небомъ въ подвѣшенномъ къ деревьямъ гамакѣ!» — Нѣтъ, нѣтъ, — скажетъ татаринъ, — человѣку слѣдуетъ спать въ кибиткѣ!— «Бѣдняги! — воскликнутъ съ видомъ состраданія наши Филополисы, — развѣ вы не видите, что человѣку предназначено судьбой строить города». Разсуждая о человѣческой природѣ, истинный философъ будетъ не индѣйцемъ и не татариномъ, не женевцемъ и не парижаниномъ. но человѣкомъ.

Я считаю обезьяну животнымъ и объяснилъ, почему. Вы любезно сообщаете мнѣ, что орангъ-утангъ также животное. Но, послѣ приведенныхъ мною фактовъ, доказать это, мнѣ кажется, было бы трудно. Вы слишкомъ глубокомысленно разсуждаете, чтобы говорить въ этомъ случаѣ наобумъ, какъ наши путешественники, рискующіе безъ долгихъ околичностей причислить къ животнымъ себѣ подобныхъ, и оказали бы большую услугу публикѣ и даже просвѣтили бы нашихъ натуралистовъ, сообщивъ намъ. какимъ путемъ пришли вы къ рѣшенію этого вопроса.

Въ своемъ посвятительномъ посланіи я съ чувствомъ живѣйшей радости отмѣтилъ, что мое отечество имѣетъ одну изъ наилучшихъ на свѣтѣ системъ управленія. Въ своемъ разсужденіи я доказалъ, что хорошія системы управленія должны встрѣчаться крайне рѣдко. Не вижу, въ чемъ замѣтили вы тутъ противорѣчіе. И откуда знаете вы, что, если бы мнѣ позволило здоровье, то я предпочелъ бы жить въ лѣсу, а не среди своихъ согражданъ, къ которымъ, какъ вамъ извѣстно, я питаю самыя нѣжныя чувства. Ничего подобнаго я не говорилъ въ своемъ сочиненіи, и вы должны были, наоборотъ, найти тамъ очень вѣскіе доводы противъ рѣ-

шенія избрать этотъ образъ жизни. Я лично слишкомъ хорошо сознаю, какъ трудно было бы мнѣ обойтись безъ общества людей, столь же испорченныхъ, какъ я самъ, и даже мудрецъ, если онъ мудрецъ истинный, не пойдетъ теперь искать счастья въ глубинѣ пустыни. Нужно оставаться, если возможно, всю жизнь въ своемъ отечествѣ, чтобы любить его и служить ему. Счастливъ тотъ, кто, будучи лишенъ этого преимущества, можетъ, по крайней мѣрѣ, жить на лонѣ дружбы въ общемъ отечествѣ рода человѣческаго, въ томъ открытомъ для всѣхъ людей и пространномъ убѣжищѣ, гдѣ равно привольно живется строгой мудрости и вѣтреной юности, гдѣ царятъ гуманность, гостепріимство и кротость и всѣ прелести культурнаго общества, гдѣ бѣдность находитъ еще друзей, добродѣтель—одушевляющіе ее примѣры, а разумъ—просвѣщающихъ его руководителей. На этихъ обширныхъ подмосткахъ, гдѣ подвизаются фортуна, порокъ, а порой и добродѣтели, передъ глазами наблюдателя открывается поучительное зрѣлище жизни человѣческой, но свою жизнь каждому слѣдуетъ кончить въ мирѣ въ своей странѣ.

Мнѣ кажется, что вы слишкомъ сурово критикуете одно мое разсужденіе, на мой взглядъ, совершенно справедливое, но, независимо отъ вопроса о его справедливости, не имѣющее у меня того смысла, какой придаете ему вы, прибавляя одну только лишнюю букву. Вы приписываете мнѣ слова: *Если природа желала, чтобы мы были святыми* *), *то я почти склоненъ утверждать, что состояніе мышленія—противоестественно, и что размышляющій человѣкъ—выродившееся животное.* Смѣю васъ увѣрить, что если бы я смѣшалъ подобнымъ образомъ здоровье со святостью, то счелъ бы себя достойнымъ стать великимъ святымъ на томъ свѣтѣ

---

*) Въ статьѣ Ш. Боннэ въ «Mercure» дѣйствительно было напечатано, но, какъ выяснилось впослѣдствіи, просто по недосмотру, «saints» (святые), вмѣсто «sains» (здоровые).

Прим. перев.

или, по крайней мѣрѣ, всегда прекрасно чувствовать себя на этомъ.

Въ заключеніе я отвѣчу на три послѣдніе ваши вопроса. Я не стану злоупотреблять тѣмъ временемъ, которое вы мнѣ даете, чтобы подумать надъ ними, такъ какъ позаботился сдѣлать это раньше.

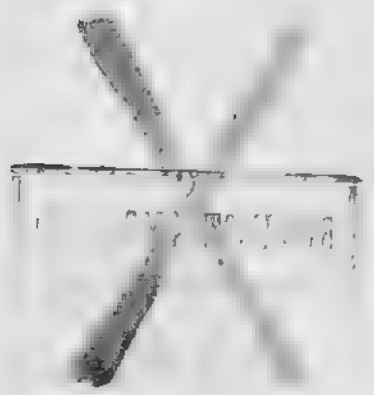
Можетъ ли человѣкъ или иное чувствующее существо, никогда не испытавшее боли, испытывать состраданіе и будетъ ли ощущать волненіе при видѣ умерщвляемаго дитяти. Я отвѣчаю: нѣтъ.

Почему чернь, которой г. Руссо приписываетъ такую склонность къ состраданію, такъ охотно идетъ смотрѣть на какого-нибудь несчастнаго, умирающаго на колесѣ? По той же причинѣ, по какой вы идете проливать слезы въ театрѣ и смотрѣть, какъ Сеидъ умерщвляетъ своего отца или Ѳіестъ пьетъ кровь своего сына. Состраданіе—чувство. доставляющее наслажденіе, и неудивительно, что люди ищутъ возможности испытать его. Къ тому же всякому свойственно тайное любопытство, подстрекающее насъ подсмотрѣть, что происходитъ съ нами при приближеніи того страшнаго момента. котораго никому не суждено избѣжать. Прибавьте къ этому удовольствіе быть въ теченіе двухъ мѣсяцевъ популярнымъ ораторомъ въ своемъ околоткѣ и патетически разсказывать сосѣдямъ о кончинѣ послѣдняго колесованнаго.

Лежатъ ли въ основѣ привязанности, проявляемой самками животныхъ къ ихъ дѣтенышамъ, интересы самихъ этихъ дѣтенышей или же ихъ матери? Сперва интересы матери. такъ какъ привязанность эта нужна ей самой, а затѣмъ дѣтенышей, такъ какъ привязанность продолжается въ силу привычки. Я говорилъ объ этомъ въ своемъ разсужденіи: *Если бы то была ихъ мать, то благосостояніе дѣтенышей только болѣе обезпечивалось бы этимъ.* Я, дѣйствительно, склоненъ такъ думать, но правило это должно быть скорѣе ограничено, чѣмъ распространено, такъ какъ мы не видимъ, чтобы

цыплята съ той самой минуты, какъ вылупятся они изъ яйца, были сколько-нибудь нужны ихъ матери, и все же она не уступитъ никому другому въ материнской нѣжности.

Вотъ, М. Г., мои отвѣты. Примите также къ свѣдѣнію, что здѣсь, какъ и въ первомъ своемъ разсужденіи, я остаюсь чудовищемъ, утверждающимъ, что человѣкъ добръ отъ природы, а мои противники — людьми благонамѣренными, силящимися доказать въ назиданіе всѣмъ и каждому, что природа способна создавать только злодѣевъ.



4

48327

B

10 Ee
324